

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1901.

№ 10.

МАЙ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Рѣчь о практической борьбѣ христіанъ съ современными заблужденіями и пороками. <i>Пресвященнаго Аморося, Архіепископа Харьковскаго.</i>	599—639
Анимистическая теорія о религіи, ея сущности и происхожденіи (окончаніе). Профессора Харьковскаго Университета, <i>Прот. Т. Буткевича.</i>	640—669
Правда о графѣ Львѣ Толстомъ	670—681
Бесѣда Наблюдателя церковныхъ школъ В. И. Шемякина съ учениками второй-классной школы въ г. Славянскѣ, 11 мая 1901 года	682—686
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Сравнительная цѣнность различныхъ симпатическихъ чувствованій съ нравственной точкой зрѣнія. (Состраданіе, сорадваніе и любовь). <i>II. Левитова.</i>	387—402
Значеніе идеи Бога въ философіи Декарта (продолженіе). <i>С. Моложавого.</i>	403—414
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВОКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Высочайшія награды.—Опредѣленія Святейшаго Синода.—Узаконенія и распоряженія Правительства.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Журналъ Общаго Собранія Вѣдомольскаго Братства ревнителей вѣры и церкви православной во имя Пресвятныя Богородицы.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1901.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ чловѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковского Повровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лѣнія, контора В. Глярковского, Столѣнниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“. Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вошіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Мая 1901 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солмцевъ.*

РѢЧЬ

Преосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго,

О практической борьбѣ христіанъ съ современными заблужденіями и пороками ¹⁾).

Не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое (Рим. 12, 21).

Въ этомъ изреченіи Св. Апостола Павла указываетъ намъ особенный родъ борьбы съ заблужденіями и пороками вѣка, которая повидимому позабыта многими изъ нашихъ образованныхъ людей, даже сохранившихъ въ сердцахъ своихъ вѣру и любовь къ Церкви. Эти лучшіе люди нашего общества, къ нашему утѣшенію, съ любовію встрѣчаютъ труды пастырей церкви и духовныхъ писателей въ борьбѣ съ ложными современными ученіями и учителями и желаютъ умноженія проповѣдниковъ истины и успѣха ихъ усиліямъ, но они опускаютъ изъ виду, что на нихъ самихъ, какъ и на всѣхъ христіанахъ, ученыхъ и неученыхъ, лежитъ обязанность принимать участіе въ борьбѣ за истину, если не словомъ, то дѣломъ. И эта борьба дѣломъ, доступная всѣмъ, тверже, глубже, плодотворнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ борьба однимъ словомъ. О словесной борьбѣ Св. Апостоль Павелъ говоритъ ученому епископу Тимоѳею, а съ нимъ, разумѣется, и всѣмъ пастырямъ Церкви и ревнителямъ по вѣрѣ Христовой, обладаю-

¹⁾ Произнесена въ актовомъ залѣ Харьковской Духовной Семинаріи 13 мая въ присутствіи воспитанниковъ семинаріи и городского духовенства.

щимъ словомъ: «проповѣдуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщевай съ великимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ. Ибо будетъ время (а для насъ оно уже и настало), когда здраваго ученія принимать не будутъ, но, по своимъ прихотямъ, будутъ избирать себѣ учителей, которые бы льстили слуху; и отъ истины отвратятъ слухъ и обратятся къ „баснямъ“ (2 Тим. 4, 2—4). Но тотъ же Апостоль говоритъ всѣмъ христіанамъ: „не будь побѣжденъ зломъ, но побѣждай зло добромъ“. Что это значитъ? То, что какъ истина ученія Христова въ устахъ проповѣдниковъ противопоставляется заблужденіямъ человѣческимъ и побѣждаетъ ихъ, такъ и христіанское добро, или добродѣтели всѣхъ вѣрующихъ, противопоставляются грѣхамъ и порокамъ современниковъ и одолеваяютъ ихъ. Первый способъ борьбы съ заблужденіями и пороками называется, и есть *словесный*, а второй — *дѣятельный, практический*. Конечно, желательно, чтобы тотъ и другой родъ борьбы, — дѣломъ и словомъ — сосредоточивался и въ каждомъ отдѣльномъ борцѣ за вѣру и добродѣтель. Но это соединеніе въ полной мѣрѣ недостижимо для людей обыкновенныхъ, а указано намъ въ избранникахъ Божіихъ, каковы Пророки и Апостолы, и великіе праведники, а въ высочайшей степени въ двухъ законодателяхъ Церкви Христовой, — въ Моисеѣ, вѣрномъ служителѣ въ домѣ Божіемъ (Евр. 3, 2) и въ Иисусѣ Христѣ Сынѣ Божіемъ — въ Самомъ Владыкѣ дома Божія, Основателѣ Церкви ветхозавѣтной до своего воплощенія, и Создателѣ Церкви новозавѣтной въ Богочеловѣчествѣ, по воплощеніи. О Моисеѣ сказалъ Св. Архидіаконъ Стефанъ передъ синадріономъ: *бы силенъ въ словесахъ и дѣлахъ* (Дѣян. 7, 22), а объ Иисусѣ Христѣ сказали ему Самому, неузнанному Апостолами на пути въ Еммаусь, Лука и Клеопа: *уже*

Бысть мужъ пророкъ, силенъ дѣломъ и словомъ предъ Богомъ и всѣми людьми (Дѣян. 21, 20). Но успѣхъ борьбы вѣрующихъ за имя Христова и тогда можетъ быть вѣрнымъ, когда каждый христіанинъ дѣйствуетъ, чѣмъ можетъ, и какъ можетъ, лишь бы не уклонялся отъ ученія Церкви и отъ добродѣтелей христіанскихъ. Но совокупная и ревностная борьба за вѣру,—какъ проповѣдниковъ приготовленныхъ на этотъ трудъ,—такъ и иныхъ вѣрующихъ въ простотѣ сердца, и ревнующихъ о благѣ своей Церкви, составляетъ силу по истинѣ божественную, несокрушимую и непобѣдимую, по слову Христову: «создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея» (Мат. 16, 18).

Изъ этого видно, что христіанское ученіе о практической борьбѣ съ заблужденіями и пороками весьма важно, и изъясненіе его для нашего времени особенно благопотребно. Рѣшаясь принять на себя, съ помощію Божіею, этотъ трудъ, мы 1) изъяснимъ самое понятіе о дѣятельной борьбѣ,—въ отличіе ея отъ борьбы словесной и особое ея значеніе въ христіанской жизни.

2) Особые приемы этой борьбы, ей одной свойственные, отличающіе ее отъ всякой борьбы человѣческой; и условія, при которыхъ она можетъ быть благоуспѣшна, и наконецъ

3) плоды этой борьбы или успѣхи въ утвержденіи вѣры и доброй нравственности въ христіанскомъ обществѣ.

I.

Извѣстно, что душа человѣческая имѣетъ три способа проявленія и выраженія своей внутренней жизни и дѣятельности: *мысль, слово и дѣло*. Мысли возникаютъ, видоизмѣняются и складываются внутри души человѣческой, ни для кого невидимо, какъ говоритъ Апо-

столь: „кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ?“ (1 Кор. 2, 11). Первый способъ изнесенія мыслей наружу, или сообщенія ихъ людямъ есть *слово*. Черезъ слово много, или мало, искренно, или неискренно, мысли сообщаются людямъ съ цѣлями и намѣреніями, какія имѣютъ сообщающіе ихъ. Когда намѣреніе говорящаго утвердилось, цѣль опредѣлилась, онъ исполняетъ свое намѣреніе, мысль обращаетъ въ *дѣло*. Такимъ образомъ постепенно устанавливается и утверждается дѣятельность человѣка, и онъ является передъ всѣми тѣмъ, что онъ есть. По мыслямъ, которыя часто мѣняются и въ большинствѣ остаются безъ исполненія, человѣкъ иногда и самъ себѣ не можетъ дать отчета, что онъ, и каковъ онъ; тѣмъ болѣе не могутъ знать о немъ люди. По словамъ напротивъ и самъ онъ можетъ обсуждать себя, и люди могутъ судить о немъ, но это только отчасти; такъ какъ и слова часто измѣняются вмѣстѣ съ мыслями, и не всегда бываютъ правдивы. Отъ этого происходитъ у насъ недоувѣріе къ словамъ другихъ, сомнѣніе въ ихъ достовѣрности, и въ истинности самыхъ высказываемыхъ мыслей и сужденій о всѣхъ предметахъ, какъ относящихся къ общежитію, такъ и къ наукѣ, и къ вѣрѣ. Отсюда происходятъ между людьми недоразумѣнія, споры и раздѣленія доходящія до вражды. Все рѣшаетъ и запечатлѣваетъ *дѣло*; въ немъ видѣнъ весь человѣкъ съ своими мыслями, которыя онъ тайлъ въ себѣ, съ своими словами вѣрными, или лживыми, которыя говорилъ до совершеннаго имъ дѣла. По дѣлу худому человѣка развращеннаго узнаются мысли, бывшія источникомъ самого дѣла, вспоминаются и оцѣниваются прежде сказанныя имъ слова и становится очевиднымъ, въ чемъ была у него ложь и въ чемъ правда. По дѣламъ же добрымъ окон-

чательно оцѣниваются и благія мысли породившія ихъ и слова имъ предшествовавшія, такъ что и самая вѣра получаетъ полную оцѣнку только по дѣламъ. И самъ Иисусъ Христосъ, видявъ Іудеяхъ недовѣріе къ Его слову, указывалъ имъ на дѣла Свой, какъ на послѣдній способъ убѣжденія: *аще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры: аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте, да разумѣете и вѣруете, яко во Мнѣ Отецъ, и Азъ во Немъ* (Іоан. 10, 37, 38).

Примѣнительно къ этимъ неизмѣннымъ законамъ нашей душевной жизни и дѣятельности опредѣляется и дѣятельная, или практическая борьба христіанъ за ихъ вѣру и убѣжденія. Чистая и благоговѣйная мысль о предметахъ вѣры есть внутреннее достояніе души человѣческой невидимое для другихъ; слово исповѣданія и проповѣданія вѣры не всѣмъ доступно и не для всѣхъ убѣдительно, но дѣло благое, совершаемое по закону Христову, видимо для людей, и несомнѣнно открываетъ истинное достоинство человѣка: чистоту его помысловъ, вѣрность его словъ и сужденій, правоту и благотворность его намѣреній и желаній.

По этимъ чертамъ такъ опредѣляется практическая борьба христіанъ за вѣру: она есть живое, сознательное противопоставленіе и противодѣйствіе воплощаемого и осуществляемого въ дѣлахъ вѣрующихъ истиннаго ученія Христова растлѣвающимъ умы лжеучителямъ и плодящимъ бѣдствія развращеннымъ людямъ. Это и объяснилъ намъ Господь Иисусъ Христосъ, сравнивъ собраніе истинныхъ учениковъ Своихъ съ городомъ, стоящимъ на горѣ и для всѣхъ видимымъ (Мат. 5, 14) и со свѣтильниками поставленными не подъ сосудомъ, а на подсвѣчникѣ и освѣщающими храмину, *да входящїи видятъ свѣтъ* (Лук. 8, 16), т. е., чтобы люди окружающіе учениковъ Христовыхъ свѣтомъ ихъ

добродѣтелей были привлекаемы къ общенію съ ними, или въ Церковь Христову.

Но нельзя окончательно установить правильныя понятія ни о борьбѣ вѣрующихъ съ заблужденіями и пороками извѣстнаго вѣка, ни о способахъ этой борьбы, не изложивши общаго ученія Іисуса Христа о борьбѣ, или брани вѣрующихъ съ врагами вѣры, предуказанной Имъ на всѣ времена и для всѣхъ народовъ. Господь говорилъ ученикамъ Своимъ предъ Своими страданіями: «миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ какъ міръ даетъ, Я даю вамъ: да не смущается сердце ваше, и да не устрашается» (Іоан. 14, 27), т. е. не тотъ миръ даю вамъ, непрочный и недолговѣчный, какой заключаютъ между собою люди, и за который нельзя поручиться, но „миръ Мой“ вѣчный и невозмутимый, такъ что сердце ваше навсегда будетъ успокоено и свободно отъ страха. Но когда этотъ благодатный, божественный миръ будетъ достояніемъ вѣрующихъ?—Только послѣ рѣшительной побѣды надъ врагомъ Самаго Господа и Его послѣдователей. И съ какою силою Господь изрекъ Свое пророчество о брани предстоящей христіанамъ! „Не думайте, говорилъ Онъ, что Я пришелъ принести миръ на землю, не миръ пришелъ Я принести, но мечъ (Мат. 10, 34). «Огонь пришелъ Я низвести на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ скорѣе возгорѣлся» (Лук. 12, 49). Какъ подвигоположникъ и предводитель своего духовнаго воинства (Евр. 12, 2), Іисусъ Христосъ Самъ начиналъ и имѣлъ окончить побѣдою брань съ діаволомъ, виновникомъ всѣхъ бѣдствій рода человѣческаго и со всѣми силами ада (Іоан. 12, 31; 16, 10). И Онъ желалъ, чтобы скорѣе наступила для Него эта брань, подобно тому, какъ мужественный, искусный и знающій свои силы полководецъ, увѣренный въ побѣ-

дѣ, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ начала сраженія. Господь готовился къ побѣдѣ, и сатана собиралъ свои силы для сопротивленія. *Симоне, Симоне*, говорилъ Иисусъ Христосъ Петру предъ Своими страданіями, *се сатана проситъ васъ, дабы съялъ яко пшеницу; Азъ молихся о тебѣ, да не осудитъ врагъ твой, ты же, обращай, утверди братію твою* (Лук. 22, 31, 32).

Станемъ на эту точку зрѣнія, вспомнимъ и соберемъ въ одно цѣлое событія первыхъ вѣковъ христіанства, и намъ представится величественная и поразительная картина этой борьбы, объявшей всю вселенную. Иисусъ Христосъ напередъ точно и ясно опредѣлилъ обѣ борющіяся стороны. Иудейство пало, язычество, господствовавшее во всемъ остальномъ мірѣ, отъ самаго грубаго идолопоклонства до утонченной мифологіи Грековъ и Римлянъ, представляло разнообразнѣйшія религіозныя заблужденія и погрязало въ неописуемыхъ порокахъ и преступленіяхъ. Господь назвалъ все погибающее человѣчество однимъ словомъ: „міръ“, т. е. царство лжи, зла, страстей, всевозможныхъ преступлений, подъ владычествомъ ожесточеннаго и непримиримаго врага истины и добра—сатаны.

Другой сторонѣ Онъ далъ имя: „царство Божіе, царство небесное“ (Мат. 4, 17; 12, 28), такъ какъ только съ неба, отъ единаго истиннаго Бога, могли быть ниспосланы на землю: истинное ученіе о Богѣ—Духѣ, о поклоненіи Ему духомъ и истиною, о назначеніи человѣка, о правдѣ и любви, о чистотѣ и цѣломудріи. Это царство было преисполнено богоподобныхъ добродѣтелей, дышало миромъ, любовію и кротостію. И вотъ мечъ, брошенный Иисусомъ Христомъ на землю, оказался въ рукахъ враговъ Его. Иначе и быть не могло, потому что ученіе Христово, „обличая міръ о грѣхѣ“ (Іоан. 16, 8), т. е. осуждая религіозныя за-

блужденія, страсти, пороки и обычаи развращеннаго челоѣчества, должно было возбудить въ немъ ненависть и озлобленіе противъ христіанъ по другому изреченію Спасителя: *всякъ, дѣлаяй злоя, ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его* (Іоан. 3, 20). На христіанъ же палъ огонь по пророческому слову Св. Іоанна Крестителя о грядущемъ Искупителѣ: *Той въ креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Мат. 3, 11). И вотъ, тотчасъ по воскресеніи Христовомъ и сошествіи Святаго Духа на Апостоловъ, началась эта огненная борьба между вѣрующими во Христа и ихъ врагами. Ее открыли прежде всѣхъ Іудеи, осужденные и раздраженные обличеніями ихъ заблужденій изъ устъ Самаго Іисуса Христа. Извѣстны яростныя гоненія ихъ на христіанъ и лукавыя способы возбужденія вражды противъ нихъ язычниковъ. Отъ Іудеевъ и язычниковъ христіане названы были врагами всякой религіи, бунтовщиками противъ правительствъ, составителями тайныхъ заговоровъ, скрытными преступниками, приносящими невѣдомыя жертвы новому неизвѣстному Богу, закаляющими и пьющими кровь младенцевъ и пр. Христіане объявлены были состоящими внѣ покровительства законовъ государственныхъ, и въ теченіе трехъ вѣковъ, съ непродолжительными роздыхами, во всей римской имперіи мечъ язычниковъ ручьями проливалъ кровь христіанъ, и ожесточенная злоба враговъ ихъ истощилась въ изобрѣтеніи имъ казней, каковы: публичныя поруганія, тюрьмы, сожиганіе живыхъ облитыхъ смолою (какъ было сдѣлано для освѣщенія садовъ Нерона), строганіе тѣла желѣзными орудіями, раздробленіе членовъ, травля звѣрями въ циркахъ, бросаніе въ кипящее масло, распятіе на крестахъ, отсѣченіе головы и пр.

Что же христіане? Что же Церковь Христова? Покорно, молчаливо, съ крестнымъ знаменіемъ и молитвою шли христіане на всѣ страданія и мученія. Ни ужасы казней, ни угрозы мучительной смерти, ни льстивыя обѣщанія мучителей дать свободу и даже награду за одну щепотку благовоннаго куренія, брошенную въ огонь передъ идолами,—ничто не устрашало и не колебало мужества борцовъ. На все не только отъ зрѣлыхъ мужчинъ и женщинъ, но даже отъ молодыхъ дѣвицъ и дѣтей слышался одинъ кроткій отвѣтъ: „христіанинъ есмь!“ А церковь дѣлала свое дѣло: въ лѣсахъ и катакомбахъ она молилась, приносила истинному Богу чистыя духовныя жертвы, вѣряя свою судьбу Господу Іисусу. По слову Его, сказанному Апостоламъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдахъ вамъ* (Мат. 28, 19. 20), Церковь подвизалась во всѣхъ родахъ христіанскихъ добродѣтелей: въ цѣломудріи, воздержаніи, любви, благотворительности, смиреніи, терпѣннн, честномъ исполненіи гражданскихъ обязанностей и пр. Пастыри Церкви и избранные и просвѣщаемые духомъ Божиимъ ревнители вѣры проповѣдывали ученіе Христово, писали апологіи въ защиту христіанъ, представляли ихъ римскимъ императорамъ, обличали заблужденія язычниковъ, но все общество вѣрующнхъ почитало своею обязанностью *творить волю Божию*, исполнять завѣты Христовы и не волнуясь, не предвосхищая другъ у друга правъ учительства, представляло, въ виду язычниковъ, союзъ вѣрныхъ и твердыхъ, истинныхъ учениковъ Христовыхъ. По этому, съ радостью повторяя слова Св. Апостола Іоанна Богослова: *сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша* (1 Іоан. 5, 4), мы должны помнить, что не ученіе только и проповѣдь христіан-

ская побѣдили міръ, а вмѣстѣ съ нею вѣра живая, дѣятельная, т. е. не только слово истины, но и *дѣло* вѣры. И слово ученія потому только было сильно, что имѣло за собою святое и сильное воинство дѣятелей вѣрныхъ слову ученія, являвшихъ въ себѣ совершенства, которыми были обличаемы и поражаемы немощныя и разслабленныя пороками силы язычества.

Какъ велики были плоды этой безмолвной проповѣди *дѣломъ* ученія Христова, мы видимъ изъ свидѣтельства самихъ язычниковъ. Удивляясь добродѣтелямъ христіанъ, они справедливо заключали, что добродѣтели не могутъ быть послѣдствіемъ ложныхъ ученій и преступныхъ религіозныхъ обрядовъ и таинствъ, что въ основаніи ихъ должна быть истина и чистыя нравственныя правила жизни. Многіе изъ ученыхъ язычниковъ, ставшихъ впослѣдствіи защитниками христіанъ, привлечены были къ изученію христіанства и къ вѣрѣ во Христа именно видя безупречную жизнь христіанъ. Сами гонители обращались въ Христіанство, видя терпѣніе, кротость и прощеніе врагамъ со стороны мучениковъ. Знаменитый языческій врачъ Галенъ говоритъ: „мы свидѣтели, что они (христіане) научились презирать смерть, и изъ стыда остерегаются наслажденій плоти. Среди нихъ есть мужчины и женщины, которые воздерживаются отъ брака. Среди нихъ есть и такіе, которые, въ своихъ стараніяхъ обуздать свою душу и жить честно, доходятъ такъ далеко, что не уступаютъ истиннымъ философамъ“. Ничто такъ не изумляло язычниковъ, ничто такъ не было удивительно для нихъ, какъ любовь среди христіанъ. „Смотрите, кричали они, какъ они любятъ другъ друга. Они любятъ даже не зная другъ друга“¹⁾. Языческій риторъ Ливаній восклицаетъ: „и что за

¹⁾ Tert. Apolog. 39.

жены у христіанъ!“ Честность, вѣрность христіанъ и исполнительность въ дѣлахъ общественныхъ должностей такъ были извѣстны язычникамъ, что самъ жесточайшій гонитель христіанъ императоръ Діоклитіанъ находилъ ихъ людьми наиболѣе преданными и вѣрными ему, и вполне довѣрялъ имъ, какъ тѣлохранителямъ, свою жизнь ¹⁾. Слѣдующее чудесное событіе поразило гонителя христіанъ, императора Марка Аврелія и заставило его прекратить гоненіе. Въ 174 году, Маркъ Аврелій велъ войну съ Маркоманами и Квадами—германскими племенами. Окруженные со всѣхъ сторонъ непріятелями въ Богемскихъ горахъ, римскія войска томились жаромъ и жаждою и положеніе ихъ было безнадежно. Одинъ легионъ,—X-ый (фульминатъ, громоносный), образованный еще при Нервѣ и Траянѣ, исключительно состоялъ изъ христіанъ. Эти христіане пали на колѣни и молили Бога помочь имъ. Внезапно небо покрылось тучами, и обильный дождь освѣжилъ римскихъ воиновъ, между тѣмъ какъ страшная гроза съ молніей и громомъ разразилась надъ непріателемъ, который искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Всѣ единодушно признали это событіе сверхъестественнымъ. Нѣкоторые изъ язычниковъ, конечно, приписали это чудо богамъ своимъ, но самъ Маркъ Аврелій призналъ, что войска его обязаны своимъ спасеніемъ молитвѣ христіанъ.

Такимъ образомъ дѣятельная борьба первыхъ христіанъ за истину представляетъ ясное оправданіе словъ Св. Апостола Павла: «царствіе Божіе не въ словѣ, а въ силѣ» (1 Кор. 4, 20), «проповѣдь наша не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы» (1 Кор. 2, 4), т. е. проповѣдь Апостоловъ и всѣхъ учителей Церкви есть первый способъ побѣж-

¹⁾ Письмо Феопы. Routh, Relig. sacr. III, 439.

дать и разрушать заблужденія умовъ человѣческихъ, просвѣщать ихъ истиною, располагать сердца людей къ принятію слова Божія, но если ею ограничится вся дѣятельность послѣдователей Христовыхъ, то ученіе вѣры будетъ только достояніемъ умовъ, предметомъ преній, и, по слабости человѣческой, оразнообразится, исказится и затеряется въ ряду наукъ человѣческихъ. Но дѣло, совершаемое по ученію Христову, есть *печатъ*, полагаемая на ученіе, есть неумирающее и бесспорное свидѣтельство о достоинствѣ тѣхъ истинъ и правилъ, по которымъ оно совершено. Только въ дѣлахъ христіанскихъ можетъ вполнѣ проявиться и сила благодати Божіей, исцѣляющей страждущее человѣчество, только въ опытахъ жизни можетъ раскрыться все дѣло промысленія Божія о спасеніи людей, и безконечная любовь Искупителя нашего, усвоившаго насъ Себѣ Своею крестною жертвою и какъ дѣтей воспитывающаго насъ въ Церкви для царствія небеснаго. Говоря сравнительно, ученіе христіанское есть изображеніе сада прекраснаго и плодоноснаго, къ насажденію котораго убѣждается каждый домохозяинъ, желающій себѣ пользы, но дѣла христіанскія представляютъ этотъ садъ уже насажденнымъ, цвѣтущимъ и плодоносящимъ, составляющимъ радость владѣльца и наслажденіе его зрителей и посѣтителей. Поэтому, видя разореніе прекраснаго сада нашей Церкви и православнаго отечества нашего отъ лжеучителей, мы должны не говорить только, и на словахъ сожалѣть объ этомъ, а возстановлять садъ на дѣлѣ; дикія растенія въ немъ вырывать, зачахшія деревья освѣжать удобреніемъ и уходомъ, и располагать всѣхъ знающихъ и видящихъ заботу нашу подражать намъ, и у себя дѣлать то же. Ясно, что мы должны бороться съ заблужденіями и пороками нашего времени

не сочиненіями только и разсужденіями, а дѣлами. Но, къ удивленію нашему, мы увидимъ, что дѣлать это въ наше время труднѣе, чѣмъ было даже во время самыхъ сильныхъ гоненій въ первые вѣка христіанства.

II.

Было время, и только два вѣка тому назадъ, когда нашъ православный народъ представлялъ изъ себя одно цѣлое, крѣпкое тѣло, готовое къ дѣятельной борьбѣ со всѣми врагами, какъ изъ иновѣрныхъ христіанъ, такъ и изъ язычниковъ. Нынѣ онъ по отношенію къ вѣрѣ раздробленъ на три части. Первая,—это большинство малограмотнаго простого народа, любящаго свою вѣру, по мѣрѣ своего разумѣнія, трудящагося въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, но мы не можемъ вызывать эту часть народа на борьбу, о которой говорили. Не поймутъ ее, какъ должно, эти простые русскіе люди, притомъ соблазняемые и развращаемые внушеніями враговъ Церкви.

Вторая часть—это сами развратители народа, либералы, матеріалисты, толстовцы, пашковцы и прочіе люди, недоучившіеся, или переучившіеся, и философствующіе съ голоса заграничныхъ мыслителей. Съ ними намъ нечего говорить о борьбѣ за вѣру Христову, которой они не признаютъ и которая имъ ненавистна до того, что они ухищряются всѣми способами стереть ее съ лица земли. Ихъ умы извращены, сердца загружены страстями: «слово Мое, говоритъ Господь, не вмѣщается въ нихъ» (Іоан. 8, 37). Ихъ вразумитъ Промыслъ Божій несчастіями, болѣзнями, страхомъ смерти и пр.

Въ срединѣ, между этими двумя частями нашего народа, стоитъ третья,—по истинѣ достойная сожалѣнія, и требующая пробужденія и вразумленія благодатію Божіею и словомъ истины. Это христіане образован-

ные, чувствующие въ себѣ новаго человѣка, рожденнаго отъ Духа Святаго во св. крещеніи, почитающіе и пріемлющіе святыя таинства, озаряемые, по временамъ, благодатнымъ просвѣтленіемъ совѣсти, но въ разсѣянной свѣтской жизни не находящіе времени подумать о себѣ, увлекаемые лживыми мыслями, протуххристианскими обычаями и примѣрами. На нихъ то мы можемъ возложить всякія надежды, если они оставляютъ современную привычку свѣтскихъ людей,—прочитать только то, что по слуху признается интереснымъ, поговорить о прочитанномъ, о новѣйшихъ событіяхъ,—и все забыть въ водоворотѣ свѣта. Да даруетъ имъ Господь Іисусъ Христосъ изъ источниковъ благодати, къ которымъ они по временамъ прибѣгаютъ, сердечную заботу и сокрушеніе о себѣ, о своихъ близкихъ и извѣстныхъ имъ людяхъ, заблуждающихся и погибающихъ въ страстяхъ и порокахъ, наконецъ, о всемъ нашемъ великомъ народѣ, нравственно разслабляемомъ, утрачивающемъ силу для поддержанія себя на высотѣ могущества, дарованнаго ему Промысломъ Божиимъ. Мы молимъ объ этомъ Господа Іисуса Христа, Начальника вѣры и Совершителя нашего спасенія. Но мы говоримъ о дѣлѣ, и при томъ—дѣлѣ великомъ, а къ дѣлу надобно приступать не мыслями только и желаніями, а усиліями доброй воли, поступками, жизненнымъ опытомъ. Для всего этого нужно знаніе потребныхъ пріемовъ, условій и соблюденіе ихъ съ выдержкою и постоянствомъ. Условія эти для людей изнѣженныхъ и избалованныхъ покажутся тяжелыми, трудно исполнимыми, но легко только наслаждаться, грѣшить и погибать, а выбираться на истинный путь, утверждаться на немъ, бороться съ препятствіями и спастись отъ гибели трудно. Нашъ долгъ изложить эти условія, а Господь найдетъ своихъ *избранныхъ*, хотя и въ маломъ коли-

чествѣ, но имѣющихъ за собою обѣтованіе, данное Апостоламъ: *не бойся малое стадо, яко благоизволи Отецъ вашъ дати вамъ Царство* (Лук. 12, 32).

Но прежде изложенія этихъ условій, мы выскажемъ вождельнымъ для насъ сотрудикамъ въ дѣлѣ охраненія св. вѣры и Церкви одно наше благожеланіе, за которое, надѣемся, они насъ не осудятъ.

Современные общественные и промышленные дѣятели, для успѣха своихъ предпріятій, составляютъ общества, кампаніи, товарищества; и даже христіане, не имѣющіе живой вѣры во Христа, только по чувству челоуѣчества составляютъ кружки для совокупной благотворительности и научнаго образованія народа. Но высочайшій идеаль совокупныхъ усилій всѣхъ дѣятелей для всякаго благого дѣла составляетъ богоучрежденное общество вѣрующихъ, т. е. Церковь. Она нынѣ, по безпечности и заблужденіямъ своихъ членовъ, разрывается на части; но что препятствуетъ намъ, подобно большому войску, пораженному непріателемъ, собираться мелкими отрядами, потомъ соединиться въ новую армію и, подъ предводительствомъ Господа Іисуса Христа и съ Его всеильной помощію, стать твердо и мужественно противъ враговъ нашихъ съ надеждою несомнѣнной побѣды. Оознавайте другъ друга, присмотритесь къ людямъ и семьямъ еще не поклонившимся современному Ваалу, и съ людьми, вами единомысленными, сначала въ столицахъ, потомъ въ большихъ провинціальныхъ городахъ, составляйте *кружки равнителей православной вѣры и христіанскаго благочестія*, чтобы поощрять и поддерживать другъ друга. Вамъ не нужны нарочитые уставы, газетныя публикаціи, взносы пожертвованій, общія собранія, объявленія о своихъ успѣхахъ; вы примкнете ко св. Церкви съ готовыми, вѣчными ея уставами

и божественными установленіями. О васъ безъ публикаціи скоро узнаеть вся Россія. И съ какою радостію увидить нашъ православный народъ, что „господа“ вмѣстѣ съ нимъ молятся въ храмахъ въ великіе праздники, съ простыми людьми о вѣрѣ бесѣдуютъ, и подаютъ имъ добрый примѣръ. Мы знаемъ, что учреждаются народныя бібліотеки, вводятся для народа чтенія, но все это— слова и мысли; а св. Апостолъ Іаковъ говоритъ: *скажетъ кто нибудь: ты имѣешь вѣру, а я имѣю дѣла: покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣлъ твоихъ, а я покажу тебѣ вѣру мою изъ дѣлъ моихъ. Какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва.* (Іак. 2. 18, 26). Побѣждайте заблужденія здравымъ ученіемъ, по злое добромъ, дѣла нечестивыя и соблазнительныя—дѣлами благими и поучительными; нѣтъ другого оружія для истребленія зла.

Но нужно, чтобы желательные кружки имѣли въ себѣ собственные твердые задатки вѣры и благочестія и были недоступны внушеніямъ современныхъ лжеучителей и соблазнамъ плотской и беззаконной жизни. Для этого имъ надобно усвоить слѣдующія христіанскія правила, какъ необходимыя условія успѣха ихъ дѣятельности.

Воинъ Христовъ и истинный дѣятель въ духовной брани долженъ начинать ее съ себя самаго и неустанно вести ее въ продолженіи всей своей жизни. Въ насъ,—по ученію слова Божія и по свидѣтельству опытовъ нашей собственной жизни,—два человѣка, плотской и духовный, и оба они другъ другу противоположны. Мы должны, съ помощію благодати Божіей, давать превосходство и торжество духу надъ плотію; иначе и въ насъ самихъ, и во всѣхъ дѣлахъ и отношеніяхъ нашихъ къ ближнимъ не будетъ христіанской истины и правды. И первое, главное средство

для побѣды духа надъ плотію мы должны находить въ молитвѣ.

Молитва не состоитъ только въ обращеніи ума и сердца нашего къ Богу, для испрошеній у Бога Его даровъ и милостей, какъ мы большею частію ее понимаемъ и совершаемъ. Она не ограничивается только благими мыслями и чувствами сердца; она есть дѣло, и притомъ главнѣйшее и важнѣйшее изъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей; она есть подвигъ, начало и источникъ всякаго нравственнаго успѣха и совершенства. Ею должно быть начинаемо и сопровождаемо всякое наше дѣло, духовное и житейское, — первое для его посвященія Богу и направленія его во славу Божию, второе для проникновенія Его *духомъ*, т. е. цѣлями и побужденіями христіанскими. Молитва есть дѣло, такъ какъ она есть подвигъ въ борьбѣ съ лѣнностію и тяготою плоти, съ разсѣянностію ума, сухостію сердца, съ непрестаннымъ давленіемъ на насъ діавольскихъ помысловъ, представленій и мечтаний. Она есть дѣло, какъ постоянное, усиленное движеніе и восхожденіе духа нашего къ Богу, для установленія живаго и ощутительнаго для сердца нашего общенія съ Нимъ, по слову Псалмопѣвца: *близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его, всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ, волю боящихся Его сотворитъ и молитву ихъ услышитъ и спасетъ я* (Пс. 144. 18—19). Въ Немъ наша сила, отъ Него даруется крѣпость и неутомимость въ борьбѣ; отъ Него облегченіе нашего труда и утѣшеніе какъ въ опытахъ Его очевидной помощи и защиты во всѣхъ затрудненіяхъ нашей жизни, такъ и прежде всего въ самой молитвѣ, сопровождаемой ощущеніемъ и сознаниемъ начинаемой нами жизни высшей, премірной, сообщающей духу нашему сладость, какой не даютъ плот-

скія утѣшенія и наслажденія. Только молитва, особенно съ частымъ призываніемъ сладчайшаго имени Господа Іисуса Христа, сообщаетъ лицу дѣятельнаго борца за истину Божию особую чистоту и свѣтлость, взору Его ясность и привлекательность, рѣчамъ кротость и мягкость, дѣламъ его сосредоточенность и твердость. Мы распространились о значеніи и силѣ молитвы въ виду жалкаго отчужденія отъ нея и пренебреженія къ ней нашихъ новыхъ язычниковъ. Они говорятъ: „какъ же я буду молиться, когда я не вѣрую?“ Но, возлюбленный, ты потому и не вѣруешь, что не молишься. Въ тебѣ, пока ты живъ, живетъ еще *новый человекъ*, рожденный отъ Духа, о которомъ Господь говорилъ ночью Никодиму (Іоанн. 3, 3): разбуди въ себѣ этого человѣка смиреннымъ обращеніемъ ума твоего ко Христу, и Онъ дастъ тебѣ почувствовать, что Онъ близъ тебя, видитъ тебя, ждетъ тебя и готовъ просвѣтить и умиротворить твою мятущуюся и осиротѣлую душу.

Второе условіе успѣха въ дѣятельной борьбѣ за вѣру есть достаточное знаніе ученія христіанскаго. Нельзя съ успѣхомъ бороться за истину, которой не знаемъ, и дѣлать дѣла, смысла и отношенія которыхъ къ защищаемому ученію не понимаемъ. Поэтому нужно освободить голову отъ осадковъ легкаго чтенія, развлекающаго умъ и распаляющаго воображеніе. Посмотрите на столы гостинныхъ вашихъ, заваленные альбомами, эстампами, журналами и иллюстрированными изданіями, и пожалѣйте, что нѣтъ у васъ ни Библии, ни отеческихъ твореній, ни книгъ богословскаго и вообще христіанскаго содержанія. Запасайтесь ими, въ уединеніи углубляйтесь въ ихъ изученіе и будете въ состояніи давать отчетъ по слову Апостола Петра, *всякому вопрошающему о вашемъ упованіи* (1 Пет. 3, 15).

т. е. объ истинахъ вѣры и христіанской надежды и въ состояніи будете объяснить перемѣны въ вашей свѣтской жизни, и цѣли новой вашей дѣятельности для славы Божіей и блага вашей Церкви и отечества. Либералы требуютъ свободы для пропаганды своихъ идей и простора для своихъ дѣйствій: докажите и вы, что имѣете высшія обязанности и права на свободу своихъ дѣйствій, направляемыхъ не «на разореніе, а на созиданіе» благосостоянія своего отечества и чело-вѣчества (2 Кор. 10, 8). Нѣтъ нужды объяснять, что борьба дѣломъ съ заблужденіями вѣка имѣетъ мирный характеръ и дѣятельность требуется спокойная, проникнутая благожелательствомъ и любовію. Апостоль говоритъ: *оружія воинствованія нашего не плотскія, но сильныя Богомъ на разрушеніе твердынь* (2 Кор. 10, 4), т. е. не войны и насилія, какими дѣйствуетъ магометанство, и иногда пользовались и нѣкоторыя христіанскія исповѣданія, а только мирныя средства борьбы допускаются православною Церковію. Они же только и будутъ вамъ по душѣ, согласно съ тѣмъ приготовленіемъ, о которомъ мы говорили.

Послѣ внутренней борьбы со своими помыслами и страстями, практическому борцу за истину предстоитъ борьба съ его семействомъ и сродниками. «Думаете ли вы, сказалъ Господь, что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе; ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ и двое противъ трехъ: отецъ будетъ противъ сына, и сынъ противъ отца; мать противъ дочери и дочь противъ матери; свекровь противъ невестки своей, и невестка противъ свекрови своей» (Лук. 12, 51—53). Поразительно, какъ это пророчество Господа оправдывается въ семействахъ въ наше время. Христіанскій строй въ нихъ разрушается. Отцы и матери

своими ложными мыслями и примѣрами заражаютъ невинныхъ дѣтей; дѣти, вкусившія современной мудрости, бунтуютъ противъ благочестивыхъ родителей, мужья противъ женъ и обратно, братья и сестры спорятъ и враждуютъ другъ противъ друга за свои убѣжденія и за направленія въ жизни и поведеніи. Мы не можемъ теперь вникать во всѣ подробности этой борьбы и разсуждать о средствахъ къ погашенію ея въ разумныхъ членахъ семьи. Скажемъ только о современныхъ отношеніяхъ между многими мужьями и женами, между родителями и дѣтьми. Извѣстны нынѣ частыя измѣны и разводы между супругами. Кто изъ нихъ бываетъ виноватъ? Или обѣ стороны, или одна, утративъ общечеловѣческія здравыя понятія и христіанскія правила о сохраненіи добрыхъ отношеній между людьми посредствомъ снисхожденія, уступокъ, благожелательства, терпѣнія. Замѣняющія эти свойства гордость, самолюбіе, раздражительность, мщеніе, наконецъ, избалованность и, чаще всего, измѣны поощряемая ученіемъ о такъ называемой *свободѣ чувствъ*,— вотъ главнѣйшія причины раздѣленія между супругами. Много, какъ извѣстно, спасительныхъ средствъ противъ этихъ недуговъ предлагаетъ ученіе христіанское, каковы—всепрощеніе, на которое нынѣ такъ любятъ указывать и сами либералы, и котораго желаютъ только для себя,—молитва другъ о другѣ, раскаяніе, удаленіе отъ соблазновъ и водвореніе тихой и скромной жизни въ семействахъ и пр., но мы укажемъ только на практическій совѣтъ, данный Св. Апостоломъ Петромъ: „жены повинуйтеся своимъ мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ безъ слова пріобрѣтаемы были, когда увидятъ ваше чистое, богобоязненное житіе“ (1 Пет. 3, 1. 2). То же, разумѣется, требуется и отъ мужа, и конечно побѣдитъ

та сторона, которая прежде и усерднѣе примется за исполненіе этого апостольскаго совѣта. Между родителями и дѣтьми чаще всего бунтуютъ дѣти, сбитыя съ пути современною мудростію. Простодушно и трогательно это возмущеніе выразилъ одинъ крестьянинъ сельскому священнику: «что намъ дѣлать, батюшка? Молодые ребята отъ рукъ отбились». И виноваты въ этомъ несчастіи отцевъ, которые сами похожи на дѣтей и требуютъ помощи и руководства, и самыхъ дѣтей ихъ—современные реформаторы нашей общественной жизни и уклада жизни крестьянской. Что же касается возмущеній противъ родителей дѣтей, получающихъ образованіе и исправленія этого зла, порожденнаго ложнымъ направленіемъ нашего образованія, то оно уже озаботило наше правительство и потребуетъ глубокаго размышленія и великихъ усилій отъ людей государственныхъ. Мы же можемъ въ назиданіе родителей только указать на поучительный примѣръ изъ церковной исторіи IV вѣка. Два друга, Василій и Григорій, христіане, слушали уроки знаменитыхъ ученыхъ язычниковъ въ славной въ то время аѳинской Академіи, тожественной нашимъ университетамъ, обогатились они всѣми познаніями, тогда уже обширными въ классическомъ мірѣ, и остались искренними и твердыми христіанами. Впослѣдствіи, на утѣшеніе всему христіанскому міру, они оказались свѣтилами и великими учителями Церкви. Это были Свв. Василій Великій и Григорій Богословъ. Какъ они сохранили свои христіанскія убѣжденія и чистую жизнь въ самомъ центрѣ язычества,—это объясняетъ намъ Св. Григорій Богословъ въ своемъ словѣ на кончину Василія Великаго. „Мы знали только двѣ дороги, сказалъ онъ,—въ школу и въ церковь“. Крѣпкое христіанское настроеніе, полученное ими въ домашнемъ

воспитаніи, охранило ихъ отъ распутій развратнаго язычества. Съ ними вмѣстѣ воспитывался и Юліанъ, бывшій впоследствии Византійскимъ Императоромъ, и, какъ извѣстно, получившій въ исторіи позорное имя Юліана Богоотступника. Онъ былъ злѣйшимъ врагомъ христіанства и, въ минуту смерти, пораженный стрѣлою въ битвѣ съ Персами, въ порывѣ озлобленія и отчаянія, набралъ въ руку крови, запекшейся на груди его, и бросилъ ее къ небу со словами: „ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ!“ Эта хула обращена была имъ къ Іисусу Христу. Очевидно, Юліанъ, вопреки примѣру двухъ своихъ сотоварищей въ Аѳинахъ, ходилъ по многимъ и разнообразнымъ путямъ образованнаго язычества.

Изъ ученія христіанскаго и церковныхъ преданій намъ извѣстно, какъ благочестивые христіанскіе родители утверждали дѣтей своихъ въ убѣжденіяхъ и правилахъ христіанскихъ. Тщательное изученіе Св. Писанія и твореній знаменитыхъ христіанскихъ учителей просвѣщало умы, молитва, соблюденіе церковныхъ уставовъ, благочестивыя упражненія сообщали имъ духовный опытъ, а внутреннее сознаніе и ощущеніе благодатнаго мира сердца и совѣсти давали сердцамъ ихъ крѣпкій противовѣсъ всѣмъ искушеніямъ плотскихъ и грѣховныхъ наслажденій, которыя становились имъ, при ихъ стыдливости, противными и ненавистными; наконецъ, добрый примѣръ родителей, выборъ знакомствъ, отчужденіе отъ семействъ неправомыслящихъ и развращенныхъ,—вотъ все, что всегда спасало дѣтей христіанскихъ отъ утраты вѣры и добрыхъ нравовъ. А предохраненіе взрослыхъ дѣтей отъ соблазновъ внѣ родительскаго дома и отъ броженія по распутіямъ противъ пороковъ состояло въ томъ, что родители пріобрѣтали отъ дѣтей довѣріе и полную от-

кровенность во всѣхъ ихъ мысляхъ и поступкахъ, что давало возможность во время остерегать ихъ отъ ошибокъ благоразумными и растворяемыми любовію совѣтами. Въ счастливыя времена процвѣтанія христіанской жизни не было дѣтей, которыя бы говорили родителямъ: „мы новое поколѣніе, — сами все лучше васъ знаемъ“; не было и для родителей печали видѣть дѣтей погибающими на глазахъ ихъ.

Что касается дѣвицъ, то забвеніе въ семействахъ тѣхъ же указанныхъ нами правилъ христіанскаго воспитанія дѣлаетъ и ихъ, такъ же какъ и ихъ братьевъ, своевольными и своенравными. Прибавьте къ этому развращающее легкое чтеніе, преждевременное сближеніе половъ, свѣтскія разсѣвающія собранія и удовольствія, а всего болѣе такъ горячо желаемую ими, полную свободу, которыя довершаютъ ихъ нравственное разстройство. Что внесло въ супружескія отношенія современное ложное ученіе о *свободѣ чувства*, то же сдѣлало для дѣвицъ гибельное ученіе о *равноправности женщинъ съ мужчинами*, такъ поощряющее дѣвицъ къ требованію себѣ свободы наравнѣ съ юношами.

Нельзя довольно надивиться легкомыслію, съ которымъ привилось въ нашемъ обществѣ это ученіе. Что такое право? Право есть дарованное человѣку непосредственно отъ Бога, или чрезъ посредство законной земной власти, полномочіе на прохожденіе свободной дѣятельности въ той или другой области общественной жизни, или на обладаніе землями и другимъ имуществомъ. Такъ происходятъ права природныя, правительственныя, родительскія, наследственныя и т. под. Права женщины дарованы ей отъ Бога, при ея сотвореніи, быть помощницею мужа: *сотворимъ ему помощницу по нему* (Быт. 2. 18), на рожденіе и воспитаніе дѣтей: *раститесь и множитесь* (Быт. 1. 28),

нарече имя жизнь своей Ева (жизнь), яко та мати, всѣхъ живущихъ (Быт. 3. 20). Въ современномъ ученіи о равноправности мужчинъ и женщинъ прежде всего имѣются въ виду права мужчины, и цѣликомъ, безъ ограниченія, усвояются женщинѣ, тогда какъ тому и другому полу должны быть присвоены права и свобода дѣйствій въ кругу очерченномъ для нихъ природою, назначеніемъ, особенностями свойствъ ума, сердца и строенія тѣлеснаго организма. Исключительныя способности ума, обнаруживаемыя нѣкоторыми женщинами въ изученіи наукъ, въ литературныхъ трудахъ и въ искусствахъ служатъ главнымъ доказательствомъ справедливости предоставленія всѣмъ женщинамъ равныхъ правъ съ мужчинами и во всѣхъ остальныхъ родахъ общественной дѣятельности. Но здѣсь забываются ограниченность разсудка и слабость его въ сужденіяхъ о предметахъ отвлеченныхъ у большинства женщинъ, потомъ всѣмъ имъ свойственная особенная чувствительность сердца и впечатлительность, нѣжность ихъ сложенія, назначеніе раждать дѣтей и воспитывать ихъ, природная страстная любовь ихъ къ дѣтямъ, привязанность къ дому и семейству. Все это и многое другое служитъ для нихъ препятствіемъ преобразиться въ мужчинъ и уравняться съ ними во всѣхъ родахъ ихъ дѣятельности, а съ этимъ вмѣстѣ и во всѣхъ ихъ правахъ. Какъ мало способны всѣ женщины, безъ разбора допускаемыя къ высшему научному образованію, это доказываютъ намъ современные женскіе курсы, такъ усердно нынѣ ими наполняемые; а какъ плохо умѣютъ пользоваться молодыя женщины и дѣвицы своею неограниченною свободою, это мы видѣли въ послѣднее время въ ихъ сборищахъ и возмущеніяхъ вмѣстѣ съ молодыми мужчинами. Справедливо прежде ратовали противъ заключенія дѣвицъ въ затворахъ и

теремахъ, гдѣ онѣ лишаемы были многихъ радостей жизни и средствъ къ своему развитію, но еще съ большею справедливостью мы нынѣ должны бороться съ новыми воззрѣніями на неограниченную свободу дѣвицъ. Для поясненія дѣла употребимъ сравненіе. Есть любители бѣлыхъ голубей, которые для ихъ движенія выпускаютъ ихъ полетать по—поднебесью и любятъ ихъ подъемомъ на большую высоту и красивымъ ихъ круженіемъ и кувырканьемъ въ воздухѣ. Но эти любители съ замираніемъ сердца смотрятъ, какъ бы не налетѣли на ихъ голубиную стаю соколы и ястребы. Такъ же родители должны трепетать за безопасность дочерей своихъ, вылетающихъ на свободу, въ виду современной распушенности молодыхъ людей.

Но особенныя затрудненія встрѣтитъ православный христіанинъ, желающій вести практическую борьбу съ пороками нашего вѣка, въ исполненіи христіанской обязанности относительно посѣщенія богослуженій. Образованныхъ людей, сохранившихъ вѣру во Христа въ сердцахъ своихъ, нетрудно убѣдить въ великой важности этой обязанности и ея нравственной пользѣ доводами ученія христіанскаго и напоминаніемъ имъ объ ихъ собственномъ духовномъ опытѣ во время посѣщенія богослуженій, полученномъ въ дѣтствѣ; но трудно побѣдить ихъ предрасудки относительно препятствій, поставляемыхъ этому святому дѣлу порядкомъ современной свѣтской жизни. Что Господь призываетъ насъ на церковныя собранія своимъ обѣтованіемъ быть посредѣ молящихся (Мат. 18, 20), что руководство въ молитвѣ церковныхъ ектеній, чтеніе изъ Слова Божія и дивныя пѣснопѣнія окрыляютъ въ храмѣ нашу молитву, что на Литургіи благодатный свѣтъ совершаемаго таинства Евхаристіи озаряетъ наши души, что

на всенощныхъ бдѣніяхъ въ теченіе года намъ напоминаются всѣ событія изъ жизни Христа Спасителя и рисуются передъ нами въ выразительныхъ обрядахъ и церемоніяхъ, что, наконецъ, продолжительность богослуженій приучаетъ насъ къ духовному бдѣнію во блаженномъ общеніи со Христомъ, — предстоящемъ намъ въ вѣчной жизни, — все это, говоримъ мы, поймутъ всѣ неутратившіе способность усвоить умомъ ученіе Спасителя и сердцемъ чувствовать благодатныя посѣщенія душъ нашихъ. Но предрасудки, и какіе жалкіе! подавляютъ все это. Говорятъ, время наше распредѣлено условными обычаями свѣта совсѣмъ не согласно съ временами церковными. «Мы, по утрамъ, встаемъ поздно, потому что поздно ложимся въ постель, и не успѣваемъ собраться къ обѣднѣ; во время всенощныхъ мы обѣдаемъ». — Итакъ, для Бога, для спасенія своей души нельзя перемѣнить часа пробужденія отъ сна и времени обѣда, нельзя отказаться и отъ приглашенія на обѣдъ во время всенощной? И такого подвига не въ силахъ принять на себя современные христіане. На что же они способны, и какой трудъ могутъ вынести для исправленія грѣшныхъ душъ своихъ, какія жертвы могутъ принести Богу для приобрѣтенія Царствія Божія? Стыдно говорить объ этомъ. Но еще хуже есть отговорки: «нынѣ спектакль, поютъ знаменитые заграничные артисты, которыхъ мы послѣ не услышимъ, намъ надо поѣхать въ театръ, гдѣ будетъ многочисленная публика». И вотъ по такой важной причинѣ христіанинъ говоритъ своему Спасителю, приглашающему его на молитву, какъ въ притчѣ евангельской говорятъ званые на вечерю: одинъ, — я купилъ землю и мнѣ нужно идти посмотреть ее; другой, — я купилъ пять паръ воловъ, и иду испытать ихъ; прошу тебя извини меня (Лук. 14). Но въ этихъ то слу-

чаяхъ и есть благопріятное время ревнителю дѣйствительной борьбы за вѣру явить свое мужество и послушаніе волѣ Божіей. Онъ долженъ сказать въ душѣ: хотя во всѣхъ нашихъ театрахъ будетъ гремѣть музыка, хотя артисты всего свѣта пріѣхали къ намъ, я долженъ идти въ храмъ: „христіанинъ есмь“. Многіе говорятъ еще въ свое оправданіе: «вѣдь театры нынѣ правительствомъ разрѣшаются даже подѣ большіе праздники и въ великій постъ». Что противно вашей совѣсти, и грѣшно передъ Богомъ, на это никто не можетъ дать вамъ разрѣшеніе. Вы свободны, никто васъ силою не влечетъ въ театръ. Въ противленіи этому разрѣшенію и состоитъ ваша обязанность. Не лучше отговорка чиновниковъ, устраивающихъ передъ праздниками вечеринки на томъ основаніи, что они въ теченіе недѣли трудились, что имъ нуженъ отдыхъ. Какой же это отдыхъ? Безсонная ночь, разстраивающая нервы игра, лишнее выпиваніе вина и тяжелые ужины,—это работа болѣе обременительная, чѣмъ стояніе въ храмѣ на всеобщемъ бдѣніи. На богослуженіяхъ устаютъ тѣломъ, но въ духѣ всегда выносятъ изъ храма духовное утѣшеніе; а эти любители неблаговременнаго отдыха устаютъ отъ него больше, чѣмъ отъ работы, и на утро едва могутъ оправиться отъ головной боли. Они могутъ набрать много словъ для своего оправданія, но ихъ дѣло всегда остается для христіанина постыднымъ. Я былъ, по обзрѣнію епархіи, въ одномъ уѣздномъ городѣ на служеніи. За всеобщую чуть не всѣ жители города наполнили соборъ, паперть, и стояли даже на церковномъ погостѣ. Возвращаясь съ служенія въ домъ, вижу на всѣхъ улицахъ въ невысокихъ домахъ, въ ярко освѣщенныхъ комнатахъ, зеленые столы и *отдыхающихъ* чиновниковъ. Вотъ думаю: въ соборѣ вѣра, а тутъ образованіе. Въ одномъ селѣ

на литургію также собрались почти все жители, желавшіе видѣть архіерейское служеніе. Но изъ шести мелкопомѣстныхъ дворянъ, живущихъ близъ самаго села, не было ни одного. Не напрасно одинъ русскій анархистъ, проживающій за-границей, писалъ о Россіи: «въ ней легко было бы устроить республику на новыхъ началахъ, да крестьяне мѣшаютъ» ¹⁾. Да хранитъ Господь нашихъ крестьянъ отъ чумы современныхъ лжеученій!

Еще труднѣе христіанскому дѣятелю бороться съ лжеучителями на поприщѣ другихъ добродѣтелей, каковы: цѣломудріе, воздержаніе, благотворительность, скромная семейная жизнь и отчужденіе отъ роскоши и т. под. Нынѣ такъ перепутаны понятія о добродѣтели, что людьми вѣка сего часто явное зло называется добромъ, а добродѣтель искаженіемъ природы человѣческой. Очевидно, въ сердцахъ утрачено воспитываемое навкомъ тонкое христіанское чувство „для различенія добра и зла“, о которомъ говоритъ Апостоль Павелъ (Евр. 5, 14). Такъ, цѣломудріе въ юности до законнаго супружества признается несогласнымъ съ естественною потребностію и вреднымъ для здоровья, постъ и воздержаніе для укрощенія страстей, называется напраснымъ истощеніемъ тѣла, частіая милостыня *Христа ради*—за потворство нищенству, уклоненіе отъ праздныхъ общественныхъ собраний, отъ роскоши и безразсудныхъ модъ почитается невѣжественною отсталостію отъ вѣка. Разсуждать въ частности о всѣхъ подобныхъ уклоненіяхъ отъ христіанскихъ воззрѣній значило бы вдаваться въ безконечные споры и пререканія. Укажемъ общія христіанскія правила для оцѣнки каждаго рода истинныхъ и мнимыхъ добродѣтелей съ нравственной стороны.

¹⁾ Мемуары Крапоткина изд. 1900 года.

Современное ложное ученіе объ эволюціи, или само-бытномъ происхожденіи міра изъ матеріи, съ отрицаніемъ вѣры въ Бога, Творца и Промыслителя міра, и о безусловномъ, безостановочномъ движеніи міра и человѣчества къ совершенству (прогрессъ) повело къ отрицанію и искаженію христіанскаго ученія о нравственности и добродѣтели. Оно же породило и множество дѣлъ, несправедливо признаваемыхъ за добрыя и безплодныхъ для духа человѣческаго трудовъ—за добродѣтели. Для сужденія объ этихъ дѣлахъ лжеучителей мы находимъ общее основаніе въ наставленіи Іисуса Христа: *по плодамъ ихъ узнаете ихъ* (Мат. 7, 16). Въ вѣкъ матеріалистическій вся дѣятельность сыновъ вѣка сего принимаетъ чувственный плотскій характеръ. Посему, при оцѣнкѣ каждаго новаго предпріятія, или учрежденія, ставьте вопросъ: что въ этомъ дѣлѣ имѣется въ виду для славы Божіей, для пользы душъ человѣческихъ, для улучшенія народной нравственности, по ученію и заповѣдямъ Христовымъ? Если въ немъ ничего подобнаго нѣтъ, признавайте его по качеству не высшимъ культуры растений, или улучшенія породы домашнихъ животныхъ. Если вамъ укажутъ въ подобныхъ дѣлахъ на похвальныя естественныя свойства человѣческія—любовь къ красотѣ, къ удобствамъ жизни, на естественную склонность оставлять потомству памятники современнаго искусства, причисляйте подобную дѣятельность къ разряду тѣхъ занятій, которыя въ словѣ Божіемъ называются *суетою*, т. е. напрасною тратою силъ человѣческихъ и лѣтъ краткой нашей жизни,—какъ говоритъ Давидъ: „только въ Богѣ успокоивайся душа моя! ибо на Него надежда моя. Народъ! надѣйтесь на Него во всякое время; изливайте предъ Нимъ сердце ваше. Богъ намъ прибѣжище. Сыны человѣческіе—только суета; сыны му-

жей—ложь; если положить ихъ на вѣсы, всѣ они вмѣстѣ легче пустоты“ (Псал. 61, 8—10). Чтобы не ошибиться въ сужденіи о дѣлахъ человѣческихъ, въ забвеніи о Богѣ совершаемыхъ, Давидъ молится: „отврати, Господи, очи мои, чтобы не видѣть суеты; животвори меня на пути Твоемъ“ (Псал. 118, 37).

Около дѣлъ чисто матеріалистическаго характера, не имѣющихъ ни въ своихъ цѣляхъ, ни способахъ исполненія никакого нравственнаго значенія, обыкновенно ютятся всякіе пороки и преступленія свойственныя плотской жизни: своекорыстіе, жажда къ обогащенію, хищеніе, обманы, грубыя удовольствія и т. п. Быть участникомъ, или пайщикомъ такихъ дѣлъ и предпріятій, значитъ быть сообщникомъ и въ злѣ ими распространяемомъ среди народа.

Особое свойство дѣятелей на поприщѣ этого матеріальнаго прогресса есть чрезвычайная гордость. Вы непрестанно слышите: вотъ дѣло, которымъ по справедливости можно гордиться! Вотъ что составляетъ истинную славу нашего времени и увѣковѣчитъ память о насъ въ потомствѣ! Эта гордость заходитъ такъ далеко, что современные прогрессивные дѣятели почитаютъ себя въ правѣ разсуждать о высокомъ призваніи нашего народа въ качествѣ участника въ прогрессивномъ движеніи всего человѣчества, и намѣчаютъ особенныя свойства славянскаго племени, которыя разовьются и раскроются въ будущемъ на удивленіе всего міра. А намъ кажется, что по тѣмъ задаткамъ великихъ успѣховъ, какіе закладываются нынѣ дѣятелями нашего времени для будущихъ совершенствъ нашего народа, въ сравненіи съ другими народами, намъ нечѣмъ будетъ особенно отличатся. Что мы имѣемъ своего, оригинальнаго въ современныхъ дѣлахъ нашихъ, чего не заняли бы мы у западной Европы, и

въ чемъ народы Европы не превыходили бы насъ? Въ философіи, въ наукахъ естественныхъ, въ искусствахъ—живописи, ваяніи, музыки, пѣніи, сценическихъ представленій? Во всемъ этомъ мы подражатели, ученики доселѣ, и идемъ позади своихъ учителей. Чѣмъ мы являемся теперь въ средѣ народовъ, тѣмъ же будемъ и въ послѣдующихъ вѣкахъ, такъ какъ народы Европы не будутъ же сидѣть сложа руки и ждать, когда мы ихъ превойдемъ. Есть у насъ великое преимущество предъ Западною Европою, которое дѣйствительно сдѣлало великою нашу отрасль славянскаго племени, называемую Россіею, и можетъ еще болѣе ее возвысить въ будущемъ предъ цѣлымъ міромъ, но этого преимущества не хотятъ видѣть и признать наши новые мыслители. Это православная вѣра, которую мы исповѣдуемъ, это святая Церковь, къ которой мы принадлежимъ. Наша Церковь—славянское племя наше, по природѣ порывистое, впечатлительное, склонное къ соперничеству и междоусобіямъ—укротила, смирила, выдержала, закалила и сдѣлала мужественнымъ, крѣпкимъ, несокрушимымъ, дѣйствительно великимъ народомъ, который въ будущемъ, при успѣхахъ истиннаго просвѣщенія, можетъ явить въ себѣ предъ цѣлымъ міромъ еще высшій совершенства, при одномъ непремѣнномъ условіи: *если останется вѣрнымъ своему православному исповѣданію ученія Христова и руководству своей Церкви.* И вотъ наше время такъ счастливо, что мы своими глазами видимъ опытъ этого совершенства православнаго христіанина, явленнаго передъ цѣлымъ міромъ, притомъ никѣмъ инымъ, какъ благочестивѣйшимъ Государемъ нашимъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ. Наши новые мыслители просмотрѣли этотъ опытъ. Начинатель великаго дѣла охраненія мира въ человѣчествѣ, учрежденіемъ всенароднаго совѣщанія

въ Гаагѣ, Государь явился идеальнымъ представителемъ этого мирнаго расположенія духа въ настоящую китайскую войну. Когда просвѣщенные правители Европы въ борьбѣ съ Китаемъ, одерживая побѣды, мстятъ ему за избіеніе соотечественниковъ, и теперь стараются какъ можно больше взять съ него военной контрибуціи, нашъ Государь, не менѣ ихъ оскорбленный, жалѣя убитыхъ христіанъ, жалѣетъ и несчастныхъ ослѣпленныхъ язычниковъ и, не радуясь случаю обогатиться на счетъ побѣжденнаго врага, *кормитъ въ Пекинѣ умирающихъ съ голоду Китайцевъ на свои средства рисомъ*. Вотъ какія свойства русскаго народа дѣйствительно составляютъ славу и силу его въ будущемъ.

Великія затрудненія въ борьбѣ съ современными пороками для ревнителя христіанскаго благочестія представляютъ такъ называемыя развлеченія, или удовольствія; получившія нынѣ такую силу и значеніе, что они становятся рядомъ, если даже не выше, самаго научнаго образованія. Признавая въ человѣкѣ всѣ способности, силы и потребности равными и имѣющими одинаковыя права на удовлетвореніе и развитіе, современные матеріалисты—и инстинктивнымъ влеченіямъ человѣка къ наслажденіямъ всякаго рода даютъ полный просторъ и свободу удовлетворенія, посвящая имъ и таланты, и труды, и время, и издержки. Поэтому естественно, что какъ внутренняя борьба въ каждомъ человѣкѣ между духомъ и плотію, требуемая христіанствомъ (Гал. 5, 17), нынѣ, съ умноженіемъ чувственныхъ наслажденій, затрудняется и осложняется, такъ и въ цѣломъ обществѣ человѣческомъ, между людьми желающими жить по духу и быть „дѣтьми Божиими“ и тѣми, которые, по выраженію Апостола, остаются „должниками плоти, чтобы жить по плоти“ (Рим. 8. 12, 14), эта борьба становится до крайности трудною и упорною.

Не имѣя въ настоящее время возможности входить въ подробныя разсужденія о значеніи увеселеній для христіанской жизни вообще, и въ сравнительную оцѣнку каждаго рода ихъ въ нравственномъ отношеніи, мы предлагаемъ христіанину заботливому о своемъ спасеніи обращаться чаще къ своему сердцу и совѣсти, въ которыхъ послѣ каждаго свѣтскаго развлеченія остается слѣдъ болѣе или менѣе глубокій. Если увеличивается у васъ лѣность и разсѣянность и слабѣетъ склонность къ полезному труду, если утрачивается расположеніе къ самонаблюденію и заботливости о чистотѣ мыслей и желаній, если слово Божіе неохотно пріемлется сердцемъ и тупо понимается умомъ, если на молитвѣ одолеваютъ соблазнительныя помыслы и воспоминанія,—ясно, что вы довольно вкусили отъ одуряющаго напитка развлеченій. Нужно отрезвляться, что требуетъ труда и усиленнаго взыванія къ Господу объ избавленіи отъ опасности нравственнаго ослабленія и развращенія. Если же, по несчастію, отъ развлеченій, такъ называемыхъ *благородныхъ*, вы увлеклись къ грубымъ, плотскимъ, если впали и въ тяжкіе плотскіе грѣхи, то кайтесь немедленно и просите у Господа помилованія и благодатной помощи къ исцѣленію раненной души. Отъ людей же, и отъ мѣстъ, гдѣ вы получили духовныя раны, бѣгите, по слову самаго Господа: „выйдите отъ среды ихъ и отдѣлитесь и не прикасайтесь къ нечистотамъ; и Я пріиму васъ. И буду вамъ Отцомъ и вы будете моими сынами и дочерьми, говоритъ Господь Вседержитель“ (2 Кор. 6. 17—18).

III.

Я долженъ признаться, что въ предположенномъ мною порядкѣ слова, я подошелъ къ самому трудному

отдѣлу, и чувствую смущеніе. Я долженъ говорить о плодахъ дѣятельной христіанской борьбы противъ современныхъ пороковъ и заблужденій, но гдѣ эта борьба и гдѣ борцы, мною приглашаемые изъ образованныхъ классовъ нашего общества? Найдутся ли они? Отзовутся ли на нашъ вопль, подобный воплю воиновъ, одолаваемыхъ врагомъ и зовущихъ къ себѣ на помощь товарищей. Нападеніе враговъ нашихъ не словомъ только, но и дѣломъ усиливается съ каждымъ днемъ; мечъ, брошенный Іисусомъ Христомъ на землю и поднятый сатаною, въ виду нашемъ, какъ и въ древней Церкви, сверкаетъ въ рукахъ его служителей и поражаетъ насъ, а отъ насъ дѣятельнаго отпора имъ нѣтъ: огонь ревности, по вѣрѣ во Христа, возженный Господомъ, въ сердцахъ нашихъ гаснетъ. Мы въ этой борьбѣ подобны воинству, въ которомъ предводители запуганы и оробѣли, воины, самые отборные, перемѣшались съ врагами и даже, какъ будто ночью, не узнаютъ другъ-друга и поражаютъ своихъ, плотные задніе ряды борцовъ, въ видѣ милліоновъ нашего простого народа, готовыхъ въ битву, не понимаютъ откуда летятъ въ нихъ убійственные снаряды, кто ихъ враги и куда они могли бы направить свои силы. Но мы говоримъ о *вѣрѣ*, а это значитъ говорить о Богѣ, а говорить о Богѣ значитъ говорить о безконечной силѣ Господней, готовой на помощь по первому сердечному нашему призыванію: *призови Мя въ день скорби твоя и изму тя*, говоритъ Господь, *и прославиши Мя* (Псал. 49, 15). Мы молимся: *о Господи, спаси ны: о Господи, постыши* (Псал. 117, 25). И Онъ услышитъ насъ: *близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его, всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ* (Псал. 144. 18,) *Господь знаетъ своихъ* (2 Тим. 2. 19), знаетъ, гдѣ они и кто они. И такъ, собирайтесь и станови-

тесъ въ первые ряды воиновъ Христовыхъ, образованные христіане, хранящіе залогъ вѣры въ сердцахъ своихъ. Плоды вашей борьбы явятся скоро и вы ихъ увидите своими глазами, почувствуете своимъ сердцемъ; только будьте вѣрны данному предъ Господомъ обѣту и тверды въ подвигѣ.

Первый плодъ, ощущаемый въ сердцахъ христіанами, вступающими въ дѣятельную борьбу съ пороками вѣка, есть *самосознаніе*. Мы говорили, что многіе изъ свѣтскихъ людей, живущихъ общеою жизнію со всѣми образованными людьми, хранятъ вѣру во Христа и даже любятъ свою Церковь. Если бы кто понудилъ ихъ къ отреченію отъ этой вѣры, и если бы угрожала имъ опасность отречься отъ нея,—они ужаснулись бы. Но если бы попросить ихъ *исповѣдать* свою вѣру, или дать въ ней *отчетъ*, о которомъ говоритъ Апостоль Петръ (Пет. 3, 15), они смутились бы трудностію разобратъся въ своихъ убѣжденіяхъ, такъ какъ сейчасъ обнаружилось бы, что къ душамъ ихъ *прильнуло* много изъ бродящихъ у насъ мыслей, не согласныхъ съ ученіемъ православной Церкви, или изъ иныхъ исповѣданій христіанскихъ и новыхъ фило-софскихъ ученій. Поэтому имъ необходимо испытать себя въ вѣрѣ и провѣрить свои мысли о предметахъ вѣры, по наставленію св. Апостола Павла; *испытывайте самихъ себя въ вѣрѣ ли вы, самихъ себя изслѣдывайте* (2 Кор. 13. 5). А эта провѣрка себя, по руководствомъ православной Церкви, скоро убѣдитъ ихъ, какъ многого они не знали, и какъ многое понимали неправильно. Въ нравственной жизни, проведенной по обычаямъ свѣта, если они и не найдутъ въ себѣ значительныхъ уклоненій отъ заповѣдей Божіихъ, но, не довѣряя себѣ, пусть молятся словами Псалмопѣвца: „испытай меня Боже, и узнай сердце мое; испытай

меня и узнай помышленія мои. И зри, не на опасномъ ли я пути, и направь меня на путь вѣчный“ (Псал. 138. 23—24). Какъ великъ этотъ первый плодъ, или первый шагъ въ ихъ священной миссіи, они узнаютъ по опыту.

Далѣе, если изъ друзей и знакомыхъ они найдутъ себѣ людей единомысленныхъ и готовыхъ пойти на подвигъ вмѣстѣ съ ними, они, при немногихъ откровенныхъ собесѣдованіяхъ о важности предстоящаго имъ дѣла, узнаютъ силу слова Христа Спасителя: «гдѣ двое, или трое собраны во имя Мое, тамъ и Я посрединѣ ихъ». (Мат. 18. 20). Они почувствуютъ, насколько эта *бесѣда духовная* питательнѣе и усладительнѣе пустыхъ свѣтскихъ разговоровъ. Если при этомъ вспомнятъ обѣтованіе Іисуса Христа: «истинно говорю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца моего небеснаго» (18, 19), если только они вспомнятъ объ этомъ, надежда на успѣхъ святаго дѣла, ими начинаемаго, одушевитъ сердца ихъ.

Скоро, очень скоро откроется изумленнымъ очамъ ихъ поразительная картина того самаго свѣта, въ которомъ они вращались, и который называется „міромъ“ въ новомъ видѣ, т. е. въ видѣ враждебномъ какъ „Царствію Божію“, къ которому они обращаются всѣмъ сердцемъ, такъ и къ нимъ самимъ, хотя и они не перестаютъ, по внѣшности, принадлежать къ свѣту. При первыхъ опытахъ перемѣны въ ихъ жизни,—изъ свѣтской въ христіанскую, при тщательномъ посѣщеніи церковныхъ богослуженій, при перемѣнѣ суетной жизни на скромную и т. п. поднимутся вопросы: что это за новые кружки? Что за *секта*? Чего они хотятъ? И пойдутъ пересуды, сплетни, насмѣшки, злословіе, точь-въ-точь, какъ было въ первые вѣка

христіанства со стороны язычниковъ по отношенію къ христіанамъ. Новые язычники нашего времени не будутъ снисходительнѣе древнихъ. У насъ не будетъ открытыхъ гоненій, не будетъ тѣлесныхъ истязаній и казней, но будутъ истязанія нравственныя, будутъ пытки сердечныя въ горделивыхъ выходкахъ, со стороны даже бывшихъ друзей, въ острогахъ и насмѣшкахъ свѣтскаго общества. У насъ есть нещадная къ истиннымъ христіанамъ печать, гдѣ появятся язвительныя статьи, рисунки, каррикатуры и пр. Это будетъ значить, что открылась дѣйствительная борьба не словомъ только, а и дѣломъ. Между двумя противными сторонами, какъ между двумя противными лагерями, ясно обозначится линія, раздѣляющая ихъ,—за которую переходить христіане не должны, а язычники если и пожелаютъ, то только для нападенія. Каково же будетъ внутреннее состояніе дѣятельныхъ борцовъ за вѣру Христову? Именно то, какое и должно быть у учениковъ Христовыхъ, т. е. чувство возвышающее христіанина изъ состоянія отдѣленности, разрозненности, въ какомъ онъ былъ прежде, и какъ бы мертвенности,—въ сознаніе общности и единства жизни вѣрующихъ во Христа. Вспомните, какъ въ первые вѣка христіанства, когда язычниками во время гоненій были вырываемы изъ Церкви жертвы и влекомы были на закланіе, вся Церковь провожала ихъ со слезами и молитвами, чувствуя, что отъ тѣла ея отрывался живой членъ и она вся болѣла и страдала. Это чувство единства жизни нашей съ единокровными и единомысленными съ нами людьми, какъ сродное душѣ человѣческой, ясно проявляется у насъ въ общей любви нашего народа къ Отечеству. Вспомните изъ исторіи нашей войны 1812 года то одушевленіе и рвеніе на защиту Отечества, которое охватило тогда весь народъ русскій. Читали

ли вы, какъ въ послѣднюю турецкую войну одушевляли нашихъ несравненныхъ воиновъ, разбивавшихся на небольшіе отряды, крики товарищей: «нашихъ бьютъ» и заставляли летѣть къ нимъ на помощь, не считая своихъ рядовъ и не разбирая опасностей. Такое же чувство обьметъ и душу христіанина, дѣлающагося въ дѣятельной борьбѣ за вѣру причастникомъ общей печали о бѣдственномъ современномъ состояніи нашей Церкви и Отечества въ нравственномъ отношеніи. Это чувство—оживотворяющее, возбуждающее къ дѣятельности и вызывающее на труды и жертвы. Это уже прекрасный плодъ, это залогъ успѣха въ дальнѣйшей дѣятельности. Въ этомъ духовномъ возбужденіи не окажутся неожиданными и страшными и гоненія, и лишенія, и страданія. Тогда будетъ совершенно понятно и слово Христа Спасителя: «блажены вы, когда будутъ поносить васъ и гнать и всячески несправедливо злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ; такъ гнали и пророковъ, бывшихъ прежде васъ» (Мат. 5, 11—12). Это не значить, что ученики Христовы могутъ питаться и утѣшаться только мыслями о наградѣ, ожидающей ихъ въ вѣчной жизни, и что до того времени сердца ихъ будутъ сухи и души мрачны. Нѣтъ. Радость о Господѣ, уготованная вѣрующимъ на небесахъ, всегда начинается на землѣ; она обьемлетъ сердце воина Христова въ минуты страданія, какъ и сердце воина, подвизающагося за отечество. Этотъ послѣдній, раненный въ сраженіи, утѣшается мыслию объ одержанной побѣдѣ, и обмѣномъ мыслей и воспоминаній о битвѣ въ бесѣдѣ съ товарищами. Въ дѣйствительности и животворности этого чувства, удостовѣряють насъ Свв. Апостолы, призванные въ синедрионъ іудейскій къ суду за проповѣдь о Христѣ, только что имъ запрещенную. Ихъ

били, подтвердивъ запрещенія, «они же пошли изъ синадріона, радуясь, что за имя Господа Іисуса удостоились принять безчестіе» (Дѣян. 7, 40—41).

Это внутреннее чувство возрастаетъ и плоды борьбы подвижниковъ за Христа умножаются по мѣрѣ продолженія и расширенія ихъ дѣятельности во внѣшней жизни. Начнемъ съ семейнаго положенія. Извѣстно, что примѣръ твердаго въ правилахъ христіанской жизни и поведенія даже служителя въ семействѣ во всѣхъ его членахъ возбуждаетъ къ нему уваженіе и сдерживаетъ всѣхъ, и готовыхъ посмѣяться надъ нимъ ¹⁾). Естественно, что такія примѣры въ лицѣ отца и матери или брата и сестры должны производить еще болѣе сильное впечатлѣніе, и то раздѣленіе въ семействахъ, о которомъ предсказалъ Господь, такимъ образомъ превращается въ дѣятельную, хотя и молчаливую борьбу. И одинъ образецъ истинно христіанской жизни въ семьѣ не останется безслѣднымъ. Онъ пристыдитъ членовъ семьи разглагольствующихъ о новыхъ идеяхъ, разсѣянныхъ и распущенныхъ. Младшія дѣти, невинныя и неиспорченныя, всегда сравнятъ лучшую сестру, или брата съ худшимъ, и будутъ на сторожѣ первыхъ. А добрый примѣръ родителей безъ сомнѣнія превыситъ всѣхъ. Здѣсь зародышъ возрожденія нашихъ образованныхъ семействъ, въ большинствѣ до крайности разстроенныхъ. Языческій риторъ Ливаній съ восторгомъ восклицалъ: „что за жены у христіанъ!“ удивляясь ихъ добродѣтелямъ и нравственной красотѣ, а нынѣ онъ сказалъ бы то же въ противоположномъ смыслѣ. Нельзя безъ скорби слышать отъ матерей семействъ отвѣтъ на замѣчаніе: пора вамъ отдавать дочь замужъ: «за кого нынѣ отдашь? Что за

¹⁾ Извѣстно изъ исторіи Церкви, что въ языческихъ семействахъ рабы, служители и плѣнники, и даже женщины были виновниками обращенія господъ въ христіанство.

женихи! Отдать на погибель». Съ другой стороны нельзя безъ глубокаго негодованія слышать отъ распущенныхъ молодыхъ людей отвѣты на совѣтъ: пора вамъ жениться, — произносимые съ гордостію: „это потеря!“ То есть они свободны вести безпутную жизнь, потому что невѣсты тоже небезупречны. Они считаютъ себя даже свободными отъ труда поискать достойную ихъ невѣсту. Печальное положеніе!

Въ общественной жизни направленіе христіанъ, изложеннымъ нами выше условіямъ согласованія ея съ ученіемъ христіанскимъ, окажетъ безчисленные добрые плоды, если Господь воздвигнетъ на это поприще достойныхъ и твердыхъ дѣятелей. Гдѣ бы ни пало благодатное сѣмя этой жизни, — въ высшихъ ли сферахъ нашего общества, въ среднихъ ли сословіяхъ, въ близкихъ ли слояхъ къ простому народу, — гдѣ бы ни образовался этотъ кружокъ ревнителей благочестія, вездѣ немедленно явится благотворное вліяніе ихъ дѣятельности на окружающихъ. Правительствамъ легко будетъ выбирать себѣ сотрудниковъ, — не изъ говорунъ и бойкихъ литераторовъ, а, по выраженію Св. Апостола, «въ добрыхъ дѣлахъ свидѣтельствуемыхъ» (1 Тим. 5, 10). Здѣсь ошибки въ выборѣ не будутъ. И въ общественныхъ собраніяхъ, думахъ, земствахъ скоро дадутъ себя знать подвижники-христіане. Они, конечно, будутъ молчаливѣе людей либеральныхъ, но, зная ихъ христіанскую жизнь и неразлучное съ нею здравомысліе и признавая ихъ за людей честныхъ, ихъ попросятъ говорить, и станутъ прислушиваться къ словамъ ихъ. Они будутъ вождѣленны во всѣхъ банковыхъ и коммерческихъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ, потому что не будутъ дѣлать подлоговъ и скрывать съ похищенными деньгами. Но дальнѣйшее развитіе этихъ мыслей каждый русскій человѣкъ, знающій положеніе нашего отечества, сдѣлаетъ самъ для себя.

Извиняясь за продолжительность слова, я чувствую потребность извиниться и въ необычной мольбѣ, обращенной мною къ образованнымъ христіанамъ объ открытіи дѣятельной борьбы за благо Церкви и отечества. Моя мольба ничего не значить, и я не рѣшился бы высказать ее, какъ необычную въ наше время, въ лицѣ служителя Церкви, но я только слѣдую примѣру Св. Апостола Павла, который молитъ вѣрующихъ обратиться на путь благочестія даже отъ Имени Божія: „молю васъ, братіе, именемъ Господа Іисуса Христа“ (1 Кор. 1, 10). „Умоляю Васъ милосердіемъ Божиимъ“ (Рим. 12, 6). „Мы посланники отъ имени Христова, и, какъ бы самъ Богъ увѣщаетъ чрезъ насъ, отъ имени Христова просимъ: примиритесь съ Богомъ“ (2 Кор. 5, 20).

Заклучимъ словами того же Св. Апостола: „наконецъ, братіе мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достохвально, что только добродѣтель и похвала, о томъ помышляйте. И миръ Божій, который превыше всякаго ума, соблюдетъ сердца ваши и помышленія ваши во Христѣ Іисусѣ (Фил. 4, 7. 8).

Анимистическая теорія о религіи, ея сущности и происхожденіи.

(Окончаніе *).

Спенсеръ, какъ мы видѣли, увѣряетъ, будто бы *тѣнь* отъ человѣка и другихъ предметовъ послужила первобытнымъ людямъ основаніемъ для заключенія о видимомъ и невидимомъ состояніи вещей и объ ихъ двойственности. „Первобытный человѣкъ, предоставленный самому себѣ,—говоритъ *Спенсеръ*,—непремѣнно прійдетъ къ выводу, что тѣнь есть дѣйствительное существованіе, принадлежащее тому тѣлу, которое отбрасываетъ ее; это—спутникъ, появляющійся только въ свѣтлые дни и ясныя ночи. Большая или меньшая отдѣлимость его собственной тѣни напоминаетъ ему случаи, когда тѣнь бываетъ вполне отдѣльною; такова, напр., тѣнь облаковъ. Такимъ образомъ тѣни доставляютъ новые матеріалы для развитія идеи о видимомъ и *невидимомъ* состояніяхъ бытія и идеи о двойственности вещей“. Что первобытный человѣкъ, предоставленный самому себѣ, могъ прійти къ выводу, что тѣнь есть дѣйствительное существованіе, принадлежащее тому тѣлу, которое отбрасываетъ ее, это весьма вѣроятно и правдоподобно,—и, конечно, въ такомъ заключеніи первобытный человѣкъ не ошибся бы, потому что всякая тѣнь, безъ сомнѣнія, есть дѣйствительное существованіе, принадлежащее тому тѣлу, которое ее отбрасываетъ. Но на такомъ заключеніи первобытный человѣкъ, конечно, и остановился бы. Только одна фантазія *Спенсера* можетъ идти далѣе, и только одинъ *Спенсеръ* можетъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1901 г. № 9.

думать, что тѣнь доставила бы первобытному человѣку новый матеріалъ для развитія идеи о видимомъ и *невидимомъ* состояніяхъ существованій. Выраженіе: „*невидимая тѣнь*“ заключаетъ въ себѣ два понятія непримиримо противорѣчащія одно другому. Тѣнь только и можно мыслить видимою; невидимыхъ тѣней никогда не было и не будетъ; а если такъ, то ясно, что тѣневныя явленія никогда не могли служить и основаніемъ для развитія идеи о невидимомъ состояніи существованія. Не могли тѣни давать повода первобытному человѣку и къ развитію идеи о *двойственности* вещей. Какъ проговорился и самъ *Спенсеръ*, первобытный человѣкъ *непретменно* долженъ прійти къ заключенію, что тѣнь „принадлежитъ тому тѣлу, которое отбрасываетъ ее“; при чемъ же здѣсь „идея двойственности вещей“? „Большая или меньшая отдѣлимость“ собственной тѣни человѣка также ничего не говоритъ въ пользу мнѣнія *Спенсера*; въ нѣкоторой степени у человѣка отдѣлимы руки, ноги, длинные волосы; неужели всѣ эти органы давали поводъ къ возникновенію идеи двойственности вещей? Вѣрно, что тѣнь облаковъ первобытный человѣкъ могъ понять только по аналогіи со своею тѣнью; но эта-то именно аналогія и не позволяла ему мыслить тѣнь отъ облаковъ вполне отдѣльнымъ существованіемъ. Какъ его тѣло было постоянно причиною его тѣни; такъ первобытный человѣкъ долженъ былъ думать, что и тѣнь отъ облаковъ *непретменно* должна была „принадлежать какому либо тѣлу, которое отбрасываетъ ее“. И это предположеніе его не обмануло; рано ли, поздно ли, но ему удалось, безъ сомнѣнія, отыскать истинную причину и отоблачныхъ тѣней. Не должно подкупать насъ въ пользу мнѣнія *Спенсера* и то обстоятельство, что въ позднѣйшихъ греческихъ міеологіяхъ души умершихъ часто называются *тѣнями*. Слово „*тѣнь*“ здѣсь употребляется въ аллегорическомъ смыслѣ, но не потому, что тѣнь даетъ поводъ къ заключенію о невидимомъ бытіи или двойственности вещей, а потому, что представленіе древнихъ грековъ о состояніи душъ умершихъ совпадало въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ свойствомъ тѣней, которыя несомнѣнно существуютъ, но которыхъ нельзя ни осязать, ни поймать, ни удержать въ рукахъ.

Отъ тѣней Спенсеръ переходитъ къ *отраженіямъ* и утверждаетъ, „что отраженія поражаютъ убѣжденіе въ томъ, что каждый человѣкъ имѣетъ свой двойникъ, обыкновенно *невидимый*, но способный быть увидѣннымъ, если подойти къ поверхности воды и посмотрѣть въ нее. Отраженія поддерживаютъ понятіе о видимомъ и *невидимомъ* состояніяхъ существованій и укрѣпляютъ выводъ о двойственности каждаго существованія“. Трудно даже понять, какъ можно рассуждать такъ нелогично, какъ рассуждаетъ здѣсь *Спенсеръ*. Первобытный человѣкъ *видитъ* свое отраженіе въ водѣ; на этомъ основаніи онъ составляетъ себѣ понятіе о *невидимомъ* состояніи существованія! Ну, кто же можетъ такъ рассуждать! Вѣдь и у первобытныхъ людей, и у теперешнихъ дикарей основные законы логики тѣ же, что и у всѣхъ людей вообще. Но видимого никто не можетъ объявить *невидимымъ*.

Нельзя согласиться со *Спенсеромъ* и въ томъ, будто бы эхо представляло человѣку достаточное основаніе для образованія понятія о *невидимомъ* состояніи существованія и о двойственности вещей. Нецивилизованный человѣкъ, говоритъ *Спенсеръ*, не можетъ создать физическаго (?) объясненія эха. Ибо что можетъ онъ знать объ отраженіи звуковыхъ волнъ? Факты показываютъ, что для первобытнаго ума эхо кажется голосомъ нѣкотораго существа, которое избѣгаетъ, чтобы его увидѣли. Такимъ образомъ еще разъ дѣлается выводъ о двойственности вещей: существуетъ невидимое состояніе такъ же, какъ и видимое“. Совершенно вѣрно, что первобытный человѣкъ ни въ какихъ гимназіяхъ не обучался, физики не изучалъ, и какъ объясняетъ физика такія явленія, какъ эхо, не зналъ; не могъ онъ поэтому ничего знать и объ отраженіи звуковыхъ волнъ. Но отсюда всетаки не слѣдуетъ, что эхо дало ему основаніе для образованія понятія о *невидимомъ* состояніи существованія. Онъ слышалъ эхо и думалъ, что въ лѣсу есть кто нибудь, который кричитъ и его передразниваетъ. Быть можетъ, онъ искалъ этого шутника и, конечно, не находилъ; но „ненайденный“ не то же, что „невидимый“. Правда, мы знаемъ языческія вѣрованія, по которымъ эхо приписывается сверхъестественному существу, духу, демону, лѣшему.

Но вѣрованія эти произошли совершенно противоположнымъ путемъ тому, который указывается *Спенсеромъ*: не эхо произвело идею Божества или сверхъестественнаго, а идея Божества была, по невѣжеству, примѣнена къ объясненію того звукового явленія, которое мы называемъ эхомъ. Но это примѣненіе могло быть сдѣлано только въ эпоху развитія политеистическихъ вѣрованій, которыя были объектируемы во всей вообще видимый природѣ. Но такое направленіе религіознаго сознанія предполагаетъ 1) прирожденность идеи Божества, а 2) превращеніе высшихъ религіозныхъ представленій въ низшія, чувственные и грубыя.

Теперь мы подошли къ самымъ важнымъ фактамъ, на которыхъ-то, собственно, *Спенсеръ* и старается обосновать свою гипотезу о сущности или природѣ религіи и ея происхожденіи въ родѣ человѣческомъ. Мы говоримъ о снахъ и сновидѣніяхъ, объ обморокѣ, апоплексіи, каталепсіи, экстазѣ и смерти. Вотъ что мы читаемъ по этому поводу у *Спенсера*. „Спящій послѣ одного изъ тѣхъ живыхъ сновидѣній, которыя вызываются голодомъ или переполненіемъ желудка, думаетъ, что онъ былъ въ какомъ нибудь мѣстѣ; но свидѣтели говорятъ, что этого не было, и ихъ показаніе подтверждается тѣмъ, что онъ находитъ себя на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ заснулъ. Какое же понятіе возникаетъ отсюда? Самымъ естественнымъ выходомъ будетъ: повѣрить какъ тому, что онъ оставался на мѣстѣ, такъ и тому, что онъ уходилъ, т. е., признать, что онъ обладаетъ двумя индивидуальностями, причемъ одна оставляетъ другую, но скоро возвращается назадъ. Такимъ образомъ и онъ имѣетъ двойное существованіе, подобно многимъ другимъ вещамъ“. Но что же можно доказать ссылкой на сновидѣніе? Даже дѣти никогда не принимаютъ сновъ за дѣйствительность. Если же что либо подобное и можетъ случаться, то это, конечно, должно быть признано какъ аномалія или исключеніе, встрѣчающееся крайне рѣдко. Но допустимъ, что хотя и рѣдко, но случается, въ видѣ патологическаго явленія, что иногда человѣкъ можетъ смѣшать свое сновидѣніе съ дѣйствительностію; что изъ этого слѣдуетъ?—Совершенно ничего,—кромѣ предположенія о болѣзненно разстроенномъ

воображеніи того лица, которсе допустило смѣшеніе сновидѣнія съ дѣйствительностію. Во всякомъ случаѣ такое смѣшеніе не можетъ быть признано явленіемъ ни первичнымъ, ни всеобщимъ, а слѣдовательно, изъ него нельзя и выводить такого всеобщаго и универсальнаго явленія, какимъ признають религію въ человѣческомъ родѣ всѣ эволюціонисты. Даже „свидѣтели“, выведенные *Спенсеромъ*, несомнѣнно современники „первобытнаго человѣка“, конечно, еще не смѣшивали своихъ сновидѣній съ дѣйствительностію, иначе они не возражали бы своему товарищу, страдавшему разстройствомъ воображенія. Впрочемъ, какъ можно было видѣть, для *Спенсера* интересъ состоитъ не въ томъ, что можно или нельзя смѣшивать сновидѣнія съ реальною дѣйствительностію, а въ томъ, что сновидѣнія сами по себѣ будто бы представляютъ основаніе для первобытнаго человѣка составить представленіе о своемъ двойникѣ. Но если мы повнимательнѣе отнесемъ къ вопросу о томъ, какой выводъ дѣйствительно могъ сдѣлать первобытный человѣкъ изъ своихъ сновидѣній, то мы увидимъ себя вынужденными признать, что заключеніе *Спенсера* слишкомъ поспѣшно и фантастично. Уже одно безусловное единство и нераздѣлимость нашего я во всякій данный моментъ исключаетъ самую возможность возникновенія идеи двойственности его. Вспоминаемъ ли мы свое прошедшее или думаемъ о своемъ будущемъ, во всѣхъ трехъ моментахъ—настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ—наше я всегда остается тождественнымъ съ собою, единымъ и нераздѣльнымъ. Измѣняться, раздѣляться, осложняться или упрощаться можетъ только предикатъ, но не субъектъ; мы говоримъ: душа моя, тѣло мое, сознание мое, мысль моя, желаніе мое и т. д.; но никогда человѣкъ не можетъ сказать: я есть желаніе или я есть тѣло и т. д. Мыслимъ ли мы что либо въ формѣ пространства или въ формѣ времени,—наше я измѣняетъ только свое положеніе или послѣдовательность, но никогда не измѣняется само: вездѣ и всегда оно остается единымъ, цѣльнымъ и тождественнымъ съ собою. Когда мы говоримъ: мнѣ снилось, мы ясно ставимъ сновидѣніе въ извѣстную послѣдовательность по отношенію къ дѣйствительности; но никогда мы не скажемъ:

„мнѣ снится“, когда мы находимся въ бодрственномъ состояніи. Если, по закову физики, во всякій данный моментъ тѣло можетъ занимать только одно мѣсто; то по основному психологическому закону, наше я въ каждый данный моментъ можетъ находиться только въ одномъ состояніи; а слѣдовательно, мы и не можемъ усматривать никакого основанія для возникновенія идеи двойственности нашего я. Эта идея могла бы возникнуть въ сознаніи первобытнаго человѣка только тогда, еслибы человѣкъ въ одно и то же время могъ сознать себя и дѣйствительно спящимъ и дѣйствительно бодрствующимъ, и грезящимъ во снѣ и мыслящимъ наяву; но такое двойственное состояніе для человѣка невозможно, а слѣдовательно, для него нѣтъ даже никакого повода къ образованію представленія о своемъ двойникѣ.

Не менѣе страннымъ представляется мнѣніе *Спенсера*, будто бы отъ сновидѣній первобытнѣйшій человѣкъ могъ сдѣлать заключеніе къ бытію души, духа или демона. Человѣкъ снится самому себѣ такимъ же точно духовно-тѣлеснымъ существомъ, какимъ онъ знаетъ себя и въ дѣйствительности. Въ своихъ сновидѣніяхъ онъ представляется имѣющимъ тѣло, живущимъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, ходящимъ, сидящимъ, пьющимъ, обѣдающимъ и т. п. Но если въ сновидѣніи человѣкъ представляется такимъ же, какимъ онъ является и въ дѣйствительности; то почему же—спрашивается—понятіе о духѣ могло возникнуть у него лишь на основаніи сновидѣній?

Не доставляютъ намъ основанія для заключенія о бытіи духовномъ и являющіяся намъ въ сновидѣніи другія лица кромѣ насъ, какъ неосновательно думаетъ *Спенсеръ*. „Одновременно съ этимъ вѣрованіемъ (въ матеріальное бытіе въ сновидѣніяхъ), говоритъ *Спенсеръ*, конечно, возникаетъ и вѣра въ то, что спящій дѣйствительно встрѣчалъ тѣхъ людей, которые ему снились. Если спящій считаетъ свои собственныя дѣйствія реальными, то онъ приписываетъ реальность и всему тому, что онъ видѣлъ, будетъ ли это—мѣсто, вещь или живое существо. Только представивши самихъ себя потерявшими цивилизацію, утратившими знаніе, съ уменьшенными способностями, неточнымъ языкомъ и неспособными къ скептицизму,

мы поймемъ, какъ неизбежно первобытный человѣкъ считаетъ реальными тѣ личности, являющіяся ему въ сновидѣнiяхъ, которыя мы считаемъ идеальными". Признаемся, что если бы мы принадлежали къ самымъ ревностнымъ защитникамъ гипотезы *саважизма* (*sauvage*) или „первобытной дикости человечества“ и послушались *Спенсера*, т. е., представили самихъ себя „потерявшими цивилизацію, утратившими знанiе, съ уменьшенными способностями, неточнымъ языкомъ и неспособными къ скептицизму“,—мы всетаки не могли бы допустить, чтобы *все* первобытные *люди* считали реальными *всѣхъ* тѣхъ людей, которые являлись имъ во *всѣхъ* ихъ сновидѣнiяхъ; мы не могли бы допустить, чтобы какой-то злой рокъ такъ подшутилъ надъ человечествомъ, чтобы оно осуждено было на вѣчный самообманъ и въ этомъ самообманѣ находило основанiе для созданiя такого универсальнаго и всеобщаго проявленiя духа, какимъ и эволюціонисты признаютъ религiю. Быть можетъ, исключенiя были. Быть можетъ, когда либо какой-нибудь душевно-больной человѣкъ и призналъ реальными приснившихся ему лицъ. Но развѣ на исключительномъ, патологическомъ состоянiи одного злосчастнаго субъекта могло возникнуть такое величественное и всеобщее явленiе, какъ религiя? И возможно ли, чтобы *все* люди, находящiеся въ совершенно нормальномъ состоянiи, могли быть увлечены самообманомъ одного душевно-больного? Кромѣ того, обманъ, какъ и самообманъ, явленiе—случайное и временное. Рано ли, поздно ли истина раскрывается и разрушаетъ все, построенное на обманѣ или самообманѣ. Между тѣмъ религiя продолжала еуществовать и существуетъ въ настоящее время.

Не могли приснившiеся постороннiя лица представить первобытному человѣку основанiя и для того, чтобы образовать понятiе о духѣ. Въ сновидѣнiяхъ и постороннiе люди являются намъ въ своемъ обычномъ тѣлесномъ видѣ, т. е., какими же, какими мы ихъ знаемъ въ дѣйствительности. Ясно, что въ сновидѣнiяхъ не больше, чѣмъ въ дѣйствительности, намъ дается основанiй для образованiя понятiя не только о духовномъ, но даже и о невидимомъ мiрѣ.

Наконецъ, станемъ на точку зрѣнiя самихъ эволюціони-

ствова. Они отрицаютъ всякое существенное различіе между человѣкомъ и животнымъ и даже предполагаютъ, что путемъ постепеннаго развитія, подъ вліаніемъ различныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ, человѣкъ произошелъ если не прямо отъ обезьяны, то, по крайней мѣрѣ, отъ какого-то обезьяновиднаго существа. Далѣе,—эволюціонисты, во главѣ съ своимъ выдающимся представителемъ *Дарвиномъ*, утверждаютъ, что животныя такъ же имѣютъ сны, какъ и человѣкъ. Въ своемъ сочиненіи „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“¹⁾ *Дарвинъ* говоритъ: „Такъ какъ собаки, кошки, лошади и вѣроятно всѣ высшія животныя, даже птицы, по наблюденіямъ извѣстныхъ авторитетовъ, видятъ очень живые сны, то мы должны принять, что они обладаютъ нѣкоторой степенью воображенія“. Впрочемъ, есть мыслители, не раздѣляющіе одностороннихъ увлеченій эволюціонизма, есть даже христіанскіе богословы, которые также находятъ основаніе утверждать, что многія животныя, подобно людямъ, способны видѣть сны. Далѣе,—нельзя сомнѣваться въ томъ, что животныя видятъ свои отраженія и тѣни. Бываютъ случаи, что собака, увидѣвъ себя въ зеркалѣ, начинаетъ лаять на свое собственное отображеніе, считая его, быть можетъ, дѣйствительною собакою. Но при всемъ томъ, самые ревностные защитники „соважизма“ и родства животныхъ съ человѣкомъ, не рѣшаются утверждать, что животныя имѣютъ идею духа. Мало того,—многіе дарвинисты и эволюціонисты указываютъ у животныхъ всѣ элементы, изъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, складывается религіозное чувство. Такъ *Дарвинъ* говоритъ²⁾: „Низшія животныя, подобно человѣку, очевидно, способны ощущать удовольствіе и страданіе, счастье и несчастье. Страхъ дѣйствуетъ на нихъ совершенно такъ же, какъ и на людей: ихъ мышцы дрожатъ, ихъ сердце бьется, волоса становятся дыбомъ. Подозрительность, порожденіе страха, чрезвычайно развита у большинства дикихъ животныхъ“. А отважные ученики Дарвина, какъ мы видѣли, рѣшаются утверждать даже, что собака смотритъ на своего хозяина какъ на Бога. При

1) Изд. 2-е, 1874 г. Перев. съ англ. Слб. т. I. стр. 31.

2) Ibid. стр. 26.

всемъ томъ у животныхъ нѣтъ даже и того первоначальнаго вида религіи, какимъ эволюціонисты считаютъ „предкопочитаніе“. По крайней мѣрѣ, никто изъ нихъ не рѣшается утверждать, что животныя какъ нибудь выражаютъ уваженіе къ своимъ умершимъ предкамъ; они не оставляютъ и нищи для нихъ, не возносятъ имъ и своихъ молитвъ. Отчего же это? Отвѣтъ простой: отъ того, что въ сновидѣніяхъ еще не заключается основанія для возникновенія не только религіи, но даже и идеи духа вообще: однихъ сновидѣній еще недостаточно для того, чтобы имѣть религію. То же самое нужно сказать и о тѣняхъ, и объ отображеніяхъ.

Впрочемъ, мы, собственно говоря, даже находимъ приемы *Спенсера* и совершенно нецѣлесобразными. Не подлежитъ сомнѣнію, что *Спенсеръ* хотѣлъ показать своимъ читателямъ и и послѣдователямъ, какъ первобытный человѣкъ выработалъ себѣ представленіе о невидимомъ и духовномъ мірѣ или—что то же—откуда у него взялась вѣра въ бытіе души, духовъ и демоновъ, предполагая, что въ послѣдствіи изъ понятія духа у него постепенно развилась и идея Божества. Но для достиженія этой цѣли *Спенсеръ* выбралъ слишкомъ окольный и длинный путь и притомъ именно такой путь, который, какъ мы показали, никогда и не могъ привести первобытнаго человѣка къ образованію понятія о духѣ. Вотъ почему, чтобы замаскировать свои ложные приемы онъ и принимаетъ часто основаніе за слѣдствіе, а слѣдствіе за основаніе. Такъ, напр., онъ указываетъ на обморокъ, каталепсію, эпилепсію и смерть, какъ на источникъ вѣры не только въ духовность природы, но и въ самостоятельность духовнаго начала (души) въ человѣкѣ. При этомъ онъ утверждаетъ, что смерть, обморокъ и т. д. первобытный человѣкъ могъ объяснить себѣ только тѣмъ, что душа на время или навсегда удаляется отъ тѣла и бродитъ внѣ его. Но чтобы объяснять такимъ образомъ смерть или обморокъ, первобытный человѣкъ, очевидно, уже напередъ долженъ былъ имѣть болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о душѣ и духѣ. Состояніе смерти не могло внушить ему идеи духовности, а вмѣстѣ съ нею и безсмертія, какъ свойства самостоятельнаго существованія души. „Невозможно допустить,

говорить одинъ писатель, чтобы уваженіе къ умершему предку могло дать потомку понятіе о его безсмертіи, когда этотъ предокъ умеръ на глазахъ многихъ. Зрѣлище смерти даже послѣ 19-ти вѣковъ христіанства не осталось ли самымъ страшнымъ испытаніемъ для вѣры въ безсмертіе? Чтобы вѣрить въ жизнь, вида смерть, недостаточно сновидѣнія или тѣни. Неслыханное дѣло, чтобы дикарь восхищался грустной дѣйствительностію смерти и, въ виду разрушенія тѣлесной оболочки, вѣрилъ въ вѣчное бытіе души. Гдѣ разумокъ человѣческой говоритъ: смерть и разрушеніе,—тамъ только одна вѣра въ Божественное Откровеніе можетъ сказать: вѣтъ, здѣсь жизнь и воскресеніе!“

Но неужели безъ участія Божественнаго Откровенія человѣкъ своими собственными силами не можетъ составить себѣ понятія о душѣ и ея свойствахъ—духовности и неразрушимости или безсмертіи? Конечно, можетъ,—и источникъ, изъ котораго возникаетъ это понятіе (идея) находится гораздо ближе, чѣмъ указываетъ *Спенсеръ*. Этотъ источникъ—самосознаніе человѣка и наблюденіе его надъ своею духовною жизнью—своими мыслями, желаніями, представленіями и чувствованіями. Эти явленія—невидимы и нематеріальны; слѣдовательно,—и сила, производящая ихъ, также должна быть невидимою и нематеріальною. Отчего же *Спенсеръ* не указываетъ на этотъ источникъ возникновенія въ сознаніи человѣка идеи души, духовности, неразрушимости или безсмертія, а ведетъ насъ такимъ окольнымъ путемъ, какъ превращенія, измѣненія, тѣни, отраженія, эхо, сновидѣнія, обморокъ, смерть и т. п.? Единственно потому, что образованіе понятія о душѣ и духѣ на основаніи своей внутренней психической жизни предполагаетъ у человѣка довольно продолжительное наблюденіе и способность сужденія и умозаключенія. По этой вѣдъ причинѣ эволюціонисты вообще отказываютъ и животнымъ въ способности имѣть религію. Признать за первобытнымъ человѣкомъ способность такого продолжительнаго самонаблюденія и умозаключенія, какъ средства для пріобрѣтенія теоретическихъ познаній, эволюціонисты не могутъ, оставаясь вѣрными своему основному принципу. Въ противномъ случаѣ они дол-

жны навсегда распроститься съ свою излюбленною гипотезою *саважизма*, предполагающею животнo—подобное состояніе первобытнаго человѣка, а вмѣстѣ съ нею и съ основными принципами эволюціонизма вообще. Но неужели мы не вынуждены были бы признавать за первобытнымъ человѣкомъ и способности къ продолжительному наблюденію и сужденію, если бы вмѣстѣ съ эволюціонистами нашли возможнымъ объяснять происхожденіе религій въ родѣ человѣческомъ изъ сновидѣній, обмороковъ, тѣней, отраженій и т. д.? Мы видѣли уже, какой сложный мыслительный процессъ долженъ бы былъ происходить въ душѣ первобытнаго человѣка даже для того, чтобы изъ сновидѣнія могла возникнуть идея двойственности вещей. Даже *Дарвинъ* въ этомъ случаѣ стоитъ на нашей сторонѣ. Въ своемъ сочиненіи „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“ (стр. 47) онъ говоритъ: „Пока важнѣйшія свойства человѣческаго ума: воображеніе, любопытство, разумъ и т. д. не были еще достаточно развиты въ человѣкѣ, *его сны не могли повести къ представленію о духахъ*, подобно тому, какъ они не ведутъ къ такимъ понятіямъ, наприм., собаку“. А если такъ, то, съ точки зрѣнія эволюціонистовъ, источникъ религій нужно полагать не въ сновидѣніяхъ и тѣняхъ, а только въ одной разсудочной дѣятельности человѣка, какими бы явленіями она ни была возбуждаема. Но въ такомъ случаѣ анимистическая теорія утрачиваетъ даже и свою оригинальность. Съ другой стороны, приведенное сужденіе *Дарвина* также подтверждаетъ нашу мысль, что *Спенсеръ* велъ своихъ читателей не только окольнымъ, но и ложнымъ путемъ, желая показать имъ, какъ у первобытнаго человѣка могла въ первый разъ возникнуть идея о душѣ, духахъ и демонахъ.

Но какъ бы эта идея ни возникла у человѣка, отъ одного существованія ея еще слишкомъ далеко до разрѣшенія вопроса о происхожденіи религій въ родѣ человѣческомъ. *Спенсеръ* думалъ изъ идеи духа вывести идею Божества. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ того процесса и тѣхъ основаній, по которымъ изъ идеи простого, конечнаго и ограниченнаго духа могла развиться идея духа безконечнаго, абсолютнаго, всесовершеннаго, всемогущаго и вездѣсущаго. Онъ прямо утвер-

ждаеть только, что „души умершихъ, силы которыхъ не знаютъ предѣловъ, вездѣсущи“. Но откуда взялась эта безпредѣльность ихъ силъ, т. е., всемогущество, и ихъ вездѣсущіе, онъ не показываетъ. Онъ говоритъ только, что „первобытный человѣкъ, неспособный (?) къ послѣдовательному мышленію и не владѣющій языкомъ, пригоднымъ для подобной цѣли, долженъ справляться здѣсь со своею задачею, какъ умѣеть“ По нашему мнѣнію,—это значить, что *Спенсеръ* совершенно отказывается отъ того, чтобы дать научное объясненіе, какимъ образомъ изъ простаго понятія о душѣ можетъ развиться идея Божества. А между тѣмъ еще *Декартъ* со всею основательностію и полною объективностію доказалъ, что человѣкъ, самъ по себѣ, безсиленъ создать идею абсолютнаго существа какъ по ограниченности своихъ силъ, такъ и по отсутствію надлежащаго матеріала. Ни сновидѣнія, ни эмпирическая дѣйствительность, кромѣ ограниченнаго и конечнаго бытія, не указываетъ человѣку ничего такого, что дало бы ему поводъ и основаніе для образованія понятія о бытіи неограниченномъ, безконечномъ и всесовершенномъ; а „изъ безконечнаго числа нулей никогда не можетъ составиться единица“ (*Кудрявцевъ*). Души умершихъ, говоритъ *Спенсеръ*, „дѣлають возможными безчисленныя сверхъестественныя дѣятельности; способныя проявлять безконечное разнообразіе... Первобытный человѣкъ не знаетъ и не можетъ понять никакихъ другихъ причинъ для объясненія неожиданныхъ перемѣнъ (въ природѣ); поэтому (?) причинами должны (?) являться эти души умершихъ“. Совершенно согласны, что первобытный человѣкъ можетъ не знать истинныхъ причинъ, которыя производятъ въ природѣ тѣ или другія явленія; но ни откуда не слѣдуетъ, что именно поэтому, т. е., потому только, что человѣкъ не знаетъ истинныхъ причинъ, производящихъ тѣ или другія явленія, онъ долженъ считать души умершихъ таковыми причинами. Ни опытъ, ни сновидѣнія не могли указать первобытному человѣку ни одного случая, когда бы душа человека произвела, напр., громъ. молнію или вулканическое изверженіе; на какомъ же основаніи первобытный человѣкъ могъ бы думать, что души умершихъ людей, ставъ безтѣлесными существами

и лишившись возможности дѣйствовать *физическими* силами, были причинами различныхъ *физическихъ* явленій? Эволюционисты, а въ числѣ ихъ и *Спенсеръ*, любятъ сравнивать умственное развитіе первобытныхъ людей или (по ихъ мнѣнію) грубыхъ дикарей съ умственнымъ развитіемъ обыкновенныхъ дѣтей; но дѣти никогда не указываютъ на души умершихъ какъ на причины какихъ бы то ни было физическихъ явленій. Правда, есть дикари, которые напр., затмѣніе солнца объясняютъ тѣмъ, что солнце проглотилъ какой-то ужасный драконъ или иное подобное чудовище; но подъ дракономъ они разумѣютъ здѣсь не душу какого либо умершаго человѣка, а демоническое существо, надѣленное божескими силами, которыми оно и пользуется, чтобы причинить вредъ человѣку. Итакъ, ясно, что къ числу недостатковъ анимистической гипотезы *Герберта Спенсера* нельзя не отнести того, что она бессильна показать, откуда въ сознаніи человѣка могла возникнуть идея Божества, потому что изъ простаго представленія о человѣческой душѣ не могла развиться эта идея. Совершенно справедливо говоритъ профессоръ Н. П. *Рождественскій* слѣдующее ¹⁾: „Нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ защитниковъ анимистической гипотезы, что отъ достигнутаго какимъ бы то ни было путемъ понятія о духѣ для человѣка былъ какъ нельзя болѣе легокъ и простъ переходъ къ религіи. Если бъ человѣку не врождено было религіозное сознаніе, побуждающее его искать живого общенія съ Богомъ, то одно простое представленіе, что есть кромѣ тѣла у человѣка душа, что есть помимо того еще много другихъ высшихъ и болѣе могущественныхъ духовъ,—могло бы породить только демонолатрію. Но человѣкъ съ самаго начала своего существованія обладалъ облагороживающею вѣрою во всемогущаго Бога и признавалъ Его безконечное совершенство. Идея безконечнаго духа не можетъ быть выведена изъ понятія о конечныхъ духахъ, какое бы могущество ни усвоилось послѣднимъ“.

Далѣе,—однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ анимистической теоріи *Спенсера* о сущности и происхожденіи религіи въ родѣ

¹⁾ Христ. Апологетика. т. I. Слб. 1893. Стр. 204.

человѣческомъ, какъ мы видѣли, является то положеніе, по которому культъ служенія предкамъ или предкопочитаніе признается первоначальною формою религіознаго сознанія чело-вѣчества, изъ которой уже путемъ постепеннаго развитія и параллельно съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ рода чело-вѣческаго возникли и всѣ другіе виды религіозныхъ вѣрованій: фетишизмъ, идолопоклонство, политеизмъ, дуализмъ и монотеизмъ. Но вѣрно ли это положеніе и можетъ ли оно быть доказано съ несомнѣнностію? На этотъ вопросъ мыслители, не ослѣпленные тенденціозностію и односторонностію эволюціонизма, могутъ отвѣтить только отрицательно. Съ точки зрѣнія самаго *Спенсера* трудно понять, какимъ образомъ предкопочитаніе могло бы явиться первоначальнымъ выраженіемъ религіознаго сознанія чело-вѣчества. Такъ *Спенсеръ* говоритъ ¹⁾: „Одинъ изъ опытовъ, внушающихъ идею загробной жизни, внушаетъ также и идею о предѣлѣ ея; это—появленіе мертвыхъ въ сновидѣніяхъ. Очевидно, умершіе, узнаваемые въ сновидѣніяхъ, должны быть людьми извѣстными тѣмъ, кто видитъ сновѣдѣніе; поэтому *тѣ, которые давно уже умерли, переставъ появляться въ сновидѣніяхъ, перестаютъ считаться еще существующими*“. Но если давно умершихъ родственниковъ, которые перестали уже являться въ сновидѣніяхъ, первобытные люди не могли признавать вообще даже и существующими, то тѣмъ болѣе они не могли воздавать имъ религіознаго почитанія и считать ихъ божествами. Ясно, что для поддержанія гипотезы *Спенсера* нужно было бы допустить, что первобытные люди боготворили своихъ родственниковъ, лишь недавно умершихъ и еще являвшихся имъ въ сновидѣніяхъ. Но допустить этого нельзя, не издѣваясь надъ чело-вѣческимъ разумомъ. Неестественно и неправдоподобно предполагать, чтобы люди, зная ограниченность и несовершенство своихъ родственниковъ при ихъ жизни, тотъ—часъ по смерти ихъ, неизвѣстно почему, безъ всякаго повода и основанія, стали считать тѣхъ же самыхъ родственниковъ, не имѣвшихъ предъ ними никакого преимущества, всемогущими и вездѣсущими,

¹⁾ Основанія соціологія. XIV. Идея о загробной жизни. Стр. 289.

производящими бури и вихри, грозу и дожди, вулканическія изверженія и землетрясенія со всѣми ихъ гибельными послѣдствіями. Правда, римская исторія говоритъ намъ по поводу существованія такъ называемаго императорскаго культа, что древне языческіе римляне причисляли къ богамъ своихъ императоровъ тотчасъ послѣ ихъ смерти; но та же исторія свидѣтельствуется съ другой стороны, что въ такихъ боговъ... никто не вѣрилъ, что императорскій культъ, быть можетъ, имѣлъ какое либо политическое значеніе, но религіознымъ культомъ въ собственномъ смыслѣ никогда не былъ. При томъ же римляне въ эпоху боготворенія императоровъ были вполне культурнымъ народомъ; они не только уже раньше имѣли религію, но даже успѣли и разочароваться въ ея истинѣ; на своихъ императоровъ они переносили черты своихъ бывшихъ боговъ, уже вполне опредѣлившіяся въ ихъ сознаніи.

По указанному положенію *Спенсеръ*, очевидно, признаетъ за религіею слишкомъ частный и случайный характеръ даже и въ ея первоначальной формѣ предкопочитанія. Предки продолжаютъ быть предметомъ религіознаго почитанія лишь до тѣхъ поръ, пока они живутъ въ памяти потомства и являются въ сновидѣніяхъ живымъ людямъ. Но можно ли изъ такого частнаго и случайнаго факта объяснять происхожденіе религіи въ родѣ человѣческомъ, которую самъ *Спенсеръ* признаетъ явленіемъ всеобщимъ и необходимымъ? Впрочемъ, нужно вообще замѣтить, что характеристическія свойства религіи—ея всеобщность и необходимость—рѣшительнѣе всего говорятъ противъ истинности анимистической гипотезы. Вѣдь по этой гипотезѣ выходитъ, что случайное произвело необходимое, частное послужило основаніемъ для всеобщаго. Путь отъ тѣни и эха къ двойнику и вѣрѣ въ невидимое бытіе, отъ сновидѣнія—къ духу, отъ конечнаго духа—къ безконечному, по *Спенсеру*, есть единственный и неизмѣнный путь развитія религіознаго сознанія *всего* рода человѣческаго! Но для такого категорическаго утвержденія *Спенсеръ* не указываетъ совершенно никакого фактическаго основанія; а между тѣмъ изъ исторіи и даже современной дѣйствительности, т. е., изъ вѣровацій дикихъ племенъ можно было бы привести множество

фактовъ, которые могутъ послужить лишь для опроверженія всей гипотезы *Спенсера*.

Прежде всего необходимо отмѣтить тотъ неподлежащій никакому сомнѣнiю фактъ, что никогда не было и въ настоящее время нѣтъ ни одного дикаго племени, у котораго бы религiя состояла только—и исключительно только—въ одномъ культѣ предкопочитанiя. Самъ *Спенсеръ* отказывается указать намъ такое дикое племя, ссылаясь на то, что уже въ доисторическое время предкопочитанiе стало утрачивать свой специфическiй характеръ и воспринимало религiозные элементы въ собственномъ смыслѣ. Хорошо! Но вѣдь и въ настоящее время эволюціонисты указываютъ на нѣкоторыхъ дикарей, которые находятся будто бы еще въ животнo-подобномъ состоянiи и могутъ быть признаваемы переходною ступенью отъ обезьяны къ человѣку. Таковыми эволюціонисты (Геккель и др.) объявляютъ, напр., дикарей—веддовъ, обитающихъ на о. Цейлонѣ, или айносовъ, живущихъ въ сѣверной Японiи и на южныхъ курильскихъ островахъ. Но у нихъ мы не находимъ религiи въ формѣ предкопочитанiя и даже, какъ говорятъ эволюціонисты, у нихъ будто бы нѣтъ вовсе никакой религiи. Что сказать о нихъ? Если ихъ нельзя назвать первобытными людьми, которые, по *Спенсеру*, исчезли вмѣстѣ съ своими вѣрованiями еще въ до-историческую эпоху и теперь болѣе не встрѣчаются, то они, слѣдовательно, суть только люди одичалые, жертвы какого-то непонятнаго регресса, существа—духовно-извращенныя; но такое признанiе противно кореннымъ началамъ эволюціонизма. Ясно, что изъ этого заколдованнаго круга самопротиворѣчiй для *Спенсера* выхода нѣтъ. Узелъ этотъ можно только рубить мечемъ, уничтожить насильственно; но развязать его нельзя.

Далѣе,—исторiя знаетъ религiи, въ которыхъ, кромѣ почитанiя боговъ въ собственномъ смыслѣ, былъ и культъ предкопочитанiя и почитанiя различныхъ героевъ, полубоговъ. Такова греко-римская религiя; таковъ современный буддизмъ; такова въ настоящее время религiя китайцевъ. Но та же самая исторiя свидѣтельствуетъ, что въ этихъ религiяхъ культъ предкопочитанiя не былъ первоначальнымъ, а явился лишь

въ сравнительно позднее время, въ эпоху замѣтнаго упадка религіозныхъ вѣрованій народа. При этомъ мы легко можемъ видѣть, какъ даже сложился этотъ культъ. Предки и выдающіяся личности становятся здѣсь предметомъ почитанія не тотчасъ послѣ ихъ смерти, а напротивъ спустя довольно долгое время, когда уже изъ памяти потомковъ исчезли ихъ обычныя слабости и недостатки, а ихъ достоинства стали усиливаться и увеличиваться подъ вліяніемъ сохранявшагося къ нимъ уваженія среди потомковъ и при помощи народной фантазіи, которая окружала ихъ ореоломъ славы и создавала различные образы и сказанія объ ихъ дѣлахъ чисто мифическаго характера. И здѣсь случилось совершенно противоположное тому, что утверждаетъ *Спенсеръ*: не предкопочитаніе создало религію или культъ боговъ, а наоборотъ религія—и притомъ уже только во время своего упадка—создала культъ предкопочитанія вслѣдствіе того, что затемненное представленіе о божескихъ свойствахъ было перенесено на умершихъ людей. Замѣчательно, впрочемъ, что и въ этихъ религіяхъ предкопочитаніе держалось какъ-то особнякомъ: предки никогда не превращались въ боговъ въ собственномъ смыслѣ, а всегда оставались только героями или полубогами (*Геркулесъ, Прометей, Эпитемей, Будда, Конфуцій*), и область владычества, отводимая боготворимымъ предкамъ (*лары, пенаты, домовые*), была весьма узкою и ограниченою: боготворимые предки почти всегда и вездѣ оставались только покровителями семьи, дома, очага. А это обстоятельство въ свою очередь говоритъ лишь о позднѣйшемъ происхожденіи предкопочитанія. Самъ *Спенсеръ* утверждаетъ, что этого культа нѣтъ ни у одного изъ дикихъ *кочевыхъ* народовъ; онъ встрѣчается только у народовъ, ведущихъ уже осѣдлую земледѣльческую жизнь и имѣющихъ свой очагъ и свое постоянное мѣстожительство; а между тѣмъ религію имѣютъ и всѣ дикіе *кочевые* народы.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія еще на то, что есть народы, которые никогда не воздавали религіознаго почитанія своимъ предкамъ и съ незапамятныхъ доисторическихъ временъ имѣли религію въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Таковъ *народъ еврейскій*. И что особенно здѣсь важно, такъ это то, что евреи *всегда* питали величайшее уваженіе къ своимъ

патріархамъ *Аврааму, Исааку и Іакову*, помнили имена и выдающіяся дѣянія своихъ отдаленнѣйшихъ предковъ, знали исторію перваго человѣка, благоговѣли предъ памятью своего законодателя *Моисея*, съ глубокимъ уваженіемъ относились къ посланникамъ Божиимъ—пророкамъ, и при всемъ томъ совершенно ничего не знали о культѣ предкопочитанія. Многіе рационалисты и въ частности—эволюціонисты (напр. *Геккель*), не находя у евреевъ ничего похожаго на культъ предкопочитанія, рѣшились даже утверждать, будто бы древніе (ветхозавѣтные) евреи не вѣровали ни въ безсмертіе души человѣческой, ни въ загробную жизнь. Что же? Неужели эти евреи никогда не видѣли своихъ тѣней, своего отраженія въ водѣ, никогда не слышали эха, не видѣли сновъ? Ясно, что не сновидѣнія создали предкопочитаніе, и не изъ культа предкопочитанія развилась религія!..

Интересное сужденіе объ анимистической гипотезѣ мы встречаемъ у *Пфлейдерера*. „Чтобы допустить, что духи воплощаются въ мертвыя вещи, говоритъ онъ, для этого нужно предположить, что первобытные люди уже напередъ имѣли понятіе о свободныхъ отъ тѣла духахъ; а чтобы приписать этимъ духамъ чародѣйскія силы, первобытнымъ людямъ нужно уже было напередъ имѣть понятіе о сверхъчувственныхъ, таинственно дѣйствующихъ силахъ. Но можно ли признать такого рода предположенія исходнымъ пунктомъ религіознаго сознанія? Анимистическая теорія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно и такимъ образомъ первоначальное человѣческое сознаніе представляетъ слишкомъ высокимъ, слишкомъ спиритуалистическимъ, въ такой именно мѣрѣ, какъ фетишистическая теорія (въ болѣе тѣсномъ смыслѣ) мыслить его слишкомъ низкимъ, слишкомъ грубо-матеріалистическимъ. Если по послѣдней теоріи древнѣйшими богами были чувственные объекты воспріятія тѣсно ограниченнаго окружающаго міра, то по первой религіозное сознаніе должно было начаться абстрактными представленіями безтѣлесныхъ духовъ и таинственныхъ силъ,—представленіями, которыя, сами по себѣ, конечно, еще не могли быть естественными и доступными наивному сознанію дѣтскаго первочеловѣчества, потому что они могутъ быть продуктами только уже развитой абстракціи и рефлексіи. Что

могло быть доступнѣе для первобытнаго человѣка: почитаніе ли восходящаго, свѣтящаго и согрѣвающаго солнца, бушующаго неба, волнующагося моря, т. е., явленій, жизнь и сила которыхъ самымъ непосредственнымъ и неустрашимымъ образомъ навязываются его видящему, слышащему и чувствующему воспріятію, или же почитаніе безтѣлесныхъ душъ, которыхъ онъ никогда не видѣлъ и дѣйствующая сила которыхъ для него можетъ основываться только на одной фикціи?—Какъ скоро вопросъ ставится въ такой опредѣленной формѣ, то едва ли кто затруднится отвѣтить на него“.

Теперь намъ оставалось бы только рассмотреть мнѣніе *Спенсера* о томъ, что боги каждой религіи суть не что иное, какъ идеализированные люди. Но съ этимъ мнѣніемъ мы встрѣчались уже дважды. Въ первый разъ его высказалъ, по видимому, *Эвемеръ*; а въ наше время его съ особенною энергіею защищаетъ эволюціонистъ *Каспари*. Здѣсь намъ нечего прибавить къ тому, что сказано при разборѣ теорій *Эвемера* и *Каспари*. Впрочемъ, замѣтимъ, что самъ *Спенсеръ* не идетъ далѣе предположенія, что идеализированные люди въ религіяхъ являются, собственно, не настоящими богами, а только полубогами или героями; но обоготворенные герои во всѣхъ религіяхъ ясно отличаются отъ боговъ. Ни одинъ грекъ не дерзалъ сравнивать своего Геркулеса съ Зевсомъ; ни одинъ славянинъ—язычникъ не отождествлялъ домового съ Перуномъ.

Итакъ, анимистическая гипотеза *Спенсера* недостаточна для того, чтобы, при ея помощи, мы могли уяснить себѣ какъ сущность или природу религіи вообще, такъ и въ частности ея возникновеніе и распространеніе въ родѣ человѣческомъ.

Не лучшею и не болѣе удовлетворительною оказывается анимистическая гипотеза и въ сочиненіяхъ другихъ писателей, принадлежащихъ къ школѣ эволюціонистовъ. Мы разумѣемъ *Леббокка* (*John Lubbock*), *Герланди*, *Тэйлора*, *Липперта*, *Дебвера*, *Герена* и др. О *Дарвинѣ* мы уже и не говоримъ. Хотя онъ, правда, долженъ быть названъ истиннымъ виновникомъ этой гипотезы, такъ какъ онъ первый указалъ на сны и сновидѣнія какъ на мнимый источникъ развитія религіознаго сознанія; но шаги его въ этомъ направленіи были нерѣшительны,—въ другихъ мѣстахъ онъ, по видимому, болѣе склонялся

въ пользу натуралистической гипотезы и существенное значеніе въ возбужденіи религіознаго чувства приписывалъ страху человѣка предъ грозными явленіями внѣшней природы. Вообще же о *Дарвинѣ* можно сказать, что имъ указаны только общія начала анимистической гипотезы; но онъ нисколько не позаботился объ ихъ частномъ раскрытіи.

Въ виду этого виновникомъ анимистической гипотезы о происхожденіи религіи въ родѣ человѣческомъ нѣкоторые называютъ *Леббокка*. Дѣйствительно, еще въ 1867 году *Леббоккъ* издалъ въ свѣтъ два сочиненія „О происхожденіи цивилизаціи“ ¹⁾ и „Доисторическое время“ ²⁾, въ которыхъ онъ уже весьма обстоятельно разсматриваетъ тѣ начала, на которыхъ развилась впослѣдствіи анимистическая гипотеза. Здѣсь *Леббоккъ* открыто становится на сторону эволюціонистовъ и теорію эволюціи во всемъ ея объемѣ старается примѣнить къ разрѣшенію вопроса о сущности и происхожденіи религіи. Современнаго дикаря онъ отождествляетъ съ первобытнымъ человѣкомъ, который, происшедши отъ обезьяны, въ первое время ничѣмъ отъ нея не отличался, жилъ ея жизнію, руководился ея инстинктами. *Леббоккъ* съ дерзкимъ легкомысліемъ отвергъ богооткровенное ученіе о человѣкѣ и его паденіи; но не могъ согласиться и съ теоріею натурализма, по которой религія представляется только результатомъ суевѣрнаго страха предъ грозными явленіями природы. *Леббоккъ* призналъ анимизмъ или вѣру въ высшія духовныя существа явленіемъ всеобщимъ и универсальнымъ, но только по этому онъ и имѣетъ отношеніе къ анимистической гипотезѣ; во всемъ же остальномъ онъ скорѣе можетъ быть признанъ противникомъ этой гипотезы, чѣмъ ея защитникомъ. Во всеобщей вѣрѣ въ бытіе высшихъ духовныхъ существъ онъ не хочетъ видѣть того, что принадлежитъ къ сущности религіи. Если признавать ее религіею, то съ такимъ же точно правомъ—думаетъ *Леббоккъ*—нужно назвать религіею боязнъ дитяти оставаться въ темной комнатѣ или привязанность собаки къ своему хозяину. Анимизмъ будто бы потому оказывается всеобщимъ явленіемъ въ человѣчествѣ, что онъ есть результатъ всеобщаго умственного

¹⁾ On origin of civilisation, 1867.

²⁾ Prehistoric Times, 1867.

невѣжества. Религіозное влеченіе, по *Леббоку*, вовсе не врождено духовной природѣ человѣка; религія есть только естественная попытка человѣческаго ума, при неимѣніи еще положительныхъ познаній, объяснить различныя явленія, происходящія во внѣшнемъ мірѣ. Поэтому *Леббоккз* утверждаетъ, что по своей природѣ всѣ люди—безусловные атеисты ¹⁾; затѣмъ потребность знанія породила идололатрію, которая путемъ постепеннаго развитія, подчиняясь закону эволюціи, развилась въ антропоморфизмъ и, чрезъ посредство политеизма, выродилась, наконецъ, въ монотеистическое ученіе о Богѣ, какъ Творцѣ міра. Такимъ образомъ, въ своемъ ученіи о религіи *Леббоккз* соединилъ все: и ученіе позитивистовъ, и мнѣніе защитниковъ гипотезы фетишизма, и основныя начала натуралистической гипотезы, и дарвинизмъ, и эволюціонизмъ, и анимизмъ но болѣе всего онъ слѣдовалъ, кажется, *Юму*, который хотя и считалъ вѣру въ духовъ всеобщею, но при этомъ утверждалъ, что дикарей, вѣрующихъ въ духовъ, а не имѣющихъ другихъ болѣе возвышенныхъ и чисто религіозныхъ вѣрованій, слѣдуетъ считать атеистами, какъ и европейскихъ спиритовъ, которые вѣрують въ духовъ и привидѣнія, но *отрицаютъ* (дикари этого не дѣлаютъ) бытіе Божіе.

Ясно, что *Леббоккз* не можетъ быть признанъ первоначальнымъ виновникомъ анимистической гипотезы; таковымъ остается несомнѣнно только *Спенсеръ*. Другіе эволюціонисты только раскрывали и старались основательнѣе представить тѣ общія начала, которыя у *Спенсера* оказались недоказанными. Къ числу такихъ эволюціонистовъ принадлежатъ *Тэйлоръ* ²⁾, *Лин-*

¹⁾ Это утвержденіе Леббокка съ полною основательностію опровергнуто эволюціонистомъ же п, какъ увидимъ ниже, выдающимся защитникомъ анимистической теоріи *Тэйлоромъ*. Срв. его „Первобытная культура“, изд. 2-е, Спб. 1897 г. т. II, стр. 5 и слѣд. „Въ числѣ многочисленныхъ свѣдѣній, собранныхъ сэромъ *Джономъ Леббоккомъ* въ доказательство отсутствія или низкаго развитія религіи у низшихъ расъ, говоритъ *Тэйлоръ*, можно найти многое, что подлежить открытой критикѣ. Такъ, увѣренія, что туземцы острововъ Самоа не имѣють религіи, не могутъ устоять противъ подробнаго описанія вѣрованій самоанцевъ, составленнаго достоючтеннымъ Г. Тернеромъ; точно также увѣреніе, что тушнамбы въ Бразиліи не знаютъ никакой религіи, не можетъ быть принято безъ какихъ либо болѣе положительныхъ доказательствъ, такъ какъ религіозныя вѣрованія и обряды племени Туши были описаны у Лери, Де-Лаэта и другихъ авторовъ“ и т. д.

²⁾ „Первобытная культура“. Перев. Д. А. Коропчелскаго. Спб. 1897. Изд. 2-е.

пертъ ¹⁾, *Дебвертъ* ²⁾, *Геренъ* ³⁾ и др. Всѣ они въ своихъ основныхъ воззрѣнiяхъ согласны между собою; но наиболѣе характеристическимъ, безъ сомнѣнiя, долженъ быть названъ *Тэйлоръ*; а потому на немъ именно мы и останавливаемъ свое вниманiе.

На ходъ развитiя религiознаго сознанiя человѣчества *Тэйлоръ* смотритъ такъ, какъ и долженъ смотрѣть на него истый эволюціонистъ. Онъ прямо говоритъ: „Нѣтъ человѣческой религiи, которая стояла бы совершенно отдѣльно отъ другихъ, и мысли и начала современнаго христіанства имѣютъ умственные нити далеко позади, за предѣлами до христіанскихъ временъ, въ самыхъ первыхъ началахъ человѣческой цивилизаціи и, можетъ быть, даже самаго существованiя человѣка“. „Мысли и начала современнаго христіанства имѣютъ свои умственные нити за предѣлами до христіанскихъ временъ, быть можетъ, даже за предѣлами самаго существованiя человѣка“! Не подумаетъ ли кто либо, что, говоря эту фразу, *Тэйлоръ* имѣетъ въ виду превѣчный планъ Божественнаго промысленiя о человѣкѣ? Нѣтъ, читатель, здѣсь *Тэйлоръ* говоритъ намъ лишь о томъ, что мысли и начала современнаго христіанства мы должны искать въ грубомъ животномъ инстинктѣ нашего мнимаго прародителя—обезьяны шимпанзе! Вотъ какимъ положенiемъ начинается *Тэйлоръ* свое научное изслѣдованiе, которое должно привести къ разрѣшенiю вопроса о сущности и происхожденiи религiи.

Какъ мы сказали уже выше, *Тэйлоръ*, принимая за ближайшее опредѣленiе религiи вѣрованiе въ духовныя существа ⁴⁾, утверждаетъ фактъ всеобщности религiи. Впрочемъ, такое утвержденiе вытекаетъ у него не изъ „умозрѣнiя“, а только изъ „наблюденiя“. „Насколько я могу судить, говоритъ онъ ⁵⁾, на основанiи громадной массы фактовъ, мы должны допустить, что вѣрованiе въ духовныя существа оказывается у всѣхъ высшихъ расъ, которыя удалось узнать ближе“. Поэтому анимизмъ *Тэйлоръ* называетъ основою философіи какъ у дикарей,

1) „Исторiя культуры“. Спб. 1894.

2) „Первобытные люди“. Спб. 1894.

3) „Urgeschichte des Menschen nach den heutigen Stande der Wissenschaft, 1892.

4) Т. II, стр. 7.

5) Стр. 8.

такъ и у цивилизованныхъ народовъ. Первоначальною формою анимизма признается вѣра въ существованіе душъ умершихъ; но какъ могло возникнуть у первобытныхъ людей самое представленіе о человѣческой душѣ вообще? На этотъ вопросъ, въ полномъ согласіи со *Спенсеромъ*, *Тэйлоръ* отвѣчаетъ такимъ образомъ. *Повидимому*, мыслящихъ людей, стоящихъ на низкой степени культуры, всего болѣе занимали двѣ группы біологическихъ вопросовъ, во первыхъ: что составляетъ разницу между живущимъ и мертвымъ тѣломъ; что составляетъ причину бдѣнія, сна, экстаза, болѣзни и смерти? во-вторыхъ, что такое человѣческіе образы, представляющіеся въ снахъ и видѣніяхъ? Видя эти двѣ группы явленій, древніе дикари—философы, *вѣроятно*, прежде всего сдѣлали очевидное заключеніе, что у каждаго человѣка есть жизнь и есть призракъ. То и другое, видимо, находятся въ тѣсной связи съ тѣломъ: жизнь даетъ ему возможность чувствовать, мыслить и дѣйствовать, а призракъ составляетъ его образъ или второе я; и то и другое, такимъ образомъ, отдѣлены отъ тѣла: жизнь можетъ уйти изъ него и оставить его безчувственнымъ или мертвымъ, а призракъ показывается людямъ, вдали отъ него. Дикимъ философамъ не трудно было сдѣлать и второй шагъ; мы это видимъ изъ того, что крайне трудно было цивилизованнымъ людямъ уничтожить это представленіе. Дѣло заключалось просто въ томъ, чтобы соединить жизнь и призракъ. Если то и другое принадлежать тѣлу, почему бы имъ не принадлежать другъ другу и не быть проявленіями одной и той же души? Поэтому ихъ можно разсматривать, какъ связанные между собою, и въ результатѣ является общеизвѣстное понятіе, которое можетъ быть названо призрачной душой“. Дальше идетъ у *Тэйлера*, какъ и у *Спенсера*, рѣчь о душахъ растений и животныхъ, о покиданіи тѣла душею во время экстаза, сна, смерти, о превращеніи душъ умершихъ въ духовъ или демоновъ, о предкопочитаніи или—вѣрнѣе—о почитаніи умершихъ вообще, о вселеніи духовъ или бѣсовъ въ человѣка, животныхъ, о развитіи изъ почитанія умершихъ фетишизма, затѣмъ—тотемизма и, наконецъ, политеизма и монотеизма. Подробно излагать содержаніе книги *Тэйлора* значило бы снова повторять то, что было уже высказано *Спенсеромъ*. Собственно говоря, *Тэйлору* принадлежитъ

только изложеніе, а не содержаніе его книги. Если въ сравненіи съ тѣмъ, что высказано *Спенсеромъ*, у *Тэйлора* и есть что либо новое, то оно только еще болѣе запугиваетъ и безъ того полную противорѣчій гипотезу Спенсера. Такъ, *Тэйлоръ* въ значительной степени затемняетъ самое понятіе объ *анимизмѣ*, подъ которымъ онъ разумѣетъ и почитаніе предметовъ внѣшней природы, которые представляются какъ бы одушевленными существами (натурализмъ), и почитаніе независимыхъ отъ этихъ предметовъ духовъ или демоновъ (демонолятрія), и, наконецъ, почитаніе душъ умершихъ людей или духовъ предковъ (анимизмъ въ собственномъ смыслѣ). Но натурализмъ, демонолятрія и анимизмъ имѣютъ такія существенныя отличія одно отъ другого, что ихъ смѣшивать можно только по незнанію или въ интересахъ какой либо предвзятой тенденціи—умышленно. Затѣмъ,—*Тэйлоръ* увѣряетъ, что первобытные люди прежде образованія понятія о душѣ составили себѣ представленіе о жизни, какъ о *существовѣ*, совершенно отдѣльномъ отъ человѣка и его тѣла, дающемъ ему возможность чувствовать, мыслить и дѣйствовать, и что только изъ соединенія этого существа съ другимъ самостоятельнымъ *существомъ*—призракомъ или образомъ человѣка въ сознаніи человѣка получилось представленіе о *призрачной* душѣ, хотя эта *призрачная* душа у первобытныхъ людей продолжаетъ признаваться единственнымъ началомъ и источникомъ жизни. Нужно, очевидно, быть слишкомъ довѣрчивымъ, чтобы приписывать первобытнымъ людямъ такую сложную комбинацію мыслительной дѣятельности, безъ всякой надобности и безъ всякаго фактическаго основанія.

Что для насъ важно въ ученіи *Тэйлора*, такъ это скорѣе его отрицательная сторона, чѣмъ положительная. Такъ, *Тэйлоръ* уже не хочетъ вмѣстѣ со *Спенсеромъ* указывать на отображенія людей въ водѣ, превращенія, эхо и т. п. какъ на явленія, на основаніи которыхъ будто бы возникла идея двойственности вещей, вѣра въ невидимое и духовное бытіе и, наконецъ, представленіе о человѣческой душѣ. Этимъ онъ, очевидно, произноситъ хотя и молчаливый, но суровый приговоръ надъ ненаучными приемами своего учителя—*Спенсера*. Но есть въ книгѣ два мѣста, которыя можно понимать и въ смыслѣ спра-

ведливой оцѣнки всей анимистической теоріи вообще. Такъ на стр. 170 онъ говоритъ слѣдующее: „Хотя моя задача ограничивается здѣсь (въ изложеніи теоріи анимизма) общимъ очертаніемъ лишь тѣхъ сторонъ этой спиритуалистической философіи, которыя для меня вполне ясны, при чемъ я *мимъ весьма мало надѣюсь разсѣять туманъ, покрывающій еще многое въ этомъ предметъ*, но, даже и въ этихъ границахъ, задача моя далеко не легка и становится еще тяжелѣе, вслѣдствіе налагаемой ею на меня отвѣтственности. При изученіи хода анимизма съ самыхъ первобытныхъ стадій его въ самомъ дѣлѣ оказывается, что онъ даетъ *ключъ къ цѣлой массѣ средневековыхъ и современныхъ воззрѣній*, смыслъ и значеніе которыхъ едва ли были бы понятны безъ помощи теоріи постепеннаго развитія культуры, обнимающей собою различные процессы новообразованія, уничтоженія, переживанія и оживанія“. Т. е., это значитъ, что, по мнѣнію самаго *Тэйлора*, анимистическая теорія можетъ оказать *нѣкоторую* помощь только при объясненіи существованія и происхожденія многочисленныхъ *суевѣрій* и *предразсудковъ*, которые во множествѣ господствовали во время средневековаго невѣжества и господствуютъ еще въ настоящее время среди невѣжественной толпы. Далѣе *Тэйлоръ* показываетъ опредѣленнѣе, что нужно разумѣть подъ этими „средневековыми и современными воззрѣніями“; это—вѣра въ колдуновъ и вѣдьмъ, въ двойниковъ и привидѣнія, вызываніе мертвыхъ на спиритическихъ сеансахъ, католическія легенды и вообще суевѣрія, которыя признаются остатками грубаго язычества и невѣжества.

Наконецъ, *Тэйлоръ* откровенно признается, что защищаемая имъ анимистическая гипотеза по самой сущности своей должна быть одностороннею, потому что она смотритъ на религію не какъ на цѣльную живую силу, а только какъ на извѣстную ступень умственнаго развитія или культуры. „Лицамъ, привыкшимъ къ разбору теологическихъ предметовъ съ точки зрѣнія догматической, эмоціональной и нравственной, а не этнографической, настоящее изслѣдованіе, говоритъ *Тэйлоръ* ¹⁾, можетъ показаться одностороннимъ, и потому легко приво-

¹⁾ Стр. 389 и слѣд.

дящимъ къ заблужденію. Между тѣмъ такое одностороннее отношеніе къ дѣлу было принято мною послѣ зрѣлаго обсужденія. Такъ, хотя разсмотрѣнныя здѣсь ученія затрогиваютъ не только развитіе, но иногда и самую истину религіозныхъ системъ, я не чувствовалъ въ себѣ ни способности, ни желанія входить ближе и полнѣе въ разбирательство этого великаго вопроса, такъ какъ опытъ показалъ, что рѣшать подобныя задачи какой нибудь диктаторской фразой составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ ошибокъ... Я обращалъ вниманіе на умственную сторону религіи преимущественно передъ ея эмоціональной стороной. Между тѣмъ, даже въ жизни самаго грубаго дикаря, религіозныя вѣрованія сопровождаются сильнѣйшими душевными движеніями, трепетнымъ уваженіемъ, жестокимъ страхомъ, восторженнымъ экстазомъ, когда чувства и мысли возвышаются безгранично надъ обычнымъ уровнемъ ежедневной жизни. Насколько же такія чувства должны быть сильнѣе въ тѣхъ религіяхъ, гдѣ вѣрующей испытываетъ не только такой энтузіазмъ, но гдѣ самыя высшія степени чувства любви и надежды, справедливости и милосердія, твердости, нѣжности и самоотверженной преданности, невыразимой печали и невыразимаго счастья сосредоточиваются и сплетаются вокругъ его религіозной системы! Языкъ, отнимающій иногда отъ такихъ словъ, какъ душа и духъ, ихъ чисто философское значеніе, можетъ употреблять ихъ вполне соотвѣтственно этому стремленію религіознаго ума, какъ выраженія для передачи мистическаго смысла самаго возвышеннаго изъ движеній души. Но *всей этой стороны вѣдѣнія и страсти мы едва касались въ нашей книгѣ, и то немногое, что было сказано объ этомъ предметѣ, было скорѣе случайнымъ, чѣмъ преднамѣреннымъ. Тѣ, для которыхъ смыслъ религіи заключается главнымъ образомъ въ религіозномъ чувствѣ, могутъ сказать по поводу моихъ разсужденій, что я писалъ бездушно о душѣ и недуховно о духовныхъ предметахъ. Пусть такъ; я принимаю этотъ приговоръ не какъ нѣчто вызывающее на оправданіе, а просто какъ опредѣленіе моего плана*“.

Это откровенное признаніе *Тэйлора*, конечно, свидѣтельствуешь объ его научномъ благородствѣ и той скромности, которая приличествуетъ истинно серьезному изслѣдователю; но

оно имѣеть и болѣе широкое значеніе. Если имѣть въ виду, что *Тэйлоръ* въ своемъ сочиненіи—„Первобытная культура“,—оставаясь вполне вѣрнымъ основнымъ положеніямъ *Спенсера*, полнѣе всѣхъ другихъ эволюціонистовъ изложилъ и обосновалъ анимистическую гипотезу о религіи и ея происхожденіи, и всетаки остался ею недоволенъ, то ясно, что приведенное признаніе его есть рѣшительное осужденіе всей анимистической гипотезы вообще.

Дѣйствительно, однимъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ анимистической гипотезы, какъ откровенно сознался *Тэйлоръ*, должна быть признана ея односторонность. Защитники этой гипотезы имѣють въ виду не религію вообще, а только то, что можетъ быть названо въ религіи ея теоретическимъ элементомъ; подъ религіею они разумѣють только известную форму выраженія познанія, приобретаемаго человекомъ. Но такъ какъ путь знанія лежитъ обыкновенно отъ неизвѣстнаго къ извѣстному; то неизвѣстное и его познаніе эволюціонисты полагають и въ основу постепеннаго развитія религіознаго сознанія человѣчества. Отсюда происходитъ слѣдующее. 1) Говоря о религіи, а разумѣя подъ этимъ словомъ вовсе не то, что составляетъ сущность религіи, эволюціонисты обманываютъ и себя и другихъ; 2) смѣшивая намѣренно различныя понятія одно съ другимъ, они сами заключаютъ себя въ такой кругъ противорѣчій, изъ котораго нѣтъ другого исхода, кромѣ насилія и нелогичности. Разсмотримъ эти положенія нѣсколько подробнѣе.

1. Эволюціонисты отвергли натуралистическую гипотезу, какъ неистинную; вмѣсто нея они предложили свою собственную—анимистическую. Но въ дѣйствительности здѣсь сдѣланъ только подмѣнъ словъ, для выраженія одного и того же понятія, но не измѣненіе самаго пониманія религіи. Въ сущности анимистическая гипотеза ничѣмъ не отличается отъ натуралистической, кромѣ одного названія. Сущность натуралистической гипотезы, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, что ея защитники видятъ въ религіи лишь попытку объясненія тѣхъ или другихъ явленій вѣшняго міра; сущность религіи они полагають только въ ея теоретической сторонѣ. Но то же самое дѣлають и эволюціонисты. Правда, *Спенсеръ* увѣ-

ряетъ, что, по его мнѣнію, корень религіи находится въ сновидѣніяхъ, въ вѣрѣ въ бытіе духовъ и т. п. Но говоря это, онъ, какъ и остальные анимисты, только намѣренно или ненамѣренно обманываетъ и себя, и другихъ. На самомъ дѣлѣ не въ сновидѣніяхъ, а въ томъ или другомъ *пониманіи* или *объясненіи* сновидѣній, которыя создаютъ будто бы первобытные люди, онъ усматриваетъ источникъ религіи. Что между натуралистическою и анимистическою гипотезами нѣтъ никакого *существеннаго* различія, это особенно видно изъ того, какъ защитники анимизма учатъ о происхожденіи вѣры въ невидимыхъ духовъ. Такъ у *Тэйлора* ¹⁾ мы читаемъ: „Сообразно съ той ранней дѣтскою философіей, по которой *человѣческая жизнь является непосредственнымъ ключемъ къ пониманію природы* вообще, теорія механизма вселенной у дикарей относитъ явленія природы къ *произвольнымъ дѣйствіямъ проникающимъ ее личнымъ духовъ*. Во все не произвольный вымыслъ, а разумное умозаключеніе, что *слѣдствіе имѣетъ свою причину*, заставило грубыхъ людей прежняго времени населить свои эфирными призраками свои собственныя жилища и убѣжища, всю обширную землю и простирающееся надъ нею небо. Духи лишь олицетворенныя причины“. *Точно такъ же*, какъ мы видѣли, разсуждаютъ и защитники натуралистической гипотезы. Итакъ, ясно, что эволюціонисты обманываютъ и себя, и другихъ, отвергая на словахъ эту гипотезу, а на дѣлѣ усвоивъ и защищая ее—лишь подъ другимъ названіемъ.

2. Разумѣя подъ религіею только одну теоретическую сторону ея и вслѣдствіе этого ложно понимая ея сущность, они указываютъ и ложный источникъ ея происхожденія. Такимъ источникомъ они признаютъ только одно *умственное невѣжество, неразвитость, непониманіе и ложное объясненіе явленій*. Вслѣдствіе этого они путаются и въ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ, смѣшивая постоянно религію съ суевѣріемъ, т. е., результатомъ *умственнаго невѣжества*. Религія для нихъ есть только родъ нѣкоторой философіи. „Анимизмъ, говоритъ *Тэйлоръ* ²⁾, составляетъ основу *философіи*“. Первобытный чело-вѣкъ для нихъ—умственный невѣжда, грубый дикарь; а ве-

¹⁾ Стр. 169.

²⁾ Стр. 9.

вѣжество, суевѣріе—для нихъ признаковъ первобытности, хотя бы они были дѣломъ позднѣйшаго времени.

Для защитниковъ анимистической теоріи, какъ мы видѣли, невозможно вывести идею двойственности вещей. Для этого имъ необходимо доказать, что человѣкъ въ одно и то же время можетъ занимать два мѣста или находиться одновременно въ двухъ различныхъ состояніяхъ. *Спенсеръ* не могъ найти ни одного доказательства въ пользу такого нелѣпаго предположенія. Поиски *Тэйлора* оказались удачнѣе. Онъ нашелъ одно доказательство. Но гдѣ? въ какой-то *католической* легендѣ, появившейся—не раньше, не позже—какъ въ средніе вѣка! „Обыкновенно люди считаютъ невозможнымъ для человѣка, говоритъ онъ ¹⁾, находиться въ одно и то же время въ двухъ мѣстахъ, и въ этомъ смыслѣ существуютъ даже народныя поговорки. Но это воззрѣніе далеко не повсемѣстно, и слово *bilocatio* придумано для выраженія чудесной способности нѣкоторыхъ святыхъ римской церкви быть одновременно въ двухъ мѣстахъ, Напримѣръ, св. Альфонсъ Лигуорскій могъ говорить проповѣдь въ церкви и въ то же время исповѣдывать кающихся на дому“. Итакъ, вѣрованія первобытаго человѣка эволюціонисты выводятъ изъ *средневѣковыхъ католическихъ легендъ*! Защитники анимистической гипотезы объявили своею задачею—указаніе способа объясненія *естественнаго* возникновенія и распространенія религіи въ родѣ человѣческомъ,—и въ основу полагаютъ то, что „обыкновенно люди считаютъ невозможнымъ для человѣка“ и что лишь нѣкоторыми эксцентричными личностями „*придумано* для выраженія чудесной способности *нѣкоторыхъ святыхъ римской церкви*“. Кто же такой пріемъ назоветъ *научнымъ* и соотвѣтствующимъ дѣйствительности?

Наконецъ, нельзя не отмѣтить еще одного противорѣчія, неизбежнаго для защитниковъ анимистической гипотезы. Всѣ эволюціонисты,—*Спенсеръ, Тэйлоръ, Липпертъ, Геренъ, Дебверъ* и др.,—единогласно утверждаютъ, что религія въ родѣ человѣческомъ есть явленіе *всеобщее* и *универсальное*. Но вмѣстѣ съ этимъ начало религіи они усматриваютъ въ умственномъ невѣжествѣ, неразвитости, неспособности отличать при-

1) Стр. 27.

сбившіяся грезы отъ реальной дѣйствительности, и потому самую религію они отождествляютъ съ суевѣріемъ. Но умственное невѣжество есть явленіе *случайное*. Если бы мы и допустили, что на низшей ступѣни своей умственной жизни человѣкъ можетъ смѣшать дѣйствительность съ своими сновидѣніями; то на высшей ступени онъ, конечно, долженъ увидѣть свое заблужденіе и долженъ отказаться отъ него. Основы религіи должны рухнуть, а вмѣстѣ съ ними должна исчезнуть совершенно и религія. Ясно, что если сущность религіи полагаютъ въ умственномъ невѣжествѣ, то ея нельзя уже считать явленіемъ всеобщимъ и необходимымъ,—она есть только нѣчто случайное и даже подлежащее уничтоженію. Между тѣмъ многочисленныя ученые, не смотря на высокую степень своего образованія, часто продолжаютъ оставаться людьми религіозными. Это явленіе необъяснимо съ точки зрѣнія анимистической гипотезы и именно—вслѣдствіе тѣхъ многочисленныхъ самопротиворѣчій, въ которыя впадаютъ ея защитники.

Итакъ, не смотря на свое недавнее появленіе на свѣтъ, анимистическая гипотеза о сущности и происхожденіи религіи уже успѣла съ достаточною ясностію и полнотою обнаружить свои недостатки, свидѣтельствующіе объ ея научной несостоятельности и практической непригодности. Неудивительно поэтому, что многіе мыслители въ послѣднее время рѣшительно оставили ее и снова обратились къ гипотезѣ натуралистической, осужденной раньше за ея неспособность уяснить даже самую природу религіи. Такъ мы видѣли уже, что даже Нитцше, модный нѣмецкій философъ нашего времени, не захотѣлъ стать въ ряды защитниковъ анимистической гипотезы, предпочитая древне-языческую гипотезу греческихъ эпикурейцевъ. Ниже мы также увидимъ, что отъ анимистической гипотезы, по причинѣ ея неудовлетворительности, отшатнулись даже и такіе ученые, которые въ общемъ признаютъ цѣнными принципы эволюціонизма. Мы говоримъ о *М. Мюллеръ* и *Пфлейдереръ* вмѣстѣ съ ихъ многочисленными послѣдователями.

Профессоръ Харьковскаго Университета, *Прот. Т. Буткевичъ*.

ПРАВДА О ГРАФѢ ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ.¹⁾

Русская церковная власть признала и установила наконецъ фактъ, который вотъ уже едва не четверть столѣтія очевиденъ былъ для всего образованнаго міра—совершенный разладъ между ученіемъ церкви и ученіемъ Толстого. Св. Синодъ подтвердилъ отлученіе отъ церкви графа, который давнымъ давно уже тѣмъ и занимается, что отлучаетъ отъ себя церковь. Долгое молчаніе Синода только тѣмъ развѣ и объясняется, что до него не доходили задерживаемыя цензурою религіозныя писанія Толстого.

Толстой и ученики его отвергаютъ „безсмысленный и безнравственный“ догматъ искупленія, вмѣстѣ съ ученіемъ о личности Божества, о Божествѣ Христа, о будущей жизни, обо всемъ, на чемъ основана церковь со всѣмъ своимъ богослуженіемъ и обрядомъ. Казалось бы поэтому, что они должны равнодушно встрѣтить громы церковнаго осужденія, казалось бы—какое можетъ быть негодованіе учениковъ за то, что церковь отказываетъ учителю въ утѣшеніяхъ религіи, которыя онъ столько лѣтъ уже отвергаетъ, провозглашая, что они суть ложь и насиліе. И чтожь? не удивительно ли, что теперь они

---

¹⁾ Перепечатано съ отдѣльной брошюры подъ заглавіемъ: „Правда о графѣ Львѣ Толстомъ“. Москва. 1901 г. Май. Брошюрѣ предпослано слѣдующее предисловіе: „Ради истины и здраваго смысла считаемъ полезнымъ познакомить русскихъ читателей и писателей со статьей о Толстомъ, появившейся на дняхъ въ майской книжкѣ извѣстнаго лондонскаго журнала Monthly Review (Мѣсячное Обозрѣвіе). Авторъ, г. Кальдеронъ, даетъ этой статьѣ заглавіе: The Wrong Tolstoi (Лже-Толстой)“.

призываютъ весь цивилизованный міръ раздѣлить съ ними вопль горькаго негодованія на клерикальную тираннію.

Въ виду такой странной непослѣдовательности стоитъ вдуматься въ психологію этой странной кучки энтузіастовъ при свѣтѣ того соціального и религіознаго ученія, которое они исповѣдаютъ.

Изъ среды полуобразованной, съ тѣхъ поръ, какъ въ нее проникли серіозныя мысли, выродилось новое общество людей, исполненныхъ благородныхъ, но не глубокихъ стремленій—ожидающее и требующее осуществленія мира и счастья на землѣ. Эти люди требуютъ немедленныхъ, рѣшительныхъ для того мѣръ: ученые не даютъ имъ желаннаго отвѣта; тогда они ищутъ себѣ пророка. И вотъ, когда этотъ пророкъ проповѣдуетъ имъ, что врачи ихъ ничего не понимаютъ въ лѣченіи болѣзней, что ихъ священники и правители употребляютъ власть свою и разумъ только для своей личной выгоды,—они принимаютъ пророка съ восторгомъ—точно онъ сказалъ имъ больше, чѣмъ сами они знали и думали,—и становятся новохристіанами, теософами, толстовцами или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ.

Находя, что всѣ ученые и философы не въ силахъ рѣшить неразрѣшимые вопросы жизни, они обратились за вѣрнымъ рѣшеніемъ ихъ къ людямъ, которые не обременены никакимъ знаніемъ.

И вотъ такая-то публика отверзла уши на проповѣдь Толстого. И онъ сталъ учить, что всякіе доктора, законовѣды, духовные, государственные люди, ученые, философы—всѣ либо безумцы, либо обманщики и шарлатаны, и что міръ долженъ отбросить всю свою цивилизацію, знаніе, искусство, таланты, вѣрованія, законы, арміи, флоты и все соціальное устройство. Очевидно, что такое слово должно показаться дико образованнымъ членамъ общества, такъ какъ всѣ они—суть доктора, законовѣды, государственные люди, духовные, военные, ученые, землевладѣльцы и т. под. Сверхъ того есть еще болѣе важная причина, почему людямъ разумнымъ и образованнымъ не убѣдительно благовѣстіе Толстого: причина та, что это благовѣстіе во всѣхъ частяхъ своихъ состоитъ въ противорѣчьи не

только съ разумомъ и опытомъ, но и само съ собою; а такая несостоятельная мысль—хотя можетъ быть свойственна частному разсужденію отдѣльнаго лица, но уже никакъ не свойственна философіи. Частная мысль можетъ еще колебаться по расположенію духа,—но истина должна быть всегда вѣрна самой себѣ.

Но несостоятельность мысли—ничего не значитъ для энтузіаста. Этой обширной и все возрастающей дружицѣ энтузіастовъ свойственны всякія противорѣчія вѣрованій, свойственно даже вѣрять въ сознательную для нихъ самихъ ложь. Однако эти люди нерѣдко орудуютъ общественнымъ мнѣніемъ—они создаютъ репутаціи: однихъ покрываютъ позоромъ, другихъ вѣнчаютъ славой,—они накопляютъ массу горячаго матеріала, отъ котораго можетъ загораться и серьезная часть общества.

Дѣлу Толстого эти люди нанесли большой вредъ, потому что мнимаго, лже-Толстого поставили они какимъ то идоломъ въ музей славы, а настоящаго, подлиннаго Толстого укрыли, воставивъ въ тѣнь. Я говорю не о литераторѣ Толстомъ, который имѣетъ прочную репутацію въ мнѣніи всѣхъ разумныхъ людей; говорю о раздвоенномъ Толстомъ послѣдняго времени: одинъ, настоящій, добрый человѣкъ, хозяинъ Ясной Поляны; другой, лже-Толстой, безъ устали пишущій книги и памфлеты, въ которыхъ подвергаетъ брани и позору всѣ лучшія достоинства ума и труда человѣческаго.

Эта двойственность—тяжкое испытаніе и для самого Толстого и для учениковъ его. Лже-Толстой написалъ большую книгу въ доказательство того, что онъ тотъ же, что и настоящій Толстой. Въ этой книгѣ стремится онъ возвестить противорѣчіе бытія своего въ религіозный догматъ, который можно назвать *паралелограммомъ нравственныхъ силъ*. Ученики его выставляютъ этотъ догматъ, какъ основаніе для сужденій о Толстомъ, въ оправданіе очевидныхъ противорѣчій между словами и его дѣлами.

Лже-Толстой пишетъ памфлеты въ доказательство того, что человѣкъ долженъ отрѣшиться отъ всякой собственности, не знать жены и дѣтей; и въ то же время настоящій Толстой живетъ съ своимъ семействомъ на всѣхъ удобствахъ жизни, въ помѣстьѣ Тульской губерніи.

И вотъ чѣмъ объясняетъ себя: „Онъ желалъ (говорить одинъ изъ его хвалителей, М-ръ Эльмеръ Модъ) дѣйствовать въ полномъ согласіи съ своимъ ученіемъ, но не могъ это исполнить. Не могъ, напримѣръ, отрѣшиться отъ своей собственности, не раздражая жены и дѣтей своихъ—пожалуй въ такомъ случаѣ они обратились бы къ властямъ съ просьбою воздержать его. Это очень смущало Толстого; но онъ почувствовалъ, что нанося вредъ, не можетъ сдѣлать добра. Никакое рѣшительное дѣйствіе (наприм., раздать все бѣднымъ) не могло бы служить ему оправданіемъ,—ибо возбудило бы горькое чувство гнѣва въ сердцахъ самыхъ близкихъ людей. И такъ пришлось ему передать всю остальную собственность женѣ и семейству и продолжать жить попрежнему въ хорошемъ домѣ съ прислугою, съ кротостію вынося упреки въ „непоследовательности“ и удовольствоваться тѣмъ, что, въ дополненіе къ литературному труду, занимается ручной работой и живетъ по возможности просто и воздержно“.

Трудно стало быть оказывается „сдѣлать добро, не причиня вреда, не производя горькаго гнѣва въ сердцахъ близкихъ людей“. Это „маленькое“ затрудненіе естественно является, когда человѣкъ, особливо еще женатый, вздумаетъ приводить въ исполненіе систему жизни, основанную на нищетѣ и безбрачїи. И вотъ Толстовцы обыкновенно раздражаются, когда слышатъ упреки учителю ихъ въ неслѣдовательности: въ этомъ раздраженїи несомнѣнно есть личное чувство, потому что всѣ они, поклоняясь системѣ, не исполняютъ ее—едва найдется одинъ такой вѣрный въ тысячахъ поклонниковъ Толстого, разсѣянныхъ по всему свѣту. И эта черта особенно характерна въ религїи воинствующей, которая вопитъ на весь свѣтъ, что всѣ прочїя религїи суть не что иное, какъ ложь, изобрѣтаемая лишь для оправданїя развратной жизни ихъ послѣдователей.

И разумѣется трудно, очень трудно исполненіе. Тяжкое дѣло для человѣка презирающаго и отвергающаго покровительство закона—жить на своемъ помѣстьѣ (такое Толстой вѣроятно предполагаетъ у cadaго изъ учениковъ своихъ) и кормиться, безъ всякой купли и продажи, трудомъ рукъ своихъ,—когда

еще притомъ со всѣхъ сторонъ бродятъ толпы христіанъ голодныхъ. Мы читали недавно отчеты одной общины дѣйствительныхъ Толстовцевъ: такова община жителей Никобарскихъ острововъ, которые конечно не слыхивали о Толстомъ. Вотъ какъ живутъ они: „нѣтъ у нихъ ни одного человѣка, кто бы имѣлъ власть. Совершенное отсутствіе подчиненія—самая явственная черта соціальнаго ихъ быта. Въ селахъ нѣтъ никакого старшины. Мужья не имѣютъ никакой власти надъ женами, родители надъ дѣтьми—всякій человѣкъ самъ по себѣ ни отъ кого не зависитъ. Никто не работаетъ, да и нѣтъ нужды работать. Всякій находитъ все, что нужно у своего жилища. Кокосовыя деревья столько приносятъ плодовъ, что дѣвать некуда,—а что остается, то они промѣниваютъ на ромъ, на табакъ, на серебряныя ложки, на черныя колпаки, до которыхъ они большіе охотники. Нѣтъ никакой борьбы за существованіе,—шести-лѣтній ребенокъ и тотъ можетъ добыть себѣ все, что нужно. Никому не приходитъ на мысль, что нужно платить какія-нибудь подати, что нужно считаться съ какими-нибудь сосѣдями. Вообще нечего сказать объ нихъ дурного—они добрые, простодушные люди. Деньги ни на что имъ не нужны, они и не знаютъ денегъ, только берутъ охотно мелкія монеты, потому что дѣлаютъ себѣ изъ нихъ украшеніе“.

Вотъ осуществленіе Толстовскаго идеала. Примѣчательно въ немъ, и напоминаетъ Толстого, что сказано о монетахъ: у него въ сказкѣ Иванушка дурачекъ сказано: „когда попадаютъ имъ деньги, они отдаютъ монеты своимъ бабамъ на ожерелье, дѣвки вплетаютъ ихъ въ волосы, а ребятишки играютъ ими на улицѣ“. Правда, Никобарцы—не ангелы и не достигаютъ совершенства—нуженъ имъ ромъ и табакъ, а это не входитъ въ систему Толстого. Но во всемъ остальномъ они исполняютъ въ точности ученіе Толстого: никакой дисциплины, никакого подчиненія. Они обладаютъ такою цѣльностью убѣжденія, какой не можетъ похвалиться самъ Толстой, ни ученики его; они одни, можно сказать, живутъ въ такихъ условіяхъ быта, въ какихъ можетъ осуществиться политическая экономія Толстого: „нѣтъ борьбы за существованіе—все, что нужно для жизни, готово—у воротъ“.

Болѣе того и Толстой не требуетъ. Онъ убѣжденъ, что бѣдность рабочаго класса происходитъ отъ того только, что богатые гоноятъ бѣдныхъ съ земли, кишащей хлѣбомъ и всякими плодами земными, но такая политическая экономія возможна развѣ гдѣ на югѣ Россіи, на черноземѣ, и то въ урожайныя годы. Если бы когда-нибудь обезумѣлъ весь міръ и сталъ бы примѣнять Толстовскую теорію правленія, населенію пришлось бы бѣжать изъ Англіи, Франціи, Германіи, Россіи,—бѣжать куда-нибудь на черноземныя мѣста или на острова Никобарскіе.

Положимъ, что все это—личныя заблужденія: мудрѣйшій изъ философовъ можетъ заблуждаться. Но лже-Толстой опирается на авторитетъ Іисуса Христа, чтобы оправдать свое ученіе, чтобы подкрѣпить авторитетомъ недостатокъ разумныхъ основаній. Гдѣ бы ему уловить столько учениковъ, если бы онъ не ссылался на Евангеліе.

Какъ бы ему укрыться отъ критики, когда бы онъ не настраивалъ себя крѣпостей изъ библейскаго текста. И вотъ, надобно посмотрѣть на чемъ эти крѣпости держатся, и эти связи, которыми силится онъ укрѣпить и привести къ единству свое философское ученіе,—можно ли признать вѣрными и подлинными.

Подлинный, настоящій Толстой какъ будто вѣруетъ въ Бога, подобно всѣмъ христіанамъ.

„По моему мнѣнію (говоритъ онъ въ Сентябрьскомъ письмѣ 1900 года) мало сказать, что Богъ есть любовь, Богъ есть слово, разумъ. Любовью и разумомъ мы познаемъ Бога; но идея Божества не только не тождественна съ этими понятіями, но они столь же различествуютъ съ идеей о Богѣ, какъ понятіе глаза или зрѣнія различествуетъ съ понятіемъ свѣта“.

Но другой Толстой, оборотный, въ основной схемѣ своего ученія, плѣняющей восторженныхъ его послѣдователей, прямо отождествляетъ Бога съ понятіемъ Логоса или Разума; а Бога какъ существо, признаетъ ложью, изобрѣтенною паразитами религіи.

„Начало всѣхъ вещей было Разумъ (Логосъ), и Разумъ былъ равенъ Богу и заступалъ Бога, и Разумъ (Логосъ) былъ Богъ“. Таковъ созданный Толстымъ фальшивый переводъ текста Іоан. 1, 1, (см. Толстого—согласованіе Евангелій, Рус-

ское изданіе, т. 1. стр. 19 и 23).—„Свѣтъ явился, переводить Толстой,—въ особомъ родѣ (ἦλθε εἰς τὰ ἴδια: Іоан. 1, 11) и особый родъ его не принялъ“. А буквальный переводъ съ греческаго таковъ: „пришелъ къ своимъ и свои его не приняли“. Но Толстой, начавшій учиться греческому языку въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, не признаетъ родовъ въ грамматикѣ. „Τὰ ἴδια“, говоритъ онъ, означаетъ нѣчто отдѣльное, индивидуальное, очевидно противоположаемое міру вообще. Свѣтъ былъ во всемъ мірѣ, и въ особомъ родѣ, и потому къ слову ἴδιος,—особый, отдѣльный, я прибавляю слово, „родъ, народъ“. Кажется бы, что сочетаніе существительнаго мужескаго рода съ прилагательнымъ средняго рода есть операція совершенно неизвѣстная грамматикѣ нашихъ школъ и университетовъ.

Тутъ не одна только игра грамматическихъ фантазій—тутъ самые корни Толстовства.

Подлинный Толстой, добродушный хозяинъ Ясной Поляны, знаетъ, что всѣ мы несовершенныя существа, большею частью, подобно ему, добродушные люди, кое какъ умѣя работающіе надъ задачами соціальной жизни, подъ кровомъ Высшаго Промысла, отъ коего чаемъ наконецъ воздаянія въ лучшемъ мірѣ.

„Убѣждаюсь болѣе и болѣе (говоритъ онъ въ октябрьскомъ письмѣ 1900 г. См. въ листкѣ свободнаго слова Черткова) въ верреальности того міра, въ коемъ мы живемъ. Не скажу, чтобъ это былъ сонъ, но это лишь одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни“.

Но философія лже-Толстого отвергаетъ чаяніе будущей лучшей жизни. Для лже-Толстого міръ осѣняетъ не благой промысль, но злой рокъ, въ союзѣ съ паразитами жизни. Жизнь есть борьба зла съ разумомъ. Богъ—не правитель вселенной, но простой здравый смыслъ, слабый пособникъ челоуѣку противъ преобладающей силы зла. Это нѣчто въ родѣ мрачнаго Буддизма, смягчаемаго фантазіей. Будущая жизнь,—тоже изобрѣтеніе паразитовъ, одуряющій напитокъ для рабочаго класса людей.

Лже-Толстой, вынуждаясь искать себѣ опоры въ Евангеліи, прибѣгаетъ къ тактикѣ самаго страннаго свойства, для устраненія изъ Евангелія всякихъ обѣтованій будущей жизни.

Въ Евангеліи отъ Матѳея XIX, 28, Іисусъ Христосъ говоритъ: „вы, послѣдовавшіе за Мною, въ пакибытіи, когда сядетъ Сынъ Человѣческой на престолѣ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ“.

„Этотъ стихъ я опускаю,—говоритъ Толстой,—такъ какъ онъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго значенія... Онъ или ничего не означаетъ, или звучитъ насмѣшкой, ироніей“.

У Марка X, 30, Іисусъ говоритъ: „получить сторицею нынѣ, и въ вѣкъ грядущій (ἐν τῷ αἰῶνι τῷ ἐρχομένῳ) животъ вѣчный“. „Ἐρχομαι,—говоритъ Толстой (разумѣется совсѣмъ невѣрно) значить „преходить“, и стало быть ἐν τῷ αἰῶνι τῷ ἐρχομένῳ: значить въ вѣкѣ нынѣ переходящемъ, стало быть въ *этой*, въ здѣшней жизни“. Это утверждаетъ Толстой, не взирая на безсмысліе превращенія вѣчной жизни въ переходящій временный вѣкъ.

Не стоитъ труда слѣдить, стихъ за стихомъ, толкованія Толстого въ его изложеніи Евангелія. Любопытствующіе могутъ сами разсудить объ ихъ достоинствахъ.

Составивъ какую ни есть систему своего ученія, Толстой, казалось бы, долженъ, если вѣрить въ нее, и жить такъ, какъ вѣрить. Онъ объявилъ, что всякое правительство, всякій законъ, всякая собственность—зло: слѣдовало бы и отвергнуть всякія удобства жизни на этомъ злѣ основанна. Попутно отвергаетъ онъ рѣшительно и табакъ, и алкоголь, и мясо. Но жизнь всетаки его пересилила. Свою же рассказываетъ, что когда онъ обработалъ свою схему единственно возможнаго счастья, то не только не ощутилъ себя счастливымъ, но почувствовалъ угнетеніе духа. Женѣ и дѣтямъ и на мысль не приходило отказаться отъ владѣнія Ясною Поляною и добывать себѣ хлѣбъ полевою работою. Затѣмъ стали одолевать его посятители. Деруледъ явился и сталъ склонять его на сторону реванша; стали пріѣзжать романтическія дамы (типъ, коего онъ не выноситъ)—съ тѣмъ, чтобъ у него „учиться жить“: появлялись и дамы практическаго свойства, угрожая застрѣлиться, если не спасетъ ихъ, давъ тысячу рублей. Лже-Толстой говоритъ, что когда люди просятъ денегъ, то ради любви

къ нимъ не слѣдуетъ давать, а развѣ только изъ учтивости; и онъ же говоритъ, что когда люди крадутъ вещи, стало быть вещи имъ нужны и стало быть они имѣютъ право взять ихъ. Однако изъ разсказа выходитъ, что когда такія дамы являлись, подлинный Толстой выходилъ изъ себя, а графиня выживала ихъ изъ дому. Спшилъ Толстой пару сапогъ—дѣло повидимому полезное,—и стало ему тошно, когда узналъ, что одинъ изъ его поклонниковъ хранилъ у себя эти сапоги въ стеклянномъ ковчегѣ. Правительство относилось къ нему очень добродушно и снисходительно; но дѣло требуетъ порядка, и разъ какъ-то Толстой былъ вызванъ въ судъ свидѣтелемъ по дѣлу. Дѣвица Серонъ, жившая гувернанткой въ Ясной Полянѣ, разсказываетъ, что Толстой явился въ судъ въ тулупѣ, выложилъ на столъ свертокъ рублей, сказавъ „вы не можете меня принудить принять присягу,—вотъ вамъ мой штрафъ“, и вышелъ вонъ.

Эта же дѣвица разсказываетъ, что жалость было смотрѣть на бѣднаго пророка, когда онъ пытался бросить куренье.

„Онъ ходилъ изъ угла въ уголь, точно не находилъ себѣ мѣста. То зажжетъ папирску и броситъ ее, то пробуетъ вдыхать дымъ, когда закурятъ другіе. На послѣдомъ все таки не въ силахъ былъ совсѣмъ бросить привычку—вѣдь это успокоивало ему нервы. Напрасно люди думаютъ, будто Толстой аскетъ въ строгомъ смыслѣ слова“.

Лже-Толстой говоритъ, что литература—порочное дѣло; а подлинный Толстой точно одержимъ зудомъ писательства и не отходитъ отъ письменнаго стола. Одинъ изъ его портретовъ работы Рѣпина изображаетъ его, окруженнаго косами и граблями, какъ онъ сидитъ въ неловкой позѣ на табуретѣ, въ своемъ тулупѣ, у стола—и передъ нимъ два серебряныхъ подсвѣчника. Послѣ обѣда, говоритъ дѣвица Серонъ, онъ прохаживается по лѣсу съ топорикомъ. И она сама, аматерка Толстовства, описываетъ съ улыбкой, какъ онъ возвращается съ прогулки по полямъ, довольный, принося съ собой навозный запахъ.—„Я помираю, говоритъ, со смѣху, на него глядя“.—И еще,—не взирая на свои убѣжденія, не чуждается онъ и

велосипеда, и даже присоединяется къ молодежи въ презрѣнной и безнравственной игрѣ въ лаунъ-теннисъ.

Вообще, нарадоваться можно на эту мирную картину — какъ хозяинъ Ясной Поляны по человѣчески живетъ у себя въ большомъ домѣ, въ своемъ тулупѣ, съ графиней, занимаясь игрою въ Толстовство.

Похоже на идиллію, когда смотришь на подлиннаго Толстого. Но идиллія исчезаетъ, когда является лже-Толстой, сочинитель книгъ. Въ своей книгѣ „дарство Божіе внутрь васъ есть“ онъ выводитъ куріозную теорему „Параллелограмма нравственныхъ силъ“, усиливаясь доказать, что изобрѣтеніе и потомъ нарушеніе неестественныхъ правилъ жизни составляетъ самую сущность философскаго христіанства.

„Люди, называющіе мою систему непрактичною (говоритъ Толстой), совершенно правы, если смотрѣтъ на черты совершенства указанныя въ ученіи Христа какъ на правила подлежащія для каждаго изъ насъ къ исполненію, подобно тому какъ по закону общества обязательенъ напримѣръ платежъ податей... Совершенство, черты коего предъ очами христіанъ, бесконечно, никто не можетъ достигъ его, и Христось имѣетъ это въ виду: но Онъ знаетъ, что стремленіе къ полному и бесконечному совершенству составляетъ и приумножаетъ счастье человѣка... Христось учитъ не ангеловъ, но людей, живущихъ животною жизнью, и къ животной силѣ движенія Христось какъ бы прилагаетъ другую силу, именно сознаніе Божественнаго совершенства, и такимъ образомъ *направляетъ это движеніе жизни по равнодѣйствующей двухъ силъ*... Сила животная всегда одна и та же и находится внѣ власти человѣка... Божественное совершенство есть азимптотъ человѣческой жизни, къ которому она постоянно приближается, но коего можетъ достигнуть только въ вѣчности“¹⁾.

Такое ученіе довольно легко примѣнить каждому человѣку

¹⁾ *Равнодѣйствующей, резултантною* въ механикѣ называется сила, соединяющая въ себѣ совокупное дѣйствіе двухъ или болѣе силъ, дѣйствующихъ въ разномъ направленіи.

Азимптотъ значитъ: линія, которая, успѣшно приближаясь къ кривой, и простираясь хотя бы до бесконечности, никогда не можетъ съ нею встрѣтиться.

въ своей жизни. Отречься отъ собственности и семьи—и жить съ женой и дѣтьми въ комфортабельномъ помѣстьи—дѣло вѣрнаго себѣ христіанскаго философа...

Но примѣнять такое ученіе къ общественной жизни—дѣло тяжкое. Какую результату, равнодѣйствующую, даетъ намъ этотъ параллелограммъ—хоть бы въ военномъ дѣлѣ? Отречемся отъ войны—и что же? Будемъ сражаться вилами? Или на прим. этотъ параллелограммъ къ какой привидеть насъ сдѣлкѣ между уничтоженіемъ судовъ и нашей порочною наклонностью къ правосудію? Развѣ къ закону Линча?

И вотъ еще неразрѣшимый вопросъ, если тотъ же параллелограммъ намъ не разрѣшитъ его. Если всѣ люди станутъ (какъ учить Толстой) воздерживаться отъ произведенія на свѣтъ дѣтей,—что станется съ родомъ человѣческимъ?

Противорѣчіе Толстого съ самимъ собою явственно обнаружится, если сопоставимъ рядомъ два его разсужденія объ обязанности женщинъ. Въ эпилогѣ Крейцеровой сонаты онѣ явно обрекаются на постоянное дѣвство.

„Христіанинъ не можетъ смотрѣть на плотское совокупленіе иначе, какъ на грѣхъ, какъ сказано у Мате. V, 28... и въ слѣдствіе того долженъ неизмѣнно избѣгать брака“.

Вотъ одно сужденіе. Другое находимъ въ сочиненіи Толстого: „что намъ дѣлать“?

„Какъ сказано въ Библии, мужу и женѣ данъ каждому свой законъ: мужу—законъ труда, женѣ—законъ дѣторожденія... Тотъ и другой законъ—неизмѣнный... и нарушеніе его неминуемое наказывается смертию... Если вы вѣрныя матери, сколько бы ни было у васъ дѣтей, двое-ли или двадцать,—не можете сказать: довольно... Не можете вы заботу о кормленіи ихъ и нянчаньи слагать съ себя и поручать другой матери... потому, что этотъ трудъ есть жизнь ваша, и стало быть, чѣмъ больше у васъ этого труда, тѣмъ жизнь ваша полнѣе будетъ и счастливѣе“.

И такъ очевидно Толстой обращаетъ насъ къ параллелограмму силъ для продолженія нашего рода.

Ученіе Толстого содержится во множествѣ книгъ и памфлетовъ: и нѣтъ возможности перечислить въ краткомъ очеркѣ.

всѣ черты его непослѣдовательности и всю массу противорѣчій, поглощаемыхъ его учениками; но и по приведеннымъ примѣрамъ можно судить о широтѣ умственной ихъ воспримчивости. Читатель можетъ и теперь составить себѣ понятіе объ умственномъ настроеніи тѣхъ, кои признають все ученіе церкви беззаконнымъ и нечестивымъ обманомъ, и въ то же время негодуютъ на жестокость Св. Синода, когда онъ устраняетъ Толстого отъ всякаго участія въ этомъ нечестивомъ ученіи.

Толстого можно назвать колеблющимся пророкомъ: онъ не останавливается ни на положительномъ утвержденіи, ни на рѣшительномъ отрицаніи, но говоритъ: „это вѣрно... по крайней мѣрѣ это можетъ быть вѣрно... но нѣтъ, въ сущности я увѣренъ, что это невѣрно“.—А ученики, воспринимая такія слова, твердятъ отъ себя такое вѣрованіе: „Мы увѣрены, что это вѣрно, что это можетъ быть вѣрно и что въ сущности все таки невѣрно“.

И такъ мы, не будучи Толстовцами, можемъ пожалуй спросить: въ самомъ дѣлѣ этотъ добродушный хозяинъ Ясной Поляны, онъ-то самъ въ правду-ли Толстовецъ?

Б Е С Ъ Д А

Наблюдателя церковныхъ школъ В. И. Шемякина съ учениками
второклассной школы въ г. Славянскѣ, 11 мая 1901 года.

По опредѣленію Святѣйшаго Синода 11 мая, день памяти святыхъ славянскихъ просвѣтителей Мееодія и Кирилла, отнынѣ становится праздникомъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній и церковныхъ школъ. Это важное опредѣленіе Святѣйшаго Синода имѣетъ огромное значеніе не только для православнаго народа русскаго, но и для всего славянскаго міра. Васъ же, какъ будущихъ учителей церковныхъ школъ, оно ближе всего касается, ибо всякое дѣло слѣдуетъ дѣлать съ разумніемъ. Разсмотримъ же, въ чемъ заключается особливо важное значеніе новаго школьнаго праздника, что мы будемъ вспоминать и чего желать на немъ?

Православные Русскіе люди, а также православные Сербы и Болгаре, обязаны знать свой родной языкъ и словесность, а также звать и разумѣть языкъ своей матери—церкви православной, тотъ древній церковно-славянскій языкъ, на который, послѣ изобрѣтенія Св. Кирилломъ славянской азбуки, было переведено святыми братьями священное писаніе и богослужебныя книги. Что же даетъ каждый изъ этихъ языковъ и какъ они у насъ изучаются?

Отъ вашихъ матерей и отцовъ, въ семьяхъ вашихъ, не замѣтно и быстро научаетесь вы родному языку, въ школахъ продолжаете изучать его строеніе и правильное употребленіе, а затѣмъ уже приступаете къ чтенію великихъ писателей земли русской—Пушкина, Гоголя, Грибоѣдова, Крылова,

Кольцова... Это доселѣ непревзойденные образцы нашей словесности. Только внимательно изучивъ ихъ, можно понять и оцѣнить современную литературу. Послѣ пяти—шести лѣтъ упорной школьной или домашней работы можно начать цѣнить всю прелесть и красоту литературной русской рѣчи, начать понимать вѣрность и жизненность выведенныхъ въ произведеніяхъ этихъ поэтовъ и писателей лицъ, событій, картинъ русской жизни и природы.

Но произведенія великихъ писателей недостаточно прочесть разъ на школьной скамьѣ или вскорѣ послѣ выхода изъ школы. Чтобы ихъ понять и изучить, то есть почувствовать красоту ихъ формы, т. е., изложенія, и глубину содержанія, то есть, мысли, стремленія и взгляды автора на жизнь и людей, надо эти произведенія постоянно перечитывать. И чѣмъ больше вы будете обогащать вашъ умъ знаніями и опытомъ жизни, и душу укрѣплять вѣрою, тѣмъ съ каждымъ разомъ все больше и больше наслажденія и пользы будутъ вамъ доставлять перечитываемые великіе писатели, которые должны остаться на всю жизнь вашими ближайшими друзьями и собесѣдниками. Но они отъ земли и къ землѣ влекутъ васъ; а душа человѣческая не можетъ питаться одною земною пищею, ей нужны глаголы жизни вѣчной, слово Божіе.

Вотъ тутъ-то во всемъ величїи и силѣ являются труды святыхъ славянскихъ апостоловъ—священное писаніе и богослужебныя кви́ги на церковно-славянскомъ языкѣ. Изученіе этого языка, какъ и роднаго русскаго, должно начинаться въ семьѣ. Грамотные отецъ и мать, грамотные братья и сестры, а прежде всего, конечно, грамотная православная мать, научатъ ребенка молитвамъ, будутъ утромъ и вечеромъ иѣть и читать съ дѣтьми эти молитвы, будутъ читать и передавать псня́тымъ дѣтямъ языкомъ евангельскія повѣствованія о жизни и чудесахъ Спасителя, объяснять дѣтямъ все самое важное, что они будутъ видѣть и слышать въ Храмѣ Божіемъ. Затѣмъ дѣти поступаютъ въ школу и начинаютъ уже учиться читать по церковно-славянски, писать полууставомъ и пѣть церковныя пѣснопѣнія. Въ церковныхъ школахъ на изученіе церковно-славянскаго языка обращено особое вниманіе. Священную

исторію дѣти изучаютъ по книгамъ священнаго писанія— Евангелію и „Историческимъ чтеніямъ изъ книгъ Ветхаго За- вѣта“ на славянскомъ языкѣ. Читаются и объясняются тѣ гла- вы, кои указаны въ программѣ Святѣйшаго Синода. Старшіе ученики хотя одно Евангеліе отъ Маттея прочитываютъ съ толкованіемъ Архимандрита Никона. Шестопсалміе и часы прочитываются учениками сперва въ классѣ, а потомъ и въ церкви. Пособіемъ для старшихъ учениковъ служитъ „Псал- тирь съ толкованіемъ“, входящая въ составъ „Приход- ской Библіотеки“. Во второклассныхъ школахъ читаются Евангеліе и Дѣянія апостольскія при пособіи Толковаго Еван- гелія епископа Михаила и Паримійникъ. Въ учительскихъ школахъ читаются и объясняются Посланія Апостольскія. Церковное пѣніе съ практическимъ изученіемъ устава и бого- служебныхъ книгъ, и особые уроки церковно-славянской грам- матики сравнительно съ русскою преподаются во всѣхъ цер- ковныхъ школахъ. Вы, будущіе учителя церковныхъ школъ, принимаете на себя нравственную обязанность въ свободное время читать неграмотнымъ священное писаніе, учить ихъ по вечерамъ съ голоса пѣнію молитвъ и знакомить съ житіями святыхъ и обязательно съ житіями святыхъ Апостоловъ славянскихъ.

Если для пониманія лучшихъ произведеній свѣтской литера- туры нужно, какъ можно чаще и внимательнѣе, перечитывать ихъ, то, само собою понятно, такое же возможно частое чте- ніе и углубленіе въ духовный смыслъ прочитаннаго еще важ- нѣе и необходимѣе для книгъ священнаго писанія и богослу- жебныхъ, составляющихъ для насъ источникъ глубокаго нази- дапія, утѣшенія и дѣховной радости. Прекрасное стихотво- реніе Хомякова „Звѣзды“ очень наглядно рисуетъ постепен- ное проникновеніе читающаго Евангеліе въ глубину содержа- нія этой всеобъемлющей книги.

Въ этихъ божественныхъ книгахъ, переведенныхъ трудами святыхъ Меодія и Кирилла, заключено все, что необходимо для нашего земнаго благополучія и для спасенія души нашей. Исторія злополучныхъ народовъ славянскихъ и опытъ соб- ственно вашей жизни покажутъ съ полною очевидностью, какъ

далека правда человѣческая отъ правды Божіей, какъ ничтожна вѣчно колеблющаяся и самопротиворѣчащая мудрость человѣческая передъ премудростью Божіей и какъ часто тяжела, несчастна и горька наша краткая земная жизнь сравнительно съ блаженствомъ жизни вѣчной, предназначенной для людей, живущихъ по законамъ Господнимъ.

Вотъ какое драгоцѣнное духовное наслѣдіе оставили намъ святые Апостолы славянства. Оно составляетъ общеславянскую духовную святыню, одинаково родную для русскихъ, сербовъ и болгаръ и одинако понятную для католиковъ чеховъ и поляковъ.—И чѣмъ болѣе мы будемъ изучать, любить и дорожить нашей церковнославянской грамотой, тѣмъ болѣе будемъ любить и почитать творцовъ этой грамоты, святыхъ просвѣтителей славянскихъ.—Внимательно изучайте сказанія о трудахъ и подвигахъ равноапостольныхъ Меодія и Кирилла на пользу племенъ славянскихъ.—Въ то время уже ясно обозначилось, кто заклятые враги славянства и православія, кто ненавидитъ смертельно и то и другое и прибѣгаетъ къ насплію, обману и клеветѣ, чтобы погубить славянъ и православную вѣру. Болѣе всего преслѣдовали святыхъ братьевъ и разоряли труды ихъ нѣмцы католики. Вотъ какъ отзывался тогда о славянахъ злѣйшій врагъ ихъ, нѣмецъ Викингъ, способствовавшій заключенію св. Меодія и захватившій его мѣсто: „славянское племя все равно, что скотина; для того и живетъ на свѣтѣ, чтобы на насъ, нѣмцевъ, работать. Для чего знать славянамъ священное писаніе? Моисей запретилъ скотамъ безсловеснымъ ходить на Синайскую гору, такъ и мы не должны допускать славянъ понимать слово Божіе“. Западные славяне, чехи съ моравами и поляки, подпали нѣмецкому вліянію и окатоличились. Южные славяне—сербы и болгаре перенесли тяжелое иго турецкое, но, благодаря помощи Россіи, освободились отъ турокъ и нынѣ составляютъ самостоятельныя православныя государства. Маленькая Черногорія, благодаря храбрости своего сербскаго населенія и высокимъ горамъ, успѣшно отбивалась отъ турокъ и сохранила свою независимость. Но и на эти балканскія государства жадно посматриваютъ нѣмцы и устроятъ тамъ свои посе-

ленія, особливо когда Боснія и Герцоговина, большія сербскія провинціи, заняты послѣ войны 1877—78 гг. австрійскими войсками. Отсюда уже недалеко до Солуня (Салоникъ), родины святыхъ Кирилла и Меѳодія. И нынѣ, какъ и во времена Викинга, нѣмцы также презрительно смотрятъ на славянъ и считаютъ ихъ своими будущими рабами. Дѣло нѣмцевъ — господствовать, а дѣло славянъ — работать на нѣмцевъ, говорятъ и нынѣ нѣмецкіе патріоты, полагая, что сила выше права. Трудныя времена переживаютъ теперь славянскіе борцы за свою вѣру и за свой родной языкъ. Вотъ почему такъ благовременна теперь чистая дѣтская молитва передъ святыми Апостолами славянства, дабы они умолили Господа утвердить всѣ славянскіе народы въ православіи и единомысліи. Нашъ школьный праздникъ 11 мая станетъ современемъ праздникомъ всѣхъ славянскихъ народовъ и закрѣпитъ то духовное единеніе славянъ, о которомъ молится наша святая православная церковь.

Сравнительная цѣнность различныхъ симпатическихъ чувствованій съ нравственной точки зрѣнія.

(Состраданіе, сорадованіе и любовь).

Симпатическими чувствованіями обыкновенно признаются состраданіе, сорадованіе и любовь. Первое, какъ извѣстно, было положено Шопенгауэромъ въ основу всей этики и признано имъ сущностью всей нравственности. Когда человѣкъ, говоритъ онъ, рѣшается совершить какое либо преступленіе, то самымъ сильнымъ препятствіемъ къ осуществленію задуманнаго является чувство жалости къ тому, кто долженъ потерпѣть отъ преступленія. Если состраданіе къ жертвѣ не остановитъ руки убійцы, то тѣмъ болѣе не могутъ удержать его другіе мотивы; боязнь загробнаго воздаянія, страхъ общественнаго осужденія, сознаніе чистой обязанности и т. п. („Свобода воли и основа морали“, переводъ Черниговца С.П.Б. 1896 стр. 306). „Ничто такъ не возмущаетъ до глубочайшихъ основъ нашего нравственнаго чувства, какъ жестокость. Мы можемъ простить каждое иное преступленіе, только не жестокость... Вопіющій недостатокъ состраданія—вотъ что кладетъ на дѣяніе печать глубочайшаго нравственнаго отверженія и отвращенія“ (307). Только состраданіе есть единственная пружина нравственности, которая можетъ похвалиться реальною дѣйствительностью и широкою примѣнимостью (308). „Во всѣхъ временахъ и у всѣхъ народовъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни даже среди анархій, даже среди ужасовъ войны и революціи, въ большемъ, какъ и въ маломъ, каждый день и каждый часъ она проявляетъ рѣшительное и поистинѣ чудесное дѣйствіе; она останавливаетъ много неправды, вызываетъ къ бытію нныя добрыя дѣла, безъ всякой надежды на возмездіе и т. д.“ (311—

312). „Безграничное состраданіе, милосердіе ко всѣмъ живущимъ существамъ есть прочнѣйшее и вѣрнѣйшее ручательство за нравственное поведеніе и не нуждается ни въ какой казуистикѣ. Кто исполненъ состраданія, тотъ навѣрное никому не повредитъ, никого не обидитъ, никому не причинитъ страданія, будетъ скорѣе къ каждому снисходителенъ, каждому проститъ, каждому по мѣрѣ силъ поможетъ, и всѣ его дѣла будутъ носить оттѣнокъ справедливости и человѣколюбія? Напротивъ, попробуйте только сказать: „этотъ человѣкъ добродѣтеленъ, но не знаетъ никакого страданія“, или „это несправедливый и злой человѣкъ, однако онъ очень сострадателенъ“, и вы тотчасъ почувствуете противорѣчіе“ (312). Всякое правонарушеніе признается нами тѣмъ болѣе возмутительнымъ, чѣмъ больше страданія причинитъ оно потерпѣвшему. Такъ, кража у бѣдняка гораздо болѣе возмущаетъ наше нравственное чувство, чѣмъ у богача и особенно у казны, которая неспособна къ страданію (313). Состраданіе есть источникъ человѣколюбія, врагъ зависти, причина помощи въ несчастныхъ обстоятельствахъ, противоядіе противъ гнѣва (313—316). Только оно беретъ подъ свою защиту животныхъ и простирается на всѣ чувствующія существа (316—329). Состраданіе доступно каждому и не требуетъ никакого особеннаго развитія. Для него требуется только „простое созерцательное познаваніе, простое пониманіе конкретнаго случая, на которое оно (состраданіе) тотчасъ отзывается, безъ всякаго посредства мысли“ (321).

Взглядъ Шопенгауэра на состраданіе, какъ на сущность и единственную основу нравственности, представляется намъ несостоятельнымъ прежде всего вслѣдствіе его узости и односторонности. Это чувство является только опредѣляющимъ мотивомъ нашего отношенія къ другимъ живымъ существамъ, но не имѣетъ никакого значенія для нашихъ обязанностей къ себѣ самому и Богу. По справедливому замѣчанію Вл. С. Соловьева, жалость или альтруизмъ составляетъ только одну, хотя и главнѣйшую сторону нравственности, но не исчерпываетъ всего ея содержанія. Помимо обязанностей къ ближнимъ у насъ есть еще обязанности къ себѣ самому и Высшему Существу. Правда, безкорыстно служа другимъ людямъ,

мы тѣмъ самымъ уже исполняемъ долгъ къ самому себѣ, поскольку развиваемъ лучшую сторону своего существа, и къ Богу, поскольку любовь къ послѣднему мы можемъ выразить главнымъ образомъ любя ближнихъ и поступая сообразно этой любви. Но тѣмъ не менѣе альтруизмъ не вполне покрываетъ собою всѣ наши нравственныя обязанности, и, заботясь о благѣ людей, мы еще не все, что должно, дѣлаемъ по отношенію къ самому себѣ и Богу. Между обязанностями перваго рода есть такія, которыя трудно поставить въ связь съ альтруизмомъ. Такъ, на примѣръ, человѣкъ не имѣетъ права убить самого себя, хотя бы его самоубійство и не причинило никому никакого огорченія. Съ точки зрѣнія, признающей понятія альтруизма и нравственности вполне покрывающими другъ друга, самоубійство предосудительно только тогда, когда оно повлечетъ за собою страданія близкихъ къ самоубійцѣ лицъ. Такъ именно и думали нѣкоторые моралисты, признававшіе вполне дозволительнымъ самоубійство бездомнаго бродяги, человѣка никому не нужнаго и больного, не могущаго приносить пользу обществу и даже являющагося для него нѣкоторымъ бременемъ. Однакожь развитое нравственное сознаніе едва ли согласится стать на такую точку зрѣнія: оно признаетъ лишеніе себя жизни безусловно непозволительнымъ, хотя бы это и не сопровождалось чужими страданіями. Далѣе, многія чувственныя наслажденія могутъ быть совершенно безвредными для общества и тѣмъ не менѣе, они осуждаются нашею совѣстью. Таковы удовольствія чревоугодія и сладострастія. Конечно, можно пытаться вывести и ихъ изъ альтруистическаго принципа, но едва ли можно сдѣлать это, не прибѣгая къ значительнымъ натяжкамъ. Можно, на примѣръ, предположить, что чревоугодіе осуждается нами или потому, что оно ослабляетъ волю и подчиняетъ духъ плоти, или же потому, что, требуя для своего удовлетворенія средствъ, оно отнимаетъ послѣднія у другихъ людей, лишая ихъ извѣстной суммы удовольствій. Подобнымъ же образомъ и сладострастіе можетъ быть признано дурнымъ, съ одной стороны, вслѣдствіе того, что оно вредно дѣйствуетъ на нашу личную волю, физическое здоровье и умственныя способности, дѣлая насъ вялыми, болѣзненными

и, слѣдовательно, неспособными служить обществу, съ другой стороны, потому, что оно можетъ причинить страданіе соучастнику нашего сладострастія, разрушивъ его здоровье, испортивъ его репутацію въ обществѣ и т. п. Все это, конечно, справедливо, но только отчасти. Дѣйствительно, грѣхи чувственности признаются нами дурными въ значительной степени вслѣдствіе того вреда, который можетъ произойти отъ нихъ для общества, и той опасности, которой грозятъ они альтруизму. Но, тѣмъ не менѣе, мы хорошо сознаемъ, что вредъ для общества, связанный съ преступленіемъ чревоугодія и сладострастія, является только отягчающимъ вину обстоятельствомъ, но не всецѣло обуславливаетъ ихъ безнравственный характеръ. Точно также и наши обязанности къ Богу не исчерпываются одною любовью къ ближнимъ. Конечно, кто ненавидитъ своего брата, тотъ не любитъ Бога, но нельзя сказать наоборотъ, чтобы всякій заботящійся объ общественномъ благѣ, тѣмъ самымъ уже выполнялъ все требуемое отъ него по отношенію къ Богу. Молитва, преданность волѣ Божіей, благоговѣніе предъ Нимъ, благодарность за даруемыя Имъ благодѣянія,—не требуются непосредственно альтруистическими соображеніями, но тѣмъ не менѣе составляютъ обязанность каждаго человѣка.

Такимъ образомъ, альтруизмъ не исчерпываетъ собою всего содержанія нравственности. Но еслибы мы и допустили, что обязанности къ ближнимъ включаютъ въ себя весь кругъ обязанностей человѣка, и что отрицательное отношеніе нашего нравственнаго сознанія къ чувственности во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ обуславливается соображеніями относительно ея опасности для альтруизма въ большинствѣ случаевъ, а положительное отношеніе къ добродѣтелямъ богобоязненности и религіозности—наблюденіемъ надъ ихъ полезностью для развитія благожелательности, то и тогда мы не могли бы согласиться съ мнѣніемъ Шопенгауэра, что состраданіе есть сущность и основа морали. Дѣло въ томъ, что альтруизмъ не исчерпывается состраданіемъ, и что послѣднее по своей пассивности не можетъ быть вмѣнено въ заслугу, а по своей случайности и зависимости отъ чисто внѣшнихъ причинъ не

можетъ быть признано фундаментомъ нравственности. Чувство состраданія состоитъ въ томъ, что человѣкъ совершенно невольно начинаетъ испытывать страданія другого лица, перенося ихъ въ себя и дѣлая ихъ какъ бы достояніемъ своего собственнаго духа. Возникаетъ оно вполне пассивно. Видъ страдающаго существа, особенно близкаго и дорогаго для насъ, невольно заражаетъ насъ и заставляетъ почти такъ же мучиться, какъ мучится оно само. Слѣдовательно, состраданіе въ моментъ своего возникновенія не зависитъ отъ самоопредѣленія личности, а потому съ этой стороны не можетъ быть признано имѣющимъ нравственную цѣнность. Оно можетъ быть поставлено въ заслугу человѣку лишь постольку, поскольку онъ уже прежде озаботился развитіемъ альтруистическихъ свойствъ своей природы и подготовилъ благопріятную почву для возникновенія жалости. Моральная оцѣнка относится здѣсь не къ настоящему, а къ прошлому. Затѣмъ, когда состраданіе уже возникнетъ, дальнѣйшая дѣятельность человѣка получить то или другое достоинство, судя по тому, какъ онъ отнесется къ этому чувству. Оно можетъ побудить насъ или обратить вниманіе на себя самихъ и позаботиться о подавленіи тягостнаго состоянія или же сосредоточиться на объектѣ и постараться помочь ему. Во второмъ случаѣ опять мы можемъ или смотрѣть на страдающаго, какъ на цѣль, достиженіе которой желательна само по себѣ, независимо отъ отношенія его къ данному состоянію нашей эмоціональной природы, или же видѣть въ немъ только средство къ успокоенію нашего взволнованнаго чувства. Въ послѣднемъ случаѣ мы собственно заботимся о самихъ себѣ. Страданія другого дѣлаются мотивомъ нашей дѣятельности лишь постольку, поскольку они заставляютъ страдать насъ самихъ. Мы можемъ стремиться къ освобожденію отъ тягостнаго состоянія духа, возбуждаемаго видомъ чужихъ страданій, или, подавивъ въ себѣ непріятное чувство, на примѣръ, отвернувшись отъ страдающаго, или же принявъ мѣры къ прекращенію его мученій, но только съ единственною цѣлью собственнаго самоудовлетворенія. Въ томъ и другомъ случаѣ въ нашей дѣятельности ничего не будетъ нравственнаго. Конечно, поведеніе человѣка,

подавившаго въ себѣ чувство жалости внутреннимъ усиленіемъ своей воли, и поведеніе лица, бросившаго нѣсколько монеть нищему съ цѣлью испытать чувство наслажденія или покоя, не тождественны по своимъ результатамъ и съ этой стороны не одинаково цѣнны, но собственно съ *нравственной* точки зрѣнія ихъ достоинство равно невысоко. Тотъ и другой образъ дѣйствій—одинаково эгоистичны. Человѣкъ, оказавшій благодѣяніе ближнему только потому, что его беспокоитъ видъ его страданій, не сдѣлалъ бы этого въ томъ случаѣ, еслибы несчастіе другого не выражалось столь рѣзко или если бы онъ не видѣлъ его непосредственно, а услышалъ о немъ отъ другихъ.

Но даже и въ томъ случаѣ, когда состраданіе побуждаетъ человѣка стремиться къ благу другого не какъ къ средству собственнаго самоуспокоенія, но какъ къ цѣли,—оно не имѣетъ такой великой *нравственной* цѣнности, какую приписывалъ ему Шопенгауэръ. Его моральное достоинство ослабляется тѣмъ, что въ степени своей интенсивности оно обуславливается чисто случайными причинами. Его сила зависитъ во 1) отъ состоянія нашей духовной и даже физической природы въ данный моментъ и 2) отъ того, въ какой формѣ проявляются страданія другого. Когда мы находимся въ ровномъ благодушномъ настроеніи, когда мы сыты, тепло одѣты, чѣмъ либо обрадованы и довольны своимъ положеніемъ, то скорѣе можемъ сочувствовать страданіямъ ближнихъ. Наоборотъ, голодъ, болевья ощущенія, особенно остраго характера, разстройство нервной системы, хандра—дѣлаютъ насъ нечувствительными къ бѣдствіямъ другихъ и, озлобляя насъ, иногда даже способны бываютъ вызывать чувство злорадства. Съ другой стороны, степень сочувствія страданіямъ находится въ прямой связи съ формой ихъ выраженія. „Страданіе громко о себѣ кричащее, страданіе, выставяющее на показъ изуродованные члены, гнойныя язвы и дырявыя лохмотья, гораздо болѣе дѣйствуетъ на насъ, чѣмъ скромное, ото всѣхъ прячущееся и боязливое истинное горе“. (Шопенгауэръ *Естественный нравств. законъ*. Серг. Посадъ 1897 г. стр. 238). Но гораздо больше состраданіе зависитъ не отъ безобразія, а отъ красоты страдающаго. Горе прелестнаго нѣжноженственнаго созданія, отражающееся

на его лицѣ, не теряющемъ своей красоты и въ печали, слишкомъ чувствительно для насъ и сильно затрогиваетъ струны нашей души, вызывая въ ней нѣжныя чувства. Въ то время какъ безобразіе отталкиваетъ отъ себя и побуждаетъ подавить отвратительное впечатлѣніе, красота непреодолимо влечетъ человѣка къ себѣ. Когда полицейскій на глазахъ многочисленной публики гонитъ, а иногда колотитъ несчастнаго оборванца нищаго,—это никого не возмущаетъ и никто не возвышаетъ за него голоса, но красивая дѣвушка, если она оскорблена (не только дѣйствительно, но и мнимо), моментально находитъ себѣ множество заступниковъ. Очевидно, что не безобразіе, а привлекательность страдающаго является важною причиною силы сочувствія.

Именно потому, что состраданіе пассивно и что оно зависитъ отъ чисто случайныхъ и внѣшнихъ причинъ, оно всегда признавалось чѣмъ-то противоположнымъ справедливости или, по крайней мѣрѣ, не всегда совмѣстнымъ съ ней. Справедливость требуетъ, чтобы мы всѣмъ людямъ воздавали должное, одинаково заботились о благѣ каждаго, награждали по заслугамъ и наказывали не лицепріятно, а сообразно винѣ. Справедливость, по самой идеѣ своей не должна зависетьъ ни отъ нашего характера и склонностей нашей природы, ни отъ нашего настроенія, ни отъ красоты или безобразія лица, служащаго ея объектомъ. Наоборотъ, состраданіе зависитъ отъ всѣхъ этихъ причинъ. Отсюда между ними возможенъ постоянный антагонизмъ. Весьма часто въ жизни приходится встрѣчать слабохарактерныхъ, дряхлыхъ людей, главный недостатокъ которыхъ состоитъ въ томъ, что они неспособны противодѣйствовать состраданію. Такіе люди производятъ жалкое, а иногда и прямо отвратительное впечатлѣніе. Они не могутъ пресѣчь никакого зла, не способны положить предѣла никакимъ безобразіямъ, обуздать самыхъ гнусныхъ негодяевъ, хотя бы это и находилось въ ихъ власти. Когда имъ дѣлаютъ упрекъ въ слабости, они обыкновенно отвѣчаютъ: „хотѣлъ бы, да не могу положить предѣла такому-то беззаконію; хотѣлъ было уволить такого то подчиненнаго, да пришла его жена, начала плакать, просить,—я не могъ отказать“. Въ данномъ случаѣ началь-

никъ дѣйствуетъ по состраданію, но благодаря послѣднему, быть можетъ, станутъ страдать сотни лицъ, которыхъ станетъ унижать и гнуть оставленный изъ жалости на службѣ подчиненный.

Помимо состраданія другимъ столь же законнымъ элементомъ сочувствія является сорадование. По вопросу о сравнительной цѣнности этихъ формъ симпатіи существуютъ два различныхъ взгляда. Одни считаютъ болѣе высокимъ моральнымъ состояніемъ сорадование, другіе—состраданіе. Защитникомъ послѣдняго мнѣнія является, между прочимъ, Вл. Соловьевъ. Только состраданіе, говоритъ онъ, имѣетъ безусловно и всегда нравственный характеръ; сорадование, наоборотъ, получаетъ то или другое значеніе, судя по тому, насколько чисто и благороденъ источникъ радости нашего ближняго. „Человѣческія удовольствія и радости могутъ имѣть и весьма часто имѣютъ безнравственный характеръ... Но положительное сочувствіе какому либо удовольствію заключаетъ въ себѣ *одобреніе* этого удовольствія“ (Оправданіе добра. С. П. Б. 1897 г. стр. 97). „Нельзя сказать того же о страданіи и состраданіи... Сочувствуя страждущему, я вовсе не одобряю дурную причину его страданія“ (98). Поскольку участіе къ злодѣю, скорбящему о неудачѣ своего злодѣянія, „происходитъ только изъ жалости, оно вовсе не относится къ дурной причинѣ огорченія, нисколько не предполагаетъ ея одобренія и, слѣдовательно, остается невиннымъ и хорошимъ“ (89). Другимъ основаніемъ къ признанію состраданія болѣе цѣннымъ альтруистическимъ чувствомъ является для Соловьева то соображеніе, что только оно побуждаетъ насъ къ активной дѣятельности, направленной къ прекращенію страданій нашихъ ближнихъ, тогда какъ сорадование по самому существу своему пассивно. Испытывающій радость не нуждается ни въ какой помощи, а потому сорадование не можетъ служить стимуломъ дѣятельности, направленной на благо ближнихъ. Но „въ основу нравственности, по требованію разума, можно полагать только такія чувства, которыя каждый разъ содержатъ въ себѣ побужденія къ опредѣленному дѣйствию, изъ обобщенія которыхъ образуется за тѣмъ опредѣленное нравственное правило или принципъ“ (стр. 90).

Въ оцѣнкѣ нравственнаго достоинства сорадованія и состраданія Соловьевъ допускаетъ странную двойственность. Онъ считаетъ дурнымъ сорадоваться злодѣю и не находитъ ничего предосудительнаго въ состраданіи ему. А между тѣмъ, будучи строго послѣдовательнымъ, онъ долженъ бы былъ придти къ одному и тому же выводу относительно обѣихъ формъ сочувствія, такъ какъ въ отношеніяхъ радости и страданія къ ихъ источнику нѣтъ никакого различія. Одно изъ двухъ: или можно сочувствовать только этой эмоціи, которая имѣетъ чистую и благородную объективную причину и въ такомъ случаѣ мы должны одинаково отрицательно отнестись какъ къ сорадованію, такъ и къ состраданію злодѣю, радующемуся преступленію или скорбящему объ его неудачѣ; или же допустить возможность отдѣленія чувствованій удовольствія и страданія отъ ихъ источника и въ такомъ случаѣ признать позволительнымъ какъ сорадованіе злодѣю, терзающему свою жертву, такъ и состраданіе ему, если что либо помѣшаетъ его злодѣянію. По мнѣнію Соловьева, радость и страданіе находятся не въ одинаковомъ отношеніи къ ихъ источнику, а потому сорадованіе предполагаетъ одобреніе дурной причины удовольствія, а состраданіе нѣтъ. Такъ, раздѣляя съ кѣмънибудь удовольствіе удачнаго мщенія, я тѣмъ самымъ одобряю мстительность. Напротивъ, сожалья наказаннаго преступника, я вовсе не сочувствую его преступленію, такъ какъ знаю, что самое страданіе, хотя бы оно было заслуженнымъ, „отдѣляется отъ своей причины и не заключаетъ въ себѣ нравственной вины, а напротивъ признается ея облегченіемъ и искупленіемъ“ (88). Это, конечно, вполне справедливо: но только потому, что въ данномъ случаѣ страданіе совсѣмъ не имѣетъ дурнаго источника. Оно происходитъ не вслѣдствіе стѣсненія въ проявленіи злой воли или неисполненія дурнаго намѣренія, а вслѣдствіе начавшейся реакціи нравственнаго сознанія противъ безнравственнаго поведенія. Когда человѣкъ, сдѣлавшій что нибудь дурное, страдаетъ вслѣдствіе угрызений совѣсти, то это уже свидѣтельствуетъ объ его отрицательномъ отношеніи къ своему поведенію, а потому онъ можетъ заслуживать нашего сочувствія; когда преступникъ

наказанъ судебною властью, мы также можемъ жалѣть его, поскольку его мученія не являются имманентно связанными съ его преступленіемъ, но навязываются ему отвнѣ. Онъ страдаетъ не отъ того, что не выполнилъ извѣстнаго злодѣянія, что ему не удалось кому либо отомстить или кого либо убить, а просто вслѣдствіе паложенныхъ на него тягостныхъ условій жизни. Но совершенно иной характеръ носитъ страданіе лица, которое испытываетъ непріятное чувство именно вслѣдствіе неудачи совершить какое либо злодѣяніе или вслѣдствіе зависти къ чужому счастью. Въ такомъ случаѣ оно прямо безнравственно и такъ же, какъ наслажденіе преступленіемъ, заслуживаетъ осужденія. Въ сущности оно есть обратная сторона того же наслажденія и тѣсно съ нимъ связано. Промажнувшійся въ своемъ ударѣ и жалѣющій объ этомъ убійца, сталъ бы радоваться, еслибы его ударъ былъ удаченъ. Поэтому, какъ въ послѣднемъ случаѣ сорадованіе ему было бы дурно, такъ предосудительно въ первомъ случаѣ состраданіе ему. Съ точки зрѣнія нашего философа мы должны сочувствовать завидующему, но не значить ли это самому желать зла объекту его зависти? Съ другой стороны, чѣмъ лучше состраданіе страдающему при видѣ чужой радости, чѣмъ сорадованіе радости при видѣ чужого страданія? Соловьевъ говоритъ, что поскольку состраданіе къ злодѣю, которому не удалось совершить преступленіе, исходитъ только изъ жалости, оно не предполагаетъ одобренія источника его страданія. Но вѣдь точно также можно разсуждать и относительно сорадованія. Если допустить возможность разграниченія между самими чувствами удовольствія и страданія, какъ такими, и ихъ качественнымъ содержаніемъ, то можно считать мыслимымъ сорадованіе злодѣю, не заключающее въ себѣ одобренія источника этой радости. Подобно тому, какъ можно жалѣть о томъ, что страдаетъ нѣкоторое человѣческое существо, созданное для радости и счастья, независимо отъ хорошаго или дурного источника его страданія, такъ можно радоваться радости злодѣя, мучащаго свою жертву, осуждая въ то же время причину его радости. Человѣкъ, преисполненный любви или благожелательности, видя убійцу, радующагося своему преступленію,

можетъ возмущаться источникомъ этой радости и негодовать на преступленіе, можетъ всѣмъ сердцемъ сожалѣть о томъ, что преступникъ развратился до такой степени, что сталъ способенъ наслаждаться отвратительнымъ злодѣяніемъ, но въ то же время можетъ сорадоваться его радости самой по себѣ, можетъ быть доволенъ тѣмъ, что человѣкъ въ данный моментъ радуется, а не страдаетъ. Конечно, такое выдѣленіе чувства радости отъ ея качественного содержанія и такое совмѣщеніе въ одномъ субъектѣ: осужденія источника радости, сожалѣнія объ ея безнравственномъ характерѣ и сочувствія—возможны только въ теоріи, а не въ дѣйствительности, но вѣдь то же надо сказать и о состраданіи. Различія между этими эмоціями въ данномъ отношеніи никакого нѣтъ.

Вопреки мнѣнію Соловьева, пассивный характеръ сорадованія не можетъ уничтожить его нравственной цѣнности. Это чувство можетъ возникнуть только на почвѣ высокаго нравственнаго развитія, которое достигается путемъ свободныхъ усилій. Конечно, нѣтъ никакой заслуги со стороны человѣка въ томъ, что въ извѣстный опредѣленный моментъ въ немъ возникаетъ удовольствіе по поводу радости другого. Эта эмоція является въ немъ мгновенно и вислолько не зависитъ отъ напряженія его воли. Оно вспыхиваетъ, какъ горючее вещество при соприкосновеніи съ огнемъ. Но какъ для того, чтобы разгорѣлось пламя послѣдняго, нужна извѣстная доброкачественность матеріала, такъ и для того, чтобы вспыхнуло и тотчасъ не потухло сорадованіе, необходимо нужна благопріятная почва въ состояніи нашей психической природы. Если человѣкъ жестокосердъ, золь, эгоистиченъ, то онъ не способенъ радоваться чужому счастью. Наоборотъ, если онъ воспиталъ въ себѣ мягкость и нѣжность сердца, привычку интересоваться судьбами человѣчества и жить его жизнью, то всякое извѣстіе объ увеличеніи чьего либо блаженства, объ испытанномъ кѣмъ либо удовольствіи, доставитъ ему такое же пріятное волненіе, какъ будто бы радость была испытана имъ самимъ. Сорадованіе можетъ быть вмѣнено человѣку въ заслугу на томъ же самомъ основаніи, какъ и всѣ другія добрыя свойства его природы, т. е., на основаніи ихъ нѣкоторой зависи-

мости отъ свободной воли не въ ихъ проявленіи въ извѣстный опредѣленный моментъ, а въ ихъ психологическомъ генезисѣ. Впрочемъ, Соловьевъ старается унизить сорадованіе не потому, что оно пассивно по своему происхожденію, а вслѣдствіе того, что оно не заклкчаетъ въ себѣ стимула къ дѣятельности, направленной въ сторону радующагося субъекта, такъ какъ послѣдній доволенъ своимъ состояніемъ и ни въ чемъ не нуждается. Это, конечно, справедливо, но только отчасти. Дѣло въ томъ, что извѣстное настроеніе можетъ признаваться нами моральнымъ само по себѣ, независимо отъ тѣхъ слѣдствій, которыми оно сопровождается. Центръ тяжести нравственной оцѣнки долженъ ложиться на субъективный моментъ дѣйствія. Еслибы кто нибудь былъ одушевленъ горячею любовью къ ближнему и желалъ сдѣлать ему какое либо добро, но, по независящимъ отъ него случайнымъ обстоятельствамъ, не могъ осуществить своего намѣренія и даже принесть ему вредъ, его поведеніе ничего не потеряло бы въ своемъ моральномъ достоинствѣ. Сорадованіе (допустимъ это) можетъ не сопровождаться дѣйствіями, направленными къ благу радующагося, потому что онъ не имѣетъ въ этомъ нужды, но несомнѣнно по своей психологической сущности есть именно такое настроеніе, въ которомъ всего болѣе человѣкъ выходитъ изъ предѣловъ своего эгоистическаго я и начинаетъ жить общею жизнью съ другимъ. Если сорадующійся не предпринимаетъ ничего въ пользу своего ближняго, то это зависитъ только отъ того, что въ этомъ нѣтъ никакой нужды, а совсѣмъ не отъ того, чтобы въ самомъ сорадованіи не было достаточной силы къ альтруистической дѣятельности. Тотъ, кто сорадуется радости другого, тѣмъ болѣе сталъ бы сострадать ему, если бы его счастье внезапно смѣнилось несчастіемъ. Но нельзя съ рѣшительностью утверждать обратнаго. Способный къ состраданію можетъ не дорости до сорадованія, что уже свидѣтельствуется объ особенной высотѣ послѣдняго. Поэтому-то говорятъ, что для состраданія достаточно быть человѣкомъ, а для сорадованія нужно быть ангеломъ. Состраданіе эгоистично, иногда заключаетъ въ себѣ элементъ удовольствія, имѣетъ сильную фізіологическую подклад-

ку и въ значительной степени зависитъ отъ нервной системы. Сорадованіе чувство исключительно духовное, чистое и возвышенное. Состраданіе обыкновенно соединяется съ сознаниемъ собственного превосходства надъ страдающимъ, иногда включаетъ въ себя пріятное чувство покровительства и отбъняетъ свое собственное благосостояніе. Поэтому-то нѣкоторые лица, далеко не отличающіяся высотой своего нравственнаго развитія, нарочно ищутъ случаевъ, когда бы можно было возбудить въ себѣ чувство состраданія. Это дѣлается совсѣмъ не изъ за любви къ человѣчеству, а просто потому, что оно щекочетъ нервы, производитъ нѣкоторое не лишнее пріятнаго элемента волненіе. Отсюда любовь къ кровавымъ зрѣлищамъ, спектаклямъ съ самоубійствами и различными мучительными сценами, судебнымъ засѣданіямъ и т. п. Но когда состраданіе и не содержитъ въ себѣ пріятнаго элемента, оно существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока состояніе страдающаго гораздо хуже нашего. Какъ только мы замѣчаемъ, что то лицо, которое мы жалѣли, не только перестало страдать, но и стало счастливѣе насъ самихъ, мы начинаемъ испытывать зависть и дѣлаемся недовольны тѣмъ, что удовольствіе другого слишкомъ ужъ велико. Очевидно, что въ состраданіи эгоизмъ человѣка остается во всей своей силѣ. Мы желаемъ, чтобы другой пересталъ мучиться, но смотримъ на него сверху внизъ и не хотимъ чтобы онъ былъ счастливѣе насъ. Если же это произойдетъ, наша благожелательность къ нему замѣняется чувствомъ недоброжелательства. Въ противоположность состраданію сорадованіе совершенно чуждо эгоистическаго характера и свидѣтельствуетъ о той высотѣ моральнаго развитія человѣка, на которой онъ уже дѣлается неспособнымъ къ зависти и дѣйствительно начинаетъ отождествлять свою личность съ личностью другого. Въ такомъ состояніи духа, не имѣя нужды принимать какихъ либо энергичныхъ мѣръ въ пользу радующагося, человѣкъ постарается, если это отъ него зависитъ, употребить всѣ средства къ тому, чтобы продолжить его радость и не допустить ея прекращенія. Накопецъ, относительно возрѣнія Соловьева на пассивность сорадованія можно замѣтить, что если оно, какъ наличное чувство, и не можетъ располагать къ дѣятельности, то можетъ побуждать къ ней въ

качествѣ идеально воспроизводимого въ представленіи еще прежде его реального возникновенія. Являясь антиципаціей того удовольствія, которое въ будущемъ испытаетъ нашъ ближній, оно можетъ стать мотивомъ дѣятельности, направленной къ благу другого. Въ этомъ отношеніи сорадованіе можетъ имѣть значеніе не меньшее, чѣмъ состраданіе. Представленіе того удовольствія, которое мы доставимъ кому либо, сдѣлавъ ему что либо пріятное, служитъ могучимъ стимуломъ благотворительности и всей вообще альтруистической дѣятельности. Желая накормить голоднаго или сообщить отрадную вѣсть человеку, находящемуся въ состояніи тягостной неопредѣленности, мы не столько представляемъ прекращеніе его страданій, сколько думаемъ о томъ положительномъ удовольствіи, которое онъ испытаетъ. Слѣдовательно, представленіе не реальной, а имѣющей возникнуть въ будущемъ радости другого лица, вплетается въ качествѣ существеннаго элемента въ самое страданіе, побуждая насъ дѣйствовать не только для освобожденія другого отъ страданій, но и для доставленія ему положительнаго удовольствія.

Отличительная особенность сочувствія состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ кратковременный, мимолетный характеръ. Становясь болѣе устойчивымъ и постояннымъ, оно превращается въ любовь. Сорадованіе и въ особенности состраданіе продолжаются лишь до тѣхъ поръ, пока находится на лицо производящая ихъ причина. Уничтожается или скрывается изъ глазъ послѣдняя, и эти эмоціи постепенно ослабѣваютъ и за тѣмъ совершенно уничтожаются. Вслѣдствіе этого сочувствіе можетъ одушевлять насъ лишь на минутный подвигъ, но не способно служить постояннымъ источникомъ нравственной дѣятельности. Оно подобно вспыхнувшему огоньку, который на одну минуту освѣщаетъ окружающее и потомъ снова потухаетъ, оставляя насъ въ непроницаемомъ мракѣ. На мигъ оно уничтожаетъ преграду между индивидуальными сердцами, открываетъ намъ душу нашихъ ближнихъ, поскольку она радуется или страдаетъ, переноситъ насъ въ глубину ихъ личности, но за тѣмъ снова закрываетъ для насъ чужую психику и заставляетъ погрузиться въ себя. Наоборотъ, любовь отличается продолжительностью и постоянствомъ. Это чувство дѣй-

ствуется не только при наличности страданій и радостей субъекта, но и тогда, когда послѣдній еще не испытываетъ ни того, ни другого. Оно относится не только къ настоящему и прошедшему, но и къ будущему. Человѣкъ любящій постоянно тяготѣетъ къ любимому, стремится предотвратить его страданія, увеличить его радости, заботится не только о его блаженствѣ, но и совершенствѣ, прилагаетъ дѣятельныя старанія для достиженія своей цѣли и при томъ не изъ самолюбія, хотя бы и самаго утонченнаго, но именно изъ самаго чистѣйшаго альтруизма. Вслѣдствіе отсутствія элемента случайности и вслѣдствіе способности возвышаться надъ настоящимъ моментомъ любовь никогда не можетъ находиться въ такомъ противорѣчій съ справедливостью, какъ состраданіе. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи она имѣетъ свои степени.

Высшею формою любви должна быть признана такая, которая ни въ какомъ случаѣ не могла бы стоять въ противорѣчій съ справедливостью и побуждать человѣка къ такимъ поступкамъ, которые заслуживали бы осужденія съ нравственной точки зрѣнія. Такова любовь общечеловѣческая. Ея отличительною чертою является стремленіе доставить счастье всякому человѣку, ея психологическою особенностью служитъ сорадованіе и состраданіе всѣмъ живущимъ, на какомъ бы разстояніи они ни находились, какими бы преградами ни были отдѣлены. Такая любовь является безусловно чистымъ мотивомъ дѣятельности и можетъ привести только къ добру. Если между другими формами сочувствія и долгомъ возможно противорѣчіе, то антагонизмъ между общечеловѣческою любовью и обязанностью есть совершенная нелѣпость. Эта любовь не только допускаетъ, но и прямо требуетъ иногда не подчиняться состраданію и вообще минутному порыву чувства и наказывать преступниковъ для ихъ собственнаго и общественнаго блага. Это потому, что ея объектомъ является не то или другое отдѣльное лицо, находящееся предъ нами въ данный моментъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ другіе люди. Легко видѣть, что общечеловѣческая любовь есть именно такое душевное настроеніе, при которомъ возможно достиженіе объективнаго идеала нравственности—универсальнаго совершенства. Дѣйствія по симпатіи могутъ иногда только вредить обществу,

дѣйствія по любви—никогда, ибо любовь именно и есть такое состояніе, въ которомъ человѣкъ какъ бы отождествляется съ другими людьми и *всѣмъ* желаетъ того же, чего себѣ. Если бы всѣ поступали сообразно съ этимъ желаніемъ, всѣми силами заботились о чужомъ блаженствѣ и совершенствѣ, какъ о своемъ собственномъ, то не были бы возможны ни зависть, ни насилія, ни вражда, ни преступленія. Все духовное и часть физическаго зла уничтожились бы и для человѣчества наступилъ бы золотой вѣкъ. Но объ этомъ можно только мечтать. Общечеловѣческое совершенство и необходимая для его осуществленія универсальная любовь суть лишь идеаль, желательность котораго нужно признать въ принципѣ, къ которому можно стремиться, но который вполнѣ неосуществимъ въ предѣлахъ земной жизни. Попытки сразу полюбить все человѣчество могутъ приводить только къ тому, что мы перестали бы любить кого бы то ни было и заботились бы объ общемъ благѣ только на словахъ. Со всею глубиною и силою чувства мы можемъ любить только пѣкоторое опредѣленное число лицъ, съ которыми, помимо сознанія всеобщаго братства, насъ соединяютъ еще другія естественныя связи: семейныя, профессиональныя и національныя. Если во имя этихъ сравнительно узкихъ привязанностей мы не становимся несправедливыми, а тѣмъ болѣе враждебными, ко всему остальному міру, то въ нихъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Даже болѣе того, посвященіе своихъ силъ лишь извѣстной опредѣленной группѣ, наиболѣе близкой къ намъ по самому естественному порядку вещей, прямо необходимо для благосостоянія человѣческихъ обществъ. При желаніи сразу быть полезнымъ всему міру наше чувство расплывается и глохнетъ, а наши силы не находятъ себѣ приложенія. Человѣку надо помнить, что самоотверженно служа ближайшимъ къ нему лицамъ и уважая въ то же время права всѣхъ остальныхъ людей, онъ увеличиваетъ и сумму общечеловѣческаго счастья. Это единственный способъ выразить свою любовь ко всему міру, такъ какъ человѣкъ лишень возможности сразу осуществить идеаль универсальнаго блага.

Значеніе идеи Бога въ философіи Декарта.

(Продолженіе *).

VI. Идея Бога въ космологіи (ученіе о субстанціи протяженной).

Единственнымъ и основнымъ, составляющимъ самую природу матеріи атрибутомъ Декартъ, какъ мы видѣли, признаетъ протяженіе. Во всемъ мірѣ матерія качественно тождественна, всѣ-же свойства, какія мы въ ней ясно воспринимаемъ, сводятся къ тому, что она дѣлится на части и подвижна сообразно частямъ. Дѣлимость не производитъ перемѣнъ, а все разнообразіе (*variatio*) въ матеріи или различіе въ ея формахъ зависитъ отъ движенія. Тѣла, составляющія міровой порядокъ, всѣ происходятъ изъ одной и той-же матеріи, все различіе между ними происходитъ только отъ того, что частицы матеріи, изъ которой онѣ состоятъ, имѣютъ различныя фигуры и различнымъ образомъ расположены. Отсюда вполне ясенъ математико-механической принципъ Декартовой натур-философіи. Декартъ въ основѣ міровыхъ явленій полагалъ „матерію“ ту самую, которую геометры берутъ объектомъ своихъ доказательствъ¹⁾; въ ней онъ не признаетъ ничего кромѣ дѣлений, фигуръ и движеній. Всѣ возможные на этой почвѣ выводы и объясненія должны имѣть форму математическихъ доказательствъ²⁾. Само собою понятно, что Картезианская физика не могла мряться съ малѣйшими слѣдами антроморфизма.

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1901 г. № 8.

1) Princ. II, 28; нис. à un Seigneur отъ 1646 г. Oeuv. IX, 420.

2) Princ. II, 64.

Все, говорящее о разумѣ, сознаниі, не имѣетъ здѣсь мѣста, такъ какъ это свойство совершенно чуждо матеріи, представляющей собою исключительно субстанцію протяженную. Въ ея проявленіяхъ возможенъ только механизмъ, составляющій результатъ движенія частицъ различной формы по опредѣленнымъ законамъ. Съ этой точки зрѣнія понятно, почему Декартъ настаивалъ на исключеніи изъ объясненія природы конечныхъ причинъ, какъ „неумѣстныхъ въ физикѣ, гдѣ должно пользоваться самыми твердыми основаніями“. Онъ не отрицалъ существованія у Бога извѣстныхъ цѣлей при твореніи міра; онъ только находилъ неумѣстнымъ ограниченному уму человѣка претендовать на постиженіе ихъ, на провикновеніе въ планы Божіи. Утверждать, что все создано ради насъ, можно въ этикѣ, ибо такимъ путемъ мы побуждаемся къ большей благодарности и любви къ Богу. Разумѣется, что въ извѣстномъ смыслѣ это утвержденіе справедливо, такъ какъ мы всѣми вещами можемъ нѣкоторымъ образомъ пользоваться. Но вѣдь „смѣшно было-бы и бессмысленно“ вести подобнаго рода разсужденія въ физикѣ. Кому въ самомъ дѣлѣ неизвѣстно, что существуетъ, существовало и перестало существовать много вещей, о которыхъ не зналъ ни одинъ человѣкъ, и потому ни для кого онѣ не имѣли значенія ¹⁾. При такомъ взглядѣ Декарта на все физическое и на задачу изслѣдованій въ этой области предъ нимъ открывались моменты ничуть не связанные съ природою протяженнаго вещества и требующіе для себя сторонней причины. Кратко эти моменты указаны Декартомъ въ слѣдующихъ словахъ: „я рѣшилъ говорить только о томъ, что случилось-бы въ новомъ мірѣ, если-бы *Богъ создалъ* гдѣ-либо въ воображаемомъ пространствѣ *достаточно вещества* для его образованія и *возмутилъ-бы это вещество* безъ всякой правильности, такъ что образовался-бы хаосъ столь спутанный, какъ только могутъ вообразить поэты; потомъ, *ограничиваясь оказаніемъ своего обыкновеннаго содѣйствія природѣ*, предоставилъ ей дѣйствовать *по законамъ*, Имъ установленнымъ... Я показалъ, каковы суть законы природы и, опирая мои доводы

¹⁾ Princ. III, 3. 2; I, 28; Medit. IV, 26; Resp. quintae, p. 70.

единственно на началѣ безконечнаго совершенства Божія, я старался указать именно тѣ законы, относительно коихъ не можетъ быть сомнѣнія, такъ что если-бы Богъ создалъ много міровъ, то между ними не было-бы ни одного такого, гдѣ они не соблюдались бы“¹⁾). Такимъ образомъ самый исходный моментъ мірообъясненія ставится у Декарта въ зависимость отъ безконечности Божества. Протяженная субстанція, равно впрочемъ какъ и субстанція мыслящая, суть субстанціи конечныя, ограниченныя. Повятно поэтому, что разумъ не могъ находить въ числѣ ихъ атрибутовъ существованія чрезъ себя (*per se*). Матерія необходимо имѣетъ своего Творца, всесовершеннаго, существующаго по самой своей природѣ. Хотя, далѣе, матеріи свойственно быть дѣлимой и имѣть фигуру, потому что дѣлимость и фигура модусы протяженной субстанціи²⁾, однако опредѣленность въ томъ и другомъ отношеніи должна зависѣть отъ причины внѣшней по отношенію къ матеріи. И если въ теченіе міровой жизни матерія можетъ дѣлиться и принимать различныя формы только въ силу механическихъ условій, то первичная матерія съ этой стороны необходимо должна была зависѣть отъ Своего Творца. Декартова матерія поэтому самымъ Богомъ раздѣлена на части опредѣленной величины и фигуры. Такъ какъ для всемогущества Божія безразлично, какую придать частицамъ матеріи величину и фигуру, то здѣсь на помощь выступаетъ опытъ. Послѣдній долженъ оказать содѣйствіе нашему умозрительному знанію и показать, какова должна быть величина и фигура частицъ матеріи, чтобы мы могли вполне ясно и раздѣльно, а потому безошибочно понять и уяснить себѣ все явленія окружающаго насъ міра. Поэтому „предположимъ, говоритъ Декартъ, что Богъ въ началѣ раздѣлилъ всю матерію, изъ которой составилъ этотъ видимый міръ, на частицы возможно равныя между собою, умѣренной величины, т. е., средней между разнообразными величинами различныхъ частицъ, составляющихъ вышнѣ небеса и звѣзды“³⁾).

1) De meth. V, 27 ср. VI, 39; Le monde. Oeuv. IV, 246—50.

2) Princ. I, 65; Rationes, defin. 7, p. 86; Resp. *tertia*e ad obj. 2, p. 94.

3) Princ. III, 46. Не трудно видѣть, что мѣсто въ своей системѣ *опита*, какъ

Для образованія „новаго міра“ по механическимъ законамъ Декарту, какъ мы видѣли, мало было однихъ частицъ матеріи, хотя и одаренныхъ опредѣленной формой и величиной, требовалось еще „возмутить“ эту матерію, требовалось дать толчекъ движенію въ ней, потому что отъ одного только движенія зависитъ разнообразіе міровыхъ формъ. Понятно, что и движеніе какъ *модусъ* протяженной субстанціи ничуть не связано съ ея природой, и можетъ быть и не быть въ ней. Тѣлу не принадлежитъ сила приводить себя въ движеніе, это мы ясно сознаемъ¹⁾. Если поэтому въ природѣ такое движеніе есть, то понятно, что оно должно имѣть для себя внѣшнюю причину. „Причина движенія двоякаго рода, говоритъ Декартъ. Прежде всего причина универсальная и изначальная; она является общей причиной всѣхъ существующихъ въ мірѣ движеній; затѣмъ—частная, вслѣдствіе которой отдѣльныя части матеріи получаютъ движеніе, котораго не имѣли. Что касается общей причины, то ею очевидно является самъ Богъ, который сотворилъ въ началѣ матерію вмѣстѣ съ движеніемъ и покоемъ“²⁾. Такое происхожденіе движенія даетъ возможность Декарту утвердить на понятіи о существѣ совершенномъ тотъ пунктъ своего ученія о немъ, который постепенно развился въ современное ученіе о сохраненіи энергіи въ природѣ. Такимъ пунктомъ является мысль Декарта о

средства познанія, Декартъ хочетъ оправдать значеніемъ, занимаемымъ въ ней идеей Бога. Онъ искалъ причинъ всего, что есть и можетъ быть въ мірѣ, прибѣгая къ разсмотрѣнію лишь Бога, создавшаго послѣдній. Тутъ предъ Декартомъ открывалось безконечное разнообразіе дѣйствій Божественнаго всемогущества. На которомъ изъ нихъ нужно остановиться, какой способъ обнаруженія дѣйствія предпочесть другому,—это и долженъ показать опять. *De meth.* VI, 39 ср. *Princ.* III, 4.

1) *Medit.* II, 10.

2) *Princ.* II, 36; пис. ѓ ин *Seigneur* отъ 19 Окт. 1645 г. *Oeuv.* IX, 340. Нужно замѣтить, что Декартъ покой считалъ „воспрепятствованнымъ движеніемъ“, требующимъ для себя такой-же причины какъ и движеніе. *Princ.* II, 26—7. 37. На направляющійся тутъ вопросъ,—какимъ обр. Богъ движетъ матерію, Декартъ отвѣчалъ: „сознаюсь, что я не нахожу въ моемъ умѣ никакой особенной идеи, которая представляла-бы способъ, коимъ Богъ или Ангелъ могутъ двигать матерію, кромѣ идеи, представляющей мнѣ способъ, коимъ по свидѣтельству моего сознанія я могу чрезъ мою мысль двигать мое тѣло“. Отвѣтъ Декарта *Morus'u* отъ 15 Апр. 1649 г. *Oeuv.* X, 244.

количественномъ постоянствѣ движенія въ мірѣ. Богъ сохраняетъ въ мірѣ столько движенія и покоя, сколько вложилъ въ него при твореніи. „И хотя движеніе есть только модусъ движимой матеріи, однако послѣдняя имѣетъ его извѣстное и опредѣленное количество, которое никогда не увеличивается и не уменьшается, хотя въ отдѣльныхъ частяхъ бываетъ его то меньше, то больше... Всякій разъ какъ движеніе въ какой-нибудь части уменьшается, движеніе нѣкоторой другой должно соотвѣтственно увеличиваться. Мы знаемъ, что совершенство Божіе состоитъ въ томъ, что Богъ, не только неизмѣняемъ въ самомъ себѣ, но и дѣйствуетъ неизмѣннымъ и постояннымъ образомъ и кромѣ тѣхъ измѣненій, о которыхъ говоритъ намъ опытъ или божественное откровеніе и кои, какъ мы разумѣемъ, происходятъ безъ всякаго измѣненія въ Создателѣ, мы не должны предполагать иныхъ въ Его твореніяхъ, чтобы не приписать ему непостоянства. Такимъ образомъ изъ того, что Богъ, приведя при созданіи части матеріи въ разнообразныя движенія, сохраняетъ всю эту матерію тѣмъ-же способомъ и съ тѣми-же законами, какіе предписалъ при созданіи, слѣдуетъ, что Онъ сохраняетъ въ ней постоянно одинаковое количество движенія“¹⁾.

Однако, чтобы изъ первобытнаго хаоса могли произойти всѣ вещи, чтобы созданная матерія стала правильнымъ механизмомъ, мало было произвести въ ней движеніе и сохранять неизмѣнно его количество. Тутъ требовались правильные, разнавсегда установленные законы этого движенія, которые Декартъ называетъ вторичными причинами движенія (*Secundariae causae*) или „законами природы“²⁾. Согласно своему дедуктивному методу, согласно въ частности стремленію „причины всего, что можетъ быть въ мірѣ найдено только чрезъ разсмотрѣніе Бога, его создавшаго“³⁾, Декартъ эти законы природы по ихъ содержанію согласуетъ съ атрибутами Бога, чтобы ихъ возможность и вѣроятность, о которыхъ говоритъ намъ опытъ, сдѣлать досто-

1) Princ. II, 36; Le monde. Oeuv. IV, 224. 259; Пис. къ *** 1639 г. в пис. à un Seigneur 1645 г. Oeuv. VIII, 123—4 и IX, 340.

2) Princ. II, 37.

3) De meth. VI, 39.

вѣрнымъ и недоступнымъ сомнѣнію точнымъ знаніемъ. Понятіе объ этихъ законахъ Богъ такъ вложилъ въ нашу душу, что мы, послѣ нѣкотораго размышленія, не можемъ сомнѣваться, что они точно соблюдаются во всемъ, что есть и происходитъ въ мірѣ“¹⁾. Такихъ законовъ Декартъ указываетъ три. Первый законъ природы въ томъ, что всякая вещь какова она въ себѣ, всегда пребываетъ въ одномъ и томъ же положеніи и перемѣняетъ его только по внѣшней причинѣ. Если напр., часть матеріи четверугольна, она и остается четверугольною, пока что либо не измѣнитъ ея фигуру; если она въ движеніи, то мы не имѣемъ основанія предполагать, что она когда нибудь должна остановиться, пока не встрѣтитъ чего нибудь замедляющаго, и т. д. „Совершенно немислимо, пишетъ Декартъ, чтобы какое нибудь качество или модусъ погубило само собой (ex se). Это я доказываю изъ метафизическихъ соображеній: такъ какъ Богъ есть совершеннѣйшій и неизмѣнный Творецъ всѣхъ вещей, то было-бы противорѣчіемъ, чтобы простая вещь, сотворенная Богомъ, имѣла въ себѣ начало своего разрушенія“²⁾. Отсюда же вытекала мысль Декарта о неразрушимости матеріи безъ особаго воздѣйствія Бога.

„Второй законъ природы въ томъ, что всякая часть матеріи, особо разсматриваемая, стремится продолжать движеніе только по прямымъ линіямъ, но вслѣдствіе встрѣчи съ другими она вынуждается уклоняться въ сторону, почему во всякомъ движеніи образуется нѣкоторымъ образомъ *кругъ* изъ всей матеріи вмѣстѣ движимой. „Причина этого закона та же, добавляетъ Декартъ, что и предшествующаго: *неизмѣняемость и простота* дѣйствія, которымъ Богъ сохраняетъ движеніе въ матеріи. Если же часть матеріи отклоняется въ сторону отъ прямой, то нужно замѣтить, что Богъ сохраняетъ каждую вещь непрерывнымъ дѣйствіемъ и, слѣдовательно, Онъ не сохраняетъ ее такою, какою она была нѣсколько времени прежде, а только такою, какова она въ тотъ самый моментъ, когда Онъ ее сохраняетъ, а каждая вещь въ каждый отдѣльный моментъ своего движенія стремится двигаться по прямой линіи“³⁾. Са-

¹⁾ De meth. V, 26—7.

²⁾ Цис. къ Mers. въ марѣ 1643 г. Oeuv. IX, 105—6; Princ. II, 37—8.

³⁾ Princ. II, 39; Le monde. Oeuv. IV, 259—60.

мымъ сложнымъ и важнымъ является третій законъ природы, такъ какъ „въ немъ заключаются всѣ частныя причины измѣненій въ движеніяхъ“. Онъ состоитъ въ томъ, что „если движущееся тѣло встрѣчается съ другимъ, которое имѣетъ больше силы для сопротивленія ему, чѣмъ оно для продолженія движенія по прямой линіи, то тѣло это уклоняется въ другую сторону и, удерживая свое движеніе, теряетъ только одно его направленіе; если-же движущееся тѣло имѣетъ большую силу, то оно движетъ съ собою встрѣчное тѣло и само столько теряетъ изъ своего движенія, сколько ему передаетъ“ ¹⁾. Первая часть этого закона, по разъясненію Декарта, сводится къ первому закону и зиждется на томъ-же основаніи, потому что здѣсь интенсивность движенія остается неизмѣвною, не встрѣчая себѣ препятствія со стороны внѣшней причины; измѣняется-же только его направленіе, которому одному препятствуетъ встрѣчное тѣло. „Вторая часть закона доказывается изъ неизмѣняемости промысленія Бога, непрерывно сохраняющаго міръ тѣмъ-же дѣйствіемъ, какимъ нѣкогда его сотворилъ. Такъ какъ все наполнено тѣлами и въ то-же время движеніе каждаго отдѣльнаго тѣла направляется по прямой линіи, то очевидно, что Богъ, сотворивши міръ, не только привелъ въ движеніе его части, но вмѣстѣ сдѣлалъ такъ, чтобы однѣ изъ нихъ толкали другія и на нихъ переносили свои движенія. Теперь-же, сохраняя міръ тѣмъ-же дѣйствіемъ, съ тѣми же законами, съ коими его сотворилъ, Онъ сохраняетъ и движеніе не связанное всегда съ одними и тѣми-же частями матеріи, а переходящее съ однихъ на другія, встрѣчныя. Такимъ образомъ эта самая непрерывная измѣняемость въ сотворенныхъ вещахъ служитъ доказательствомъ неизмѣняемости Бога“ ²⁾.

Указанные законы природы заключаютъ кругъ главныхъ условій, необходимыхъ для Декарта въ виду механическаго объясненія жизни протяженной субстанціи. Исходя изъ этихъ прочно обоснованныхъ началъ, Декартъ старался съ возможною математическою очевидностью объяснить всѣ явленія природы. Что касается достовѣрности представленныхъ космоло-

¹⁾ Princ. II, 40.

²⁾ Princ. II, 41—2.

гическихъ объясненій, то они въ силу своего согласія съ опытомъ прежде всего достовѣрны „морально, т. е., насколько они достаточны для пользы жизни“. „И хотя безспорно, какъ учить христіанская религія, весь міръ былъ созданъ сразу въ готовомъ видѣ, однако подобное разсмотрѣніе явленій весьма полезно для познанія ихъ природы и ничуть не наноситъ ущерба тайнѣ созданія. Всѣ согласны, что дѣйствіе, какимъ Богъ сохраняетъ теперь міръ, то-же, какимъ Онъ его создалъ, такъ что если-бы Творецъ далъ міру первоначально форму хаоса, и, установивъ законы природы, оказалъ свое обыкновенное содѣйствіе, то можно полагать, не нанося ущерба тайнѣ созданія, что всѣ чисто матеріальныя вещи могли-бы съ теченіемъ времени сдѣлаться такими, какъ мы видимъ ихъ теперь“ ¹⁾. Только возможное предположеніе становится несомнѣннымъ и достовѣрнымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ просты принципы, изъ которыхъ все выводится, какъ близко они естественному свѣту нашего разума. Богъ вѣдь безконечно благъ и чуждъ всякой лжи, а потому способность, какую Онъ намъ далъ для разпознаванія истины отъ лжи, не можетъ ошибаться, пока мы ею правильно пользуемся и пока при ея помощи раздѣльно что нибудь воспринимаемъ ²⁾.

Нужно замѣтить, что исключеніе изъ области протяженной субстанціи всякой мысли и всякаго сознанія, а также объясненіе замѣчаемыхъ въ ней явленій исключительно путемъ механическаго принципа проведено Декартомъ съ замѣчательною послѣдовательностію. Этотъ принципъ прилагается имъ одинаково ко всѣмъ явленіямъ не только растительной, но и животной жизни. Животныя и организмъ человѣка, насколько онъ въ своихъ отправленіяхъ не зависитъ отъ души, являются у Декарта не болѣе какъ автоматами природы. Отсюда для него оказывается необходимымъ прибѣгать къ идеѣ Бога, къ Его всемогущему воздѣйствію гораздо чаще, чѣмъ-бы онъ желалъ. Особенно это сказалось въ психологіи Декарта. Въ силу исходнаго своего взгляда на душу и тѣло, какъ на двѣ противоположныя субстанціи, нужно было или признать

¹⁾ De meth. V, 28; Princ. III, 44—5. IV, 204—5.

²⁾ Princ. IV, 206. III, 43.

одушевленіе признакомъ присутствія души и приписать бессмертную и разумную душу животнымъ или же, объясняя явленія въ одушевленномъ мірѣ механически, отказать имъ во всякой душѣ ¹⁾. Средняго картезіанская философія не могла допустить, и Декартъ отвергъ всякія сужденія о такъ называемыхъ „растительныхъ и чувствующихъ душахъ (*anima vegetans aut sentiens*) животныхъ. Приписывать животнымъ душу побуждаетъ насъ величайшій предрасудокъ, усвоенный нами съ дѣтства“. Съ одной стороны мы видимъ у животныхъ различные органы, такіе же какъ у насъ по фигурѣ и движеніямъ, а съ другой—мы полагали, что наша душа есть принципъ всѣхъ происходящихъ въ насъ движеній, что она даетъ движеніе тѣлу, будучи вмѣстѣ и причиною мыслей. Допустивъ это, легко было подумать, что у животныхъ есть душа, подобная нашей. Но послѣ долгаго размышленія, принявъ во вниманіе, что надлежитъ различать два разные принципа нашихъ движеній, одинъ вполне механической, зависящій исключительно отъ силы тонкой животной матеріи и отъ расположенія частей, и который можно назвать тѣлесною душою; другой—бестѣлесный, т. е., умъ или душа, субстанція мыслящая,—я съ великимъ стараніемъ искалъ, пишетъ Декартъ, происходятъ-ли движенія животныхъ отъ этихъ двухъ началъ или отъ одного. Убѣдившись, что они могутъ происходить отъ одного тѣлеснаго и механическаго, я принялъ какъ вполне утвержденное, что мы никоимъ образомъ не можемъ доказать, чтобы въ животныхъ была душа, которая думаетъ“ ²⁾. Особенно два соображенія не позволяютъ намъ признавать души у животныхъ: первое то, что они не могутъ сообщать своихъ мыслей посредствомъ слова; второе—что животные не могутъ съ одинаковымъ искусствомъ дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ, что служитъ признакомъ разума. Отсюда безошибочно будетъ наше заключеніе о томъ, что животные суть машины и автоматы. И такой выводъ не долженъ удивлять никого, потому что если изъ рукъ человѣческихъ могутъ выходить довольно искусныя произведенія, въ этомъ отношеніи, то насколько болѣе искусныя и слож-

¹⁾ Ср. *Resp. sextae*, p. 157.

²⁾ Пис. къ *Morus'у* отъ 5 февр. 1649 г. *Oeuv.* X, 204—5.

ныя автоматы могутъ быть созданы всесовершеннымъ Творцомъ ¹⁾. Какимъ образомъ эти машины—животныя, состоящія изъ множества костей, мускуловъ, нервовъ, артерій венъ и другихъ частей, могутъ чисто механически произвести всѣ замѣчаемыя въ нихъ нами дѣйствія,—это Декартъ показываетъ, раскрывая механизмъ человѣческаго тѣла. И это потому, что всѣ отправленія послѣдняго, происходящія въ немъ безъ участія души, совершенно тождественны съ отправленіями прочихъ автоматовъ природы ²⁾. Я дѣлаю предположеніе, говоритъ Декартъ, что тѣло есть не иное что, какъ статуя или машина, сдѣланная изъ земного матеріала, которую Богъ образуетъ весьма подобною нашему тѣлу“ ³⁾. Все, что можетъ происходить въ такой машинѣ, носитъ характеръ чисто механической дѣятельности. Ошибочно думать, что началомъ оживляющимъ является душа, что она сообщаетъ тѣлу движеніе и теплоту и что причиной смерти служитъ оставленіе тѣла душой. Жизнь состоитъ въ правильномъ дѣйствіи механизма тѣла, а смерть въ порчѣ этого механизма, почему онъ и оставляется душой. Между живыми и мертвымъ та-же разница, какая между правильно идущими и испорченными часами ⁴⁾. Двигателемъ Декартовой машины—тѣла является теплота. Она развивается изъ того огня безъ свѣта, который по природѣ своей тождествененъ съ огнемъ, нагрѣвающимъ сѣно, когда оно сложено сырымъ, и заставляющимъ бродить новое вино ⁵⁾. Огонь этотъ помѣщается въ сердцѣ. Здѣсь вырабатываются тѣ самыя живыя и тончайшія частицы, которыя Декартъ называетъ животными духами (*esprits animaux, spiritus animalis*) и которыя играютъ такую важную роль въ его машинахъ“. „Эта тончайшая матерія, какъ тончайшій вѣтеръ или, лучше сказать, какъ пламя очень чистое и очень живое, постоянно въ большомъ количествѣ восходитъ отъ сердца къ мозгу“. Въ послѣдній проникаетъ черезъ артерію, которая, раздѣля-

1) *Ibid.*; *De meth.* V, 35—6; икс. отъ 12 янв. 1638 г. *Oeuv* VII, 396—8.

2) *De meth.* V, 29. Уяснить механизмъ тѣла важно для пониманія пунктовъ-вышательства Божіи во взаимодействіе души и тѣла у Декарта. (см. слѣд. главу)—

3) *L'homme.* *Oeuv.* VI, 335.

4) *De pass.* I, 4—6; *De form. faetus*, 4—5.

5) *De meth.* V, 29; *L'homme.* *Oeuv.* IV, 338; *De pass.* I, 8.

аясь на безчисленное множество малыхъ вѣтвей, выстилаетъ (внутреннюю) полость мозга и имѣетъ множество малыхъ отверстій, чрезъ которыя эти тончайшія части проходятъ въ полость ¹⁾. Въ этой-же полости мозга берутъ свое начало нервы—это трубки, заключающія въ себѣ другія маленькія трубочки. Въ послѣднихъ находятся тонкія нити, идущія отъ мозга ко всѣмъ прочимъ частямъ нашего тѣла. Всѣ объекты нашихъ внѣшнихъ чувствъ и внутреннихъ appetitовъ—звуки, вкусы, запахи, боль, голодъ, жажда раздражаютъ наши нервы, при чемъ нервная нить напрягается подобно веревкѣ, которую тянуть за одинъ конецъ. Въ силу этого напряженія открываются отверстія, ведущія изъ мозга въ тѣ нервы, которые ведутъ къ соотвѣтствующимъ частямъ и мускуламъ. Въ эти отверстія врывается животный духъ, проникаетъ по нерву до мускуловъ, раздуваетъ его, сокращаетъ и такимъ образомъ производитъ движеніе, имѣющее у Декарта поэтому чисто рефлексивный характеръ ²⁾.

Указаннымъ способомъ Декартъ весьма многое объясняетъ въ человѣкѣ и все въ животныхъ. „Я желаю, заканчиваетъ, онъ свой трактатъ“ „о человѣкѣ“, чтобы вы увѣрились, что всѣ отправленія, какія я принимаю въ живой машинѣ, а именно: вареніе пищи, біеніе сердца и артерій, питаніе и наростаніе членовъ, дыханіе, бодрствованіе и сонъ, воспріятіе органами внѣшнихъ чувствъ свѣта, звука, запаха, вкусовъ, тепла и другихъ качествъ, запечатлѣніе ихъ идей въ органѣ, служащемъ общимъ чувствилищемъ и мѣстомъ воображенія, удержаніе и слѣды этихъ идей въ памяти, внутреннія движенія, соотвѣтствующія хотѣніямъ и страстямъ; наконецъ, внѣшнія движенія всѣхъ членовъ, столь соотвѣтственно слѣдующія какъ за дѣйствіемъ предметовъ, представляющихся чувствамъ, такъ и за впечатлѣніями и состояніями памяти, что съ возможнымъ совершенствомъ являютъ подобіе движеній человѣка, желаю, чтобы вы убѣдились, что всѣ эти отправленія суть естественныя послѣдствія расположенія органовъ этой

¹⁾ De meth. V, 34; De pass. I, 10; L'homme. Oeuv. IV, 345.

²⁾ De Pass. I, 11—16; L'homme. Oeuv. IV, 358—9. Diop. IV, 3. 5; Règles. Oeuv. XI, 265.

машины, ни болѣе ни менѣе того какъ движенія часовъ или другого автомата суть результатъ дѣйствія ихъ противовѣса и колесъ. А потому въ машинѣ этой не должно предполагать никакой растительной или чувствующей души и никакого другого принципа движенія и жизни, кромѣ крови и тонкаго вещества, движимыхъ теплотой огня, постоянно горящаго въ сердцѣ, по натурѣ своей нисколько не отличающагося отъ огня, наблюдаемаго въ неодушевленныхъ тѣлахъ“¹⁾).

Такъ широко и послѣдовательно проводить Декартъ свой взглядъ на внѣшнюю природу какъ на огромный механизмъ, искусное устройство котораго вполне соответствуетъ всесовершенству художника. Роль послѣдняго въ космологіи Декарта въ сущности, какъ мы видимъ, та-же что и въ гносеологіи и метафизикѣ. Декартъ въ космологіи старался понять, опытнымъ путемъ выяснить себѣ теченіе и развитіе окружающей насъ жизни. Добытыя здѣсь знанія онъ опираетъ на такомъ-же неизблемомъ фундаментѣ, какъ и знанія умозрительныя и, согласно идеѣ познавать все изъ достовѣрныхъ принциповъ, фундаментомъ этимъ можетъ быть только всемогущество и правдивость несомнѣнно существующаго всесовершеннаго Творца.

С. Моложавый.

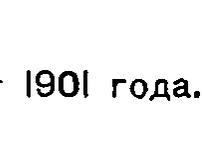
(Окончаніе будѣтъ).

¹⁾ L'homme. Oeuv. IV, 427—8; De meth. V, 34; De form. faetus, 3.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Мая № 10. 1901 года.

Содержаніе. Высочайшія награды. — Опредѣленія Святейшаго Синода. — Узаконенія и распоряженія Правительстна. — Отъ Харьковской Духовной Консисторіи. — Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. — Журналъ Общаго Собранія Вѣлопольскаго Братства ревнителѣй вѣры и церкви православной во Имя Пресвятыя Богородицы. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, вслѣдствіе засвидѣтельствованіи Оберъ-Прокурора Святейшаго Синода объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ нижепоименованныхъ лицъ, служащихъ по вѣдомству Православнаго Исповѣданія, Всемилостивѣйше соизволилъ, къ 6 текущаго мая — высокаторжественному дню Рожденія Его Императорскаго Величества, пожаловать имъ слѣдующія награды.

Награждаются орденами:

Св. Владиміра 4-й степени: статскіе совѣтники: смотритель Харьковскаго духовнаго училища Александръ *Снегиревъ*; преподаватель Харьковской духовной семинаріи: Иванъ *Кудревичъ* и Семенъ *Томенко*; *Св. Анны 2-й степени: надворный совѣтникъ,* членъ Старобѣльскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта — Иванъ *Рудневъ*; *Св. Станислава 2-й степени: статскіе совѣтники:* смотритель Купянскаго духовнаго училища — Иванъ *Григоровичъ*; преподаватель Харьковской духовной семинаріи — Іосифъ *Корнѣенко*; *Св. Станислава 3-й степени: надворный совѣтникъ,* членъ Купянскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта — Гавріилъ *Шоповъ*; *коллежскій ассессоръ,* преподаватель Харьковской духовной семинаріи — Василій *Логиновъ* и учитель Харьковскаго духовнаго училища — Иванъ *Лихницкій*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ 6-й день сего мая, Всемилостивѣйше соизволилъ удостоить, за службу по епархіальному вѣдомству, награжденія духовныхъ лицъ Харьковской епархіи нижеслѣдующими знаками отличія:

а) *орденомъ св. Анны 2 степени*—настоятель Святогорской Успенской пустыни, архимандритъ *Вассіанъ*; города Харькова, Архангело-Михайловской церкви протоіерей *Петръ Полтавцевъ*; города Харькова, Троицкой церкви протоіерей *Николай Гутниковъ*;
 б) *орденомъ св. Анны 3 степени*—помощникъ смотрителя Харьковскаго духовнаго училища, протоіерей *Іоаннъ Левитскій*; Николаевской церкви заштатнаго гор. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда, священникъ *Іоаннъ Золотаревъ*.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

І. Отъ 13 апрѣля 1901 г. за № 1331, о награжденіи лицъ духовнаго званія за заслуги по духовному вѣдомству.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленія преосвященныхъ епархіальныхъ архіереевъ и Московской Синодальной Конторы о награжденіи подвѣдомственныхъ имъ духовныхъ лицъ, за заслуги по духовному вѣдомству. Приказали: На основаніи бывшихъ разсужденій, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поименованныхъ въ прилагаемомъ при семъ спискѣ духовныхъ лицъ удостоить означенныхъ въ спискѣ наградъ и для объявленія епархіальнымъ преосвященнымъ в Московской Святѣйшаго Синода Конторѣ объ удостоенныхъ награжденія напечатать въ журналѣ «Церковныя Вѣдомств».

Списокъ лицамъ духовнаго званія Харьковской епархіи, кои Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія за заслуги по духовному вѣдомству ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества.

а) *Саномъ протоіерея*—смотритель Сумскаго духовнаго училища, священникъ *Аркадій Грузовъ*; церкви села Коротича, Харьковскаго уѣзда, священникъ *Порфирій Шокотовъ*; церкви слободы Булавиновки, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ *Іаковъ Ивановъ*; церкви слободы Гусинки, Кушанскаго уѣзда, священникъ *Василій Соколовскій*; б) *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*—Харьковскаго архіерейскаго

дома іеромонахъ *Епифаній*; членъ Харьковской духовной консисторіи, священникъ Іоаннъ *Гончаревскій*; гор. Харькова, Крестовоздвиженской церкви священникъ Николай *Любарскій*; гор. Харькова, Александро-Невской церкви священникъ Николай *Сокольскій*; церкви Харьковскаго университета священникъ Іоаннъ *Инокковъ*; церкви села Ивановки, Харьковскаго уѣзда, священникъ Андрей *Дмитріевъ*; церкви села Казачьей Лопани, того же уѣзда, священникъ Филаретъ *Антоновъ*; церкви села Рогани, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ *Ракшевскій*; церкви слободы Алексѣевки, Зміевскаго уѣзда, священникъ Варсонофій *Антоновскій*; Николаевской церкви заштатнаго города Чугуева, того же уѣзда, священникъ Θεодоръ *Юшковъ*; Троицкой церкви заштатнаго города Славянска, Изюмскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Дмитріевъ*; церкви слободы Селимовья, того же уѣзда, священникъ Петръ *Юшковъ*; церкви слободы Барвенковой, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ *Полмицкій*; церкви слободы Былбасовки, того же уѣзда, священникъ Никита *Шебатинскій*; церкви слободы Колядовки, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Шимловъ*; церкви слободы Шульгинки, того же уѣзда, священникъ Θεодоръ *Оружинскій*; церкви слободы Евсуга, того же уѣзда, священникъ Петръ *Литкевичъ*; церкви слободы Ново-Ольшаной, Купянскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Макаровскій*; церкви слободы Кабанья, того же уѣзда, священникъ Никита *Жуковъ*; церкви слободы Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, священникъ Мелетій *Чернявскій*; в) *камиллавою*—инспекторъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, священникъ Іоаннъ *Котовъ*; гор. Харькова, Свято-Духовской церкви священникъ Николай *Шосте*; церкви Харьковскаго тюремнаго замка священникъ Θεодоръ *Кіянцынъ*; церкви села Основы, Харьковскаго уѣзда, священникъ Георгій *Рудинскій*; церкви села Веселаго, того же уѣзда, священникъ Александръ *Бородаевъ*; церкви села Гавриловки, того же уѣзда, священникъ Симеонъ *Стеллецкій*; гор. Ахтырки, соборной Покровской церкви священникъ Гавріилъ *Бълюсовъ*; церкви слободы Бѣлки, Ахтырскаго уѣзда, священникъ Василій *Яновскій*; гор. Валокъ, соборной Преображенской церкви священникъ Андрей *Новскій*; гор. Сумъ, Николаевской церкви священникъ Симеонъ *Недѣлка*; гор. Сумъ, Петро-Павловской церкви священникъ Николай *Моценко*; церкви села Юнаковки, Сумскаго уѣзда, священникъ Николай *Черниговскій*; церкви слободы Малой Чернетчины, того же уѣзда, священникъ Степанъ *Крохатскій*; церкви слободы Мпхайловки, Зміевскаго уѣзда, священникъ Іосифъ *Кирше*; церкви села Лизи-

на, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Михаилъ *Согинъ*; церкви слободы Муратовой, того же уѣзда, священникъ Меодій *Лядскій*; церкви слободы Большой Бабки, Волчанскаго уѣзда, священникъ Василій *Ивановъ*; церкви села Василенкова, того же уѣзда, священникъ Феодоръ *Якубовичъ*; церкви слободы Пассековки, того же уѣзда, священникъ Павелъ *Ступницкій*; церкви слободы Михайловки, Лебедянскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Стеллецкій*; церкви села Деркачевки, того же уѣзда, священникъ Василій *Флоринскій*; церкви слободы Торской, Купянскаго уѣзда, священникъ Алексѣй *Отвоцевъ*.

II. Отъ 11 апрѣля 1901 года за № 1271, о награжденіи лицъ духовнаго званія за заслуги по гражданскому и военному вѣдомствамъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе протопресвитера военнаго и морскаго духовенства и предложенія Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора по ходатайствамъ свѣтскихъ начальствъ о награжденіи священнослужителей за заслуги по гражданскому и военному вѣдомствамъ. Приказали: На основаніи бывшихъ разсужденій, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поименованныхъ въ прилагаемомъ при семъ списокѣ духовныхъ лицъ удостоить означенныхъ въ списокѣ наградъ и для объявленія епархіальнымъ преосвященнымъ и протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства объ удостоенныхъ награжденіи напечатать въ журналѣ „Церковныя Вѣдомости“.

Списокъ лицамъ духовнаго званія Харьковской епархіи, кои Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія за заслуги по гражданскому и военному вѣдомствамъ ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества.

Камилавою—законоучитель Сумскаго реальнаго училища, священникъ Дмитрій *Куклярскій*; законоучитель Волчанской учительской семинаріи, священникъ Владиміръ *Раевскій*.

III. Отъ 11—25 апрѣля 1901 г за № 1343, о порядкѣ направленія ходатайствъ великовозрастныхъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ о допущеніи ихъ въ приемнымъ экзаменамъ для поступленія въ духовныя семинаріи.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 14 марта сего года за № 385, о разъясненіи по духовно-учебному вѣдомству порядка направленія ходатайствъ великовозрастныхъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ о

допущеніи ихъ къ пріемнымъ экзаменамъ для поступленія въ духовныя семинаріи. Приказали: По § 114 устава духовныхъ семинарій, въ I классъ семинарій поступають въ возрастѣ отъ 14 и не выше 18 лѣтъ. Никакія отступленія отъ этой нормы, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода 14 марта—2 апрѣля 1885 г., не должны быть допускаемы, при чемъ самое исполненіе 18-лѣтняго возраста слѣдуетъ относить къ 15 іюня, какъ разъяснено опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода 3—10 ноября 1899 года. Между тѣмъ нѣкоторые изъ воспитанниковъ духовныхъ училищъ, принятыя въ училище, на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода 3—23 августа 1891 года, въ предѣльномъ возрастѣ и затѣмъ оставшіеся по уважительнымъ причинамъ на повторительный курсъ въ томъ или другомъ классѣ, оканчиваютъ училищный курсъ, имѣя къ 15 іюня уже болѣе 18 лѣтъ отъ роду. Такъ какъ правленія семинарій, на основаніи существующихъ постановленій, не могутъ принять въ семинарію таковыхъ воспитанниковъ, то послѣдніе, или ихъ родители, съ просьбами о принятіи въ семинарію обращаются прямо въ Центральное Управление духовно-учебнаго вѣдомства, которое поставляется въ необходимость предварительно своего опредѣленія спрашивать отъ правленій подлежащихъ духовно-учебныхъ заведеній необходимыхъ свѣдѣній о возрастѣ того или другого воспитанника, а равно о его поведеніи, успѣхѣ и вообще степени благонадежности для продолженія образованія въ семинаріи. По такимъ свѣдѣніямъ большею частью оказывается, что прошенія великовозрастныхъ воспитанниковъ не заслуживаютъ уваженія и потому, на основаніи § 114 уст. дух. семинарій и опредѣленія Святѣйшаго Синода 14 марта—2 апрѣля 1885 года, оставляются безъ удовлетворенія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда, въ виду незначительнаго превышенія нормы возраста, оказывается возможнымъ разрѣшить великовозрастнымъ воспитанникамъ поступленіе въ семинарію, предварительныя сношенія Центрального Управления съ правленіями духовно-учебныхъ заведеній вызываютъ замедленіе въ движеніи дѣла, что въ свою очередь можетъ повести иногда къ нѣкоторымъ нежелательнымъ осложненіямъ, такъ какъ по введеніи съ 1900—1901 учебного года пріемныхъ экзаменовъ въ духовныхъ семинаріяхъ необходимо, чтобы всѣ дѣла о пріемѣ въ первый классъ семинаріи разрѣшались до начала пріемныхъ экзаменовъ. Обсудивъ взложенное, Святѣйшій Синодъ, какъ для устраненія бесполезной переписки по дѣламъ о великовозрастныхъ воспитанникахъ, такъ и для ускоренія и вообще наиболѣе цѣлесообразнаго движенія сихъ дѣлъ, признаетъ необходимымъ объ-

явить начальствамъ духовныхъ училищъ для разъясненія оканчивающимъ курсъ великовозрастныхъ воспитанникамъ, что, 1) тѣ изъ слухъ воспитанниковъ, которые къ 15 іюня будутъ имѣть болѣе 18 лѣтъ отъ роду, съ просьбами о допущеніи ихъ къ приемнымъ экзаменамъ для поступленія въ духовныя семинаріи должны обращаться къ мѣстнымъ епархіальнымъ преосвященнымъ, которые, по собраніи надлежащихъ свѣдѣній объ успѣхахъ ихъ и поведеніи за все время обученія въ училищахъ, или удовлетворяютъ означенныя ходатайства собственною властью, сообразно существующимъ постановленіямъ, или же входятъ по поводу ихъ съ особыми ходатайствами въ Святѣйшій Синодъ, и что, 2) всѣ таковыя просьбы великовозрастнымъ воспитанниковъ, направленные непосредственно просителями въ Центральное Управление духовно-учебнаго вѣдомства, помимо епархіальныхъ преосвященныхъ, впредь будутъ оставаться безъ разсмотрѣнія. О такомъ своемъ постановленіи Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: напечатать, для руководства по духовно-учебному вѣдомству, въ журналѣ «Церковныя Вѣдомости».

Узаконенія и распоряженія Правительства. Объ изданіи новыхъ правилъ о народныхъ чтеніяхъ.

Комитетъ Мнѣстровъ, выслушавъ дѣло объ изданіи новыхъ правилъ о народныхъ чтеніяхъ и признавая, что всѣ предположенія по настоящему дѣлу не касаются: а) вѣдомства православнаго исповѣданія, отъ котораго зависѣть будетъ, въ развитіе преподаваемыхъ Святѣйшимъ Синодомъ указаній, устанавитъ подробный къ руководству подвѣдомственныхъ лицъ порядокъ производства чтеній; б) постоянной комиссіи народныхъ чтеній, дѣйствующей на основаніи спеціальныхъ правилъ, и в) чтеній, устраиваемыхъ военнымъ вѣдомствомъ для воинскихъ частей въ помѣщеніяхъ оныхъ, — полагалъ:

I. Установитъ въ отношеніи народныхъ чтеній, учреждаемыхъ отдѣльными лицами, обществами и общественными учрежденіями, нижеслѣдующій порядокъ:

1) Народныя чтенія, устраиваемыя отдѣльными лицами, обществами и общественными учрежденіями, въ томъ числѣ и чтенія, устраиваемыя фабриками и заводами для своихъ рабочихъ, являясь однимъ изъ средствъ начальнаго народнаго образованія, подлежатъ общему руководству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

2) Чтенія для народа производятся по печатнымъ сочиненіямъ,

одобреннымъ для того Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и по изданіямъ постоянной комиссіи народныхъ чтеній, в могутъ состоять въ взустной передачѣ предположеннаго къ прочтенію сочиненія, не выходя изъ предѣловъ содержанія онаго. Въ особыхъ случаяхъ чтенія на таковыхъ же основаніяхъ могутъ производиться по сочиненіямъ печатнымъ, не вошедшимъ въ утвержденные каталоги, а также рукописнымъ, но не иначе, какъ съ одобренія директоромъ народныхъ училищъ каждаго въ отдѣльности изъ таковыхъ предположенныхъ къ прочтенію произведеній.

3) Устройство народныхъ чтеній разрѣшается директоромъ народныхъ училищъ. Въ ходатайствахъ объ устройствѣ чтеній должны быть указываемы время и мѣсто предполагаемыхъ чтеній и личный составъ чтецовъ, причемъ народныя чтенія производятся только лицами, къ принятію коима на себя обязанности чтеца не встрѣчается со стороны губернатора препятствій. Указанія губернатора на несоотвѣтствіе предположенныхъ для производства чтеній времени и мѣста имѣютъ точно также рѣшающее значеніе.

4) Надзоръ за соблюденіемъ порядка на чтеніяхъ устанавливается распоряженіемъ губернатора.

5) Губернатору предоставляется, въ случаяхъ встрѣтившейся необходимости, устранять получившихъ разрѣшеніе лицъ отъ дальнѣйшаго чтенія, а равно и прекращать самыя чтенія.

II. Испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на представленіе: Министру Народнаго Просвѣщенія и Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по взаимному ихъ соглашенію въ отношеніи подчиненныхъ имъ вѣдомствъ, а также всѣмъ министрамъ и начальникамъ главныхъ управленій, въ вѣдѣніи коихъ находятся учебныя или образовательнаго характера заведенія, по соглашенію съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, утвердить и преподать къ руководству подчиненнымъ каждому изъ тѣхъ вѣдомствъ мѣстамъ и лицамъ правила объ учрежденіи народныхъ чтеній при слѣхъ заведеніяхъ, въ помѣщеніяхъ оныхъ или внѣ таковыхъ, при посредствѣ состоящаго въ распоряженіи вѣдомствъ педагогическаго и учебно-административнаго персонала или занимающихся спеціальными отраслями знаній лицъ,—и

III. Предоставить по принадлежности: а) Министру Финансовъ, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, утвердить правила о народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ попечительствами о народной трезвости на основаніяхъ, указанныхъ въ сужденіяхъ Комитета по настоящему дѣлу, и б)

Министру Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, утвердить правила о спеціальныхъ народныхъ чтеніяхъ по медицинѣ и гвгіенѣ.

Государь Императоръ, 28-го января 1901 г., на положеніе Комитета Высочайше соизволилъ.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Правила приѣма сберегательными кассами условныхъ вкладовъ — залоговъ.

1. Для внесенія условнаго вклада—залога требуется представленіе вносителемъ копій условія или договора, въ которомъ должно быть обозначено, что контрагенты избрали сберегательную кассу мѣстомъ храненія залога.

2. Сберегательная книжка по такому вкладу составляется на имя залогодателя.

3. Залогъ—вкладъ возвращается залогодателю не иначе, какъ по представленіи имъ въ кассу удостовѣренія отъ подлежащаго учрежденія, что къ выдачѣ препятствій не имѣется.

4. По предъявленіи въ кассу книжки съ надписью подлежащаго казеннаго управленія о наложеніи въ опредѣленной суммѣ взыска- нія на вкладъ—залогъ, сему управленію предоставляется получить деньги по книжкѣ въ размѣрѣ, не превышающемъ капитальной суммы залога.

5. Залогодатель можетъ при внесеніи вклада или впоследствии указать лицо или учрежденіе, коему по освобожденіи отъ залога долженъ быть выданъ вкладъ послѣ его смерти.

6. Если по договору съ казеннымъ управленіемъ (п. 1) залогодатель не отказался отъ полученія 0/100 по своему залогу, внесенному въ сберегательную кассу на храненіе, то по его желанію, наросшіе на залогъ 0/100, вмѣсто причисленія ихъ къ капиталу, могутъ быть заносимы на открываемый для сего отдѣльный счетъ залогодателя съ выдачей ему обыкновенной сберегательной книжки, по которой истребованіе изъ кассы денегъ производится на общихъ основаніяхъ, установленныхъ для безсрочныхъ вкладовъ. Подписалъ управляющій *Плеске*. Скрѣпилъ Директоръ *А. Никольскій*.

На подлинномъ написано: Утверждаю.

Министръ Финансовъ. Статсъ-Секретарь *Витте*.

Февраля 7 дня 1901 года.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіального Женскаго Училища.

Совѣтъ училища извѣщаетъ духовенство Харьковской епархіи, что передержка экзаменовъ во всѣхъ классахъ училища назначена на 16-е августа н. г., а пріемные экзамены для поступления въ подготовительный, первый и въ остальные классы училища назначены на 17 и 18 августа; при чемъ Совѣтъ училища предупреждаетъ, что всѣ дѣвицы, которыя не явятся въ означенные дни къ экзамену или къ переэкзаменовкѣ, не будутъ впоследствии допущены къ экзамену вовсе, а къ переэкзаменовкѣ безъ представленія достаточно уважительныхъ причинъ неяви своевременно.

ЖУРНАЛЪ

Общаго Собранія Бѣлопольскаго Братства ревнителѣй вѣры и церкви православной во Имя Пр. Богородицы.

№ 1-й. 1901 года. Января 25—Марта 12.

Прибывъ въ собраніе въ 12 час. 25 января, члены Братства, въ количествѣ 27 человекъ, имѣли Общее годичное Собраніе, согласно 30 § устава Братства.

I. Торжество этого дня началось наканунѣ всенощнымъ бдѣніемъ, совершеннымъ мѣстнымъ благочиннымъ въ сослуженіи членовъ Братства въ Богородице-Рождественской церкви г. Бѣлополя. Въ самый день собранія въ томъ же храмѣ, замѣняющимъ собою городской Соборъ, совершена была о. о. братчиками Божественная литургія соборнѣ во главѣ съ тѣмъ же благочиннымъ, протоіереемъ А. Чугаевымъ. Въмѣсто причастнаго стиха о. предсѣдателемъ Братства, смотрителемъ Сумскаго духовнаго училища, священникомъ А. Грузовымъ было сказано приличное слово „Объ участіи хрстіанъ въ дѣлѣ распространенія св. вѣры“.

По окончаніи литургіи весь многочисленный соборъ іереевъ—братчиковъ, прибывшихъ на это торжество, во главѣ съ почетнымъ членомъ и учредителемъ Братства профессоромъ богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ Протоіереемъ Т. Ив. Буткевичемъ совершилъ молебное пѣніе съ канономъ Небесной Покровительницѣ Братства, Пресвятой Богородицѣ. За богослуженіемъ пѣли два хора, одинъ, такъ называемый, соборный и другой дѣтскій, составленный изъ учениковъ всѣхъ церковно-приходскихъ школъ г. Бѣлополя, въ количествѣ болѣе 50

человѣкъ. Стройно пѣлъ хоръ первый, но согласное и одушевленное пѣніе дѣтей производило еще болѣе умилятельное впечатлѣніе. Ученяки всѣхъ церковно-приходскихъ школъ города присутствовали за богослуженіемъ; много было и вообще жителей города въ храмѣ.

По окончаніи богослуженія ученикамъ церковно-приходскихъ школъ розданы были отъ Братства листики духовно-нравственнаго содержанія.

II. Общее Собраніе происходило въ помѣщеніи Пророко-Ильинской церковно-приходской школы. На немъ, кромѣ членовъ и сореволюателей Братства, присутствовало немало постороннихъ лицъ изъ простаго народа и интеллигенціи мѣстной. Собраніе было открыто пѣніемъ: „Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра“. За сѣмъ слѣдовала рѣчь профессора богословія протоіерея Т. Ив. Буткевича о русскомъ сектанствѣ вообще и злостраданіяхъ духовоборовъ въ Канадѣ, по новѣйшимъ источникамъ. Талантливый лекторъ увлекъ всѣхъ своимъ сообщеніемъ и часовая лекція показалась минутною. За сѣмъ дѣлопроизводитель совѣта Братства прочелъ слѣдующій отчетъ о дѣятельности Братства за истекшій годъ: Въ отчетномъ году Бѣлопольское Братство ревнителей вѣры и Церкви Православной во имя Пресвятыя Богородицы, кромѣ высокаго покровителя, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, имѣло въ своемъ составѣ: а) почетныхъ членовъ—7; б) пожизненныхъ—2; в) дѣйствительныхъ—43 и членовъ сореволюателей—29; всего 82 члена.

Совѣтъ Братства составляли слѣдующія лица: Предсѣдатель, смотритель Сумскаго духовнаго училища священникъ о. Аркадій Грузовъ; товарищъ предсѣдателя, священникъ Пророко Ильинской г. Бѣлополя церкви о. Максимъ Подлудкій; члены совѣта: городской судья г. Бѣлополя, статскій совѣтникъ Андрей Константиновичъ Петровскій, священникъ сл. Вировъ, Всѣхсвятской церкви, о. Викторъ Флоринскій, священникъ Николаевской церкви г. Сумъ о. Сумеонъ Недѣлька и священникъ с. Прорубъ Троицкой церкви о. Иванъ Ведринскій; обязанности казначея несъ послѣдній, а обязанности дѣлопроизводителя исполнялъ г. Петровскій.

Ревизионную комиссію составляли слѣдующія лица: священникъ Богородице-Рождественской церкви г. Сумъ. о. Платонъ Сорочинскій, священникъ Варваровской церкви с. Искрисковщины о. Андрей Клементьевъ и титулярный совѣтникъ Иванъ Степановичъ Рѣшетилловъ. Эта комиссія, ревизовавшая приходо-расходныя книги Братства съ относящимися къ нимъ документами, наличность

и веденіе дѣлъ въ Братской лавкѣ, отъ 19-го января сего года представила докладъ, изъ котораго видно, что за 1900 годъ на приходъ съ остаткомъ отъ 1899 года поступило: 1481 р. 19 к. и билетами 697 руб. 33 к.; в переходящихъ суммъ наличными—1241 руб. 33 коп.; израсходовано въ 1900 году изъ тѣхъ же суммъ наличными: 1386 руб. 31 коп. и переходящихъ: 927 руб. 53 коп. Запись прихода и расхода производилась правильно и своевременно—всѣ статьи расхода имѣютъ оправдательные документы. Остатокъ суммъ Братскихъ къ 1-му января 1901 года наличными 92 рубля 88 коп. и билетами—697 р. 33 коп. и переходящихъ наличными 313 руб. 80 коп. состоятъ на лицо.

При ревзій Братской лавки по торговлѣ книгами, иконами и пр. оказалось, что поступившіе на приходъ и въ расходъ предметы торговли записывались своевременно, торговая книга, имѣющаяся для этого, ведется правильно и всѣ предметы торговли, показанные въ торговой книгѣ, къ 1 января 1901 года состоятъ на лицо.

Болѣе подробный, такъ сказать детальный, отчетъ по приходу и расходу суммъ Братства и веденію дѣла въ Братской лавкѣ по иконно-книжной продажѣ былъ представленъ о. казначеємъ.

Въ теченіе отчетнаго года совѣтъ Братства имѣлъ 6 засѣданій: 5 очередныхъ и 1 общее годовичное. Предметами занятій въ этихъ засѣданіяхъ служили: заслушаніе періодическихъ отчетовъ казначея Братства о положеніи и движеніи суммъ Братства; обсужденіе и принятіе мѣръ къ увеличенію средствъ Братства и расширенію его круга дѣятельности, согласно цѣлямъ его, указаннымъ во 2 § Устава Братства. Въ цѣляхъ уясненія цѣлей Братства на Общемъ собраніи, бывшемъ 18 января 1900 года, по предложенію Совѣта, Епархіальнымъ миссіонеромъ Дмитріемъ Ивановичемъ Боголюбовымъ была сказана прекрасная рѣчь о несостоятельности основныхъ вѣроученій птундистовъ предъ свѣтомъ слова Божіа, ученія св. отцевъ и здраваго разума. Между другими мѣропріятіями и предложеніями совѣта относительно расширенія дѣятельности Братства заслужило одобреніе и утвержденія Его Высокопреосвященства намѣреніе Братства открыть отдѣленія по продажѣ иконъ, крестовъ и книгъ релігіозно-нравственнаго содержанія въ нѣкоторыхъ селахъ Сумскаго уѣзда, напр. въ Рѣчкахъ, Павловкахъ, Стецковкѣ, Ворожбѣ, Ульяновкѣ, Нпжней Сыроваткѣ и др. Отъ большинства настоятелей этихъ церквей получены совѣтомъ сочувственныя отзывы. Другимъ средствомъ одобреннымъ Епархіальною властію къ усиленію вліянія Братства было отправленіе

книгоношъ въ деревни и хутора Сумскаго уѣзда. На средства Братства содержится при церковно-приходской школѣ с. Павловокъ учитель—регентъ, избранный епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ; ежемѣсячно ему уплачивается 20 руб.

При ограниченности членскихъ взносовъ и поступленій отъ церкви сборовъ въ храмовые праздники, съ одной стороны, съ другой въ виду того, что первою цѣлью Братства по уставу намѣчено распространеніе въ народѣ Священнаго Писанія, разнообразныхъ книгъ, брошюръ и листовъ религіозно-нравственнаго содержанія, совѣтъ Братства обратилъ особенное вниманіе на расширеніе и увеличеніе оборотовъ братской лавки. Изъ прочитаннаго ранѣе отчета общее собраніе можетъ судить, что совѣтъ Братства въ этомъ отношеніи имѣетъ значительный успѣхъ. Три года назадъ обороты этой торговли не достигали 300 рублей. Въ прошломъ году они выразились въ суммѣ 700 р., въ настоящемъ же году они достигли 1220 руб. 65 коп. Совѣтъ Братства всегда сознавалъ, что для цѣлей Братства великую бы пользу принесли публичныя чтенія для народа, особенно противо-сектантскаго характера, но и здѣсь ограниченность средствъ давала себя чувствовать.

Въ настоящій же день мы благодаримъ Бога за то, что на просьбу Совѣта отвѣтилъ своею отзывчивостью намъ многоуважаемый и почтеннѣйшій по своей обширной и энергичной дѣятельности на нивѣ Христовой дѣлатель Дмитрій Ивановичъ Боголюбовъ, который изъявилъ желаніе сего 25 января прочесть бесплатно первую публичную лекцію для народа объ основныхъ заблужденіяхъ толстовцевъ.

III. Согласно § 9 устава Братства Общимъ собраніемъ признаны почетными членами Братства: Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Иннокентій, Епископъ Сумскій и Епархіальный миссіонеръ Дмитрій Ивановичъ Боголюбовъ, какъ лица, оказавшія своимъ нравственнымъ вліяніемъ и трудами особенныя услуги Братству.

IV. Членами ревизіонной комиссіи избраны тѣ же лица, что были въ прошломъ году.

V. Въ виду пятилѣтнихъ и многосложныхъ трудовъ о. казначея Совѣта, священника Іоанна Ведринскаго, по завѣдыванію братской лавочкой, дающей въ послѣдніе годы блестящіе результаты, Общее Собраніе единогласно постановило: выразить священнику Ведринскому благодарность за особые и полезныя труды по дѣламъ Братства, со внесеніемъ въ послужной списокъ, о чемъ и ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ.

VI. Товарищу предсѣдателя священнику Максиму Подлуцкому и члену совѣта—дѣлопроизводителю статскому совѣтнику Андрею Ковстаутиновичу Петровскому за усердіе и ревность къ дѣламъ Братства Общимъ собраніемъ выразить благодарность.

VII. Заключительнымъ актомъ дня Общаго Собранія было публичное богословское чтеніе, устроенное Братствомъ въ зданіи Городской Думы, въ 6 часовъ вечера, о чемъ заблаговременно жители города извѣщены были печатными афишами. Чтеніе было предложено Епархіальнымъ миссіонеромъ Дм. Ив. Боголюбовымъ: „Объ основныхъ заблужденіяхъ толстовцевъ“.—Слушателей на лекціи собралось столько, что зданіе Думы и половины ихъ не могло вмѣстить. Лампы и свѣчи отъ недостатка воздуха начинали тухнуть. Пришлось сдѣлать въ половинѣ чтенія невольный антрактъ для освѣженія помѣщенія. Чистая публика, которой было очень много на чтеніи, не хотѣла во время антракта оставлять свои мѣста, близкія къ столу лектора. Сверхъ программы объявленнаго чтенія профессоръ богословія Т. Ив. Буткевичъ сдѣлалъ сообщеніе о графѣ Л. Толстомъ и Д. Хилковомъ, какъ главныхъ руководителей мѣстнаго сектантства, на основаніи личныхъ наблюденій. Какъ чтеніе Боголюбова, такъ и сообщеніе талантливаго Профессора богословія имѣли поразительный успѣхъ. Посѣтители этихъ чтеній, уходя изъ залы Думы, выражали сердечную благодарность Совѣту Братства за устройство публичнаго чтенія по столь интересной программѣ.

VIII. Почетнымъ лекторомъ, принявшимъ на себя трудъ въ данномъ чтеніи, предсѣдатель совѣта Братства выразилъ глубокую благодарность.

IX. Настоящій журналъ Общаго Собранія постановлено представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства и, по утвержденіи, согласно § 33 Устава, напечатать въ Епархіальномъ Листкѣ журнала „Вѣра и Разумъ“.

Предсѣдатель Совѣта Братства, Священникъ *А. Грузовъ*.

Товарищъ Предсѣдателя, Священникъ *Максимъ Подлуцкій*.

Члены Совѣта: { Священникъ *Іоаннъ Ведринскій*.
 { Священникъ *Симеонъ Недѣлка*.

Дѣлопроизводитель, статскій совѣтникъ *Андрей Петровскій*.

На семь журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства отъ 22 марта с. г. слѣдующая: „Прочиталъ съ истиннымъ

угѣшеніемъ. Благодарю потрудившихся и на дальнѣйшую дѣятельность Братства призываю Божіе благословеніе“.

Епархіальныя извѣщенія.

По предложенію Его Высокопреосвященства отъ 17 сего мая, протоіерей Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря *Николай Оедоровскій* переведенъ въ слоб. Уляповку, Сумскаго уѣзда, а на мѣсто его переведенъ священникъ той же слободы *Митрофанъ Красинъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II.—Церкви и монастыри въ Россіи.—Примѣръ общаго плодотворнаго труда духовенства и мірянъ для церкви.—Изъ жизни отечественнаго духовенства.—Благочинныя сѣзды.—Предположеніи о болѣе близкомъ единеніи духовенства.—Примѣръ добраго вліянія пастыря на своихъ пасомыхъ.

9 февраля 1899 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на сооруженіе въ Вильнѣ памятника Императрицѣ Екатеринѣ II, какъ главной виновницѣ возвращенія Россіи оторгнутаго отъ нея Западно-Русскаго края. Осуществленіе этого патріотическаго дѣла быстро подвигается впередъ и весной будущаго 1902 года послѣдуетъ уже торжественное открытіе памятника. Въ настоящее время на каедральной площади, гдѣ будетъ находиться памятникъ, приступлено уже къ работамъ по кладкѣ фундамента, самая же статуя памятника отливается въ Парижѣ извѣстнымъ художникомъ-скульпторомъ Антокольскимъ. Памятникъ великой собирательницѣ земли Русской и освободительницѣ западно-русскаго народа, помимо мѣстнаго значенія, имѣетъ и обще-русское. Поэтому всѣмъ Русскимъ людямъ предоставлена была возможность принять матеріальное участіе въ осуществленіи обще-русскаго дѣла. Всероссийская подписка открыта была весной 1899 года, в тотчасъ же въ комитетъ по сооруженію памятника потекли пожертвованія со всѣхъ концовъ Россіи. Изъ поступившихъ до сего времени крупныхъ пожертвованій нельзя не отмѣтить: отъ московскаго дворянства—500 руб., отъ офицеровъ 1-го Мортирнаго полка—500 руб., отъ Харьковской духовной консисторіи—891 руб., отъ духовенства Холмска-Варшавской епархіи—244 руб., отъ Тифлисской судебной палаты—246 руб., отъ Туркестанской духовной консисторіи—139 р. и т. д. Частныя пожертвованія притекаютъ безостановочно. Особенно щедро откликнулись центральныя русскія губерніи: Москов-

ская, Владимірская, Тамбовская и др., приславшія пожертвованій отъ 1.500 до 2.000 рублей каждая. Много пожертвованій поступило также отъ Сибиря и другихъ дальнихъ окраинъ. Въ Сѣверо-Западномъ краѣ подписные листы были разосланы по всѣмъ волостямъ и всѣ они очень скоро оказались исписанными кругомъ пожертвованіями отъ 3 до 20 копѣекъ. Вмѣстѣ съ отпущенными по Высочайшему повелѣнію на сооруженіе памятника 75.000 руб., комитетъ располагаетъ въ настоящее время суммой свыше 110.000 руб. Притокъ пожертвованій, между тѣмъ, еще продолжается. Объ отзвѣчивости мѣстныхъ русскихъ людей можно судить потому, что одинъ изъ нихъ, купецъ А. М. Пименовъ, всецѣло принялъ на свой счетъ устройство фундамента подъ памятникъ. По окончательво нынѣ одобренному и утвержденному проекту памятника, основаніемъ его будетъ служить гранитная полированная платформа, съ тремя ступеньками; на платформѣ этой будетъ помѣщаться гранитный же пьедесталъ въ шесть аршинъ вышины съ барельефами и надписями. На пьедесталѣ будетъ стоять бронзовая статуя Императрицы Екатерины II во весь ростъ, въ царскомъ одѣяніи, со скипетромъ и державою. Вышина статуи 3½ аршина; она будетъ вызолочена, ордена, ленты и др. части эмалированы, а въ скипетрѣ и державѣ будутъ цвѣтные камни. Высота всего памятника 11 аршинъ, что достаточно говоритъ объ его величественности. Что же до художественности памятника, то имя Антокольскаго служатъ достаточнымъ тому ручательствомъ. Памятникъ, такимъ образомъ, будетъ вполне достойнымъ для увѣковѣченія памяти Великой Русской Императрицы, возвратившей Россіи огромный край отъ Западной Двины до Днѣпра. Памятникъ будетъ находиться вблизи недавно открытаго памятника графу М. Н. Муравьеву, который явился въ Западномъ краѣ довершителемъ объединительнаго дѣла Великой Екатерины, и возлѣ памятника бюста великому народному русскому пѣвцу Пушкину. Вокругъ памятника будетъ разбитъ скверъ, пересѣченный двумя широкими поперечными аллеями. Въ центрѣ пересѣченія этихъ аллей будетъ стоять памятникъ, обращенный лицомъ къ Пушкинскому скверу. Комитетъ по сооруженію памятника прилагаетъ всѣ усплія къ скорѣйшему сооруженію и открытію памятника. Въ этихъ видахъ сдѣлано было даже отступленіе отъ обычнаго порядка въ такихъ случаяхъ—устройства конкурса на составленіе проекта, всегда замедляющаго дѣло. Составленіе проекта и изготовленіе статуи памятника прямо было поручено г. Антокольскому съ обязательствомъ доставить готовую статую на мѣсто не позже 1-го апрѣля

1902 года. Проектъ г. Антокольскаго оказался чрезвычайно удачнымъ и вполнѣ одобренъ Комитетомъ. «Моск. Вѣд.».

— По отчету Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, къ концу 1898 года приходскихъ церквей съ единовѣрческими въ Россіи было 36,839. Соборовъ и соборныхъ городскихъ церквей было 718, изъ нихъ 69 кафедральныхъ; приходскихъ церквей 36,561; приписныхъ къ нимъ кладбищенскихъ, домовыхъ и другихъ свыше 10,300, часовень и молитвенныхъ домовъ 18,567. Въ теченіе отчетнаго года построено 689 церквей (каменныхъ 240, деревянныхъ 449), часовень и молитвенныхъ домовъ 209 (каменныхъ 47 и деревянныхъ 162). Изъ числа вновь построенныхъ и освященныхъ церквей, по значенію и цѣли сооруженія, а также по стилю и богатству украшенія, особенно выдѣляются три храма: во имя Пресвятой Богородицы „Всѣхъ скорбящихъ радости“, что на Стекляномъ въ С.-Петербургѣ; во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, въ Вильнѣ, и во имя Милующей Божіей Матери, въ Галерной гавани—въ С.-Петербургѣ. Скорбященская церковь въ селеніи Стеклянаго завода, по Шлиссельбургскому тракту, сооружена вблизи деревянной часовни, въ которой отъ бывшаго въ ней въ 1888 г., происшедшаго отъ молніи, пожара, чудесно сохранилась икона Божіей Матери „Всѣхъ Скорбящихъ радости“. Часовня не могла, по тѣснотѣ, вмѣщать всѣхъ стекавшихся во множествѣ богомольцевъ и потому признана была необходимостью построить рядомъ съ нею храмъ, въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ крайне нуждались и жители Стеклянаго завода. Церковь построена исключительно на добротныя пожертвованія благочестивыхъ богомольцевъ, и стоимость ея простирается до 200,000 рублей. Александроневская церковь въ гор. Вильнѣ сооружена виленскимъ православнымъ Свято-Духовскимъ братствомъ въ увѣковѣченіе памяти въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III, и въ благодарность къ Его высокому покровительству, которое Онъ оказывалъ братству по званію его почетнаго члена. Храмъ во имя Милующей Божіей Матери, въ Галерной гавани, въ С.-Петербургѣ построенъ въ память Священнаго Коронованія Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Земля подъ храмъ отведена морскимъ вѣдомствомъ. Церковь строилась по проекту инженеровъ Косякова и Пруссака—въ византийскомъ стилѣ. Въ 1898 году учреждены вновь два мужскихъ монастыря: Богоявленскій, въ городѣ Житомирѣ, волынской епархіи, и Пророчицкій—въ имѣніи умершей иранской купеческой вдовы Анны Бѣляевой, близъ селенія Цепегна, иранскаго уѣзда, вят-

ской епархіи. Кромѣ того, возведено въ монастырь Вировское отдѣленіе Лѣснинскаго женскаго монастыря, соколовскаго уѣзда, сѣдлецкой губ., съ наименованіемъ его Вировскою Всемилостиваго Спаса женскою пустынею. Въ теченіе года возведены въ общезнаменитыя монастыри женскія общины: 1) Покровская Владикавказская, 2) Вершино-Сумская Покровская Черемисская, Козмодемьянскаго уѣзда, 3) Покровская, что при церкви села Парасковьяна, стерлитамакскаго уѣзда, уфимской епархіи, 4) Покровская, въ городѣ Орскѣ, оренбургской епархіи, 5) Борцовская, Крестовоздвиженская, веневскаго уѣзда, тульской епархіи. Кромѣ того вновь учреждено десять женскихъ общинъ. Находящаяся въ сѣдлецкой губерніи Вировская женская обитель, въ естественномъ развитіи своей плодотворной религіозно-просвѣтительной и благотворительной дѣятельности, встрѣчала весьма существенное препятствіе въ крайне ограниченномъ размѣрѣ принадлежащаго обители участка земли. Объ этой нуждѣ Вировской обители Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ представлено было на Высочайшее благоволеніе Государя Императора, и Его Императорскому Величеству на докладѣ по настоящему предмету, 23-го мая 1898 года, благоугодно было Собственноручно начертать: „Благотворная дѣятельность общины имѣетъ важное значеніе для всего населенія въ краѣ. Приобрѣтеніе земли настоятельно необходимо. Нужную для этого сумму 6,000 рублей жертвую отъ Себя“. Милостивое и многознаменательное слово и дѣло Государя Императора наполнило радостью сердца русскихъ людей, чуткихъ къ разумнымъ потребностямъ такихъ общепользовательныхъ учрежденій, каковыя является Вировская женская обитель, гдѣ святой монашескій подвигъ идетъ рука-объ-руку съ ревностнымъ и неутомимымъ трудомъ, направленнымъ къ просвѣщенію всего окрестнаго населенія, безъ различія вѣры и народности, и къ врачеванію, въ предѣлахъ предоставленной обители возможности, его тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ. Для Вировской же обители Высочайшая милость послужила прочнымъ залогомъ ея дальнѣйшаго роста и процвѣтанія.—Въ часъ ночи на 8-е марта 1898 года въ курскомъ Знаменскомъ монастырѣ произошелъ взрывъ сильнаго взрывчататаго вещества, подложеннаго злоумышленникомъ подъ сѣнь, въ которой помѣщается чудотворная икона Знаменія Пресвятыя Богородицы. Этимъ взрывомъ разрушены были: сѣнь, чугунная ступень, свѣщникъ, стекла въ окнахъ; повреждена также стѣна, давшая трещину. Но святая икона чудеснымъ образомъ осталась нерушимой среди обломковъ «Цер. Вѣстн.».

— Прекрасные примѣры общаго плодотворнаго труда духовен-

ства и міринъ для церкви представляет дѣятельность нѣкоторыхъ существующихъ учрежденій, служащихъ просвѣщенію православныхъ инородцевъ въ Россіи, въ томъ числѣ и юнаго с.-петербургскаго православнаго эстонскаго братства. Согласно послѣднему братскому отчету за 1900 годъ, средствами для содѣйствія религіозно-правственному преуспѣванію эстонцевъ служили: духовныя бесѣды въ церкви и школѣ, общее пѣніе послѣ бесѣдъ, книжный складъ и бібліотека, читальня, собранія братчиковъ-эстонцевъ для обсужденія ихъ религіозныхъ нуждъ. Въ веденіи школьныхъ бесѣдъ участвовалъ, помимо всѣхъ членовъ эстонскаго причта, также студенты спб. духовной академіи, знающіе эстонскій языкъ. На бесѣдахъ бывало до сотни и даже нѣсколько болѣе слушателей, и тогда все помѣщеніе школы переполнялось посѣтителеми до тѣсноты. Книжное дѣло въ братствѣ пошло сравнительно довольно живо: операціи книжнаго склада по возможности расширены; бібліотека братская увеличилась; открыта читальня въ одной изъ двухъ комнатъ братской школы, гдѣ располагающіе досугомъ, по большей части въ вечернее время, прихожане могутъ читать и читаютъ газеты и журналы хорошаго направленія, здраво рассуждающіе объ общественной политикѣ и потому составляющіе хорошее противоядіе нѣкоторымъ германофильствующимъ и лютеранствующимъ ивородческимъ листкамъ. Братство оказывало и матеріальную поддержку бѣдствовавшимъ въ Петербургѣ эстонцамъ, но, конечно, при скудости пока братскихъ средствъ, въ небольшихъ размѣрахъ.

«Церк. Вѣстн.».

— Въ недавнее время сдѣлался пзвѣстенъ изъ епархіальныхъ журналовъ нѣкоторыя стороны достойнѣйшей пастырской дѣятельности и подлинно христіанской, иногда почти аскетической, жизни нѣсколькихъ приходскихъ священниковъ. Въ одномъ южно-русскомъ епархіальномъ изданіи сообщается о замѣчательной во многихъ отношеніяхъ жизни одного изъ станичныхъ священниковъ. Рано лишившись жены и дѣтей, онъ болѣе 40 лѣтъ прожилъ въ сторожкѣ при церкви, какъ истинный отшельникъ, хотя жизнь его была открыта для всей паствы. Потерявъ семью, онъ всю свою любовь перенесъ на духовныхъ дѣтей—прихожанъ. Его благоговѣйное совершеніе богослуженія привлекало молящихся не только изъ прихода, но и изъ отдаленныхъ мѣстностей. Получая за труды не скудное вознагражденіе, онъ жилъ и умеръ бѣднякомъ: все, что получалъ, онъ слѣшилъ раздавать родственникамъ и бѣднымъ прихожанамъ. Онъ любилъ кормить всѣхъ голодныхъ—нищихъ, странниковъ, надѣляя ихъ деньгами, а подчасъ и своею одеждою. Жив-

вя въ церковной сторожкѣ, онъ раздѣлялъ и труды сторожей: въ митель производилъ звонъ въ колоколъ, билъ часы. Умеръ онъ, какъ вѣрный воинъ, на чредѣ служеніи. Несмотря на недомоганье, онъ не желалъ оставить прихожанъ безъ молитвеннаго утѣшенія въ праздникъ Крещенія Господня, и, обходя дома ихъ съ св. водою, занемогъ смертельно. Благодарные прихожане станицы приняли всѣ расходы по погребенію своего „милостиваго батюшки“ на счетъ станичнаго общества. На отиѣваніе его, совершенное десятию священниками, собралась и жители окрестныхъ приходоу.— Другой, нынѣ также умершій, священникъ Привпелянскаго края свое служеніе считалъ выше всего. О покойномъ смѣло можно сказать, что онъ зналъ одну дорогу—въ церковь. О томъ, какъ относился онъ къ исполненію обязанностей, можно судить по слѣдующему.—25 декабря минувшаго года покойный чувствовалъ себѣ уже очень плохо. Несмотря однако на просьбы родныхъ остаться дома, онъ собрался съ послѣдними силами, пошелъ въ церковь, отслужилъ всенощную, литургію и молебенъ, но изъ церкви домой уже не могъ придти, его привезли. Лежа на одрѣ болѣзни, онъ скорбѣлъ, что вынужденъ опускать богослуженіе въ дни такого великаго праздника. Когда сосѣдній священникъ, навѣстившій больнаго, совѣтовалъ ему въ день Новаго года въ церковь не спѣшить, онъ сказалъ: „Не могу; 1-го января великій праздникъ; народъ и такъ уже другой день безъ Богослуженія; на Новый годъ я долженъ быть въ церкви“. Въ этотъ день онъ и явился въ церковь, но не для совершенія богослуженія, чего такъ жаждала его душа, а лежащимъ въ гробѣ. Большую часть жизни своей покойный провелъ въ храмѣ за богослуженіемъ, и съ мыслью о храмѣ и богослуженіи онъ и умеръ. Выйдя изъ народа, онъ всю жизнь свою посвятилъ на служеніе тому же народу. Послѣдній попалъ его любовь, и въ радости и въ горѣ сиѣшилъ къ своему батюшкѣ за совѣтомъ и указаніемъ. Слово его для прихожанъ было свято.— Жизнь третьяго священника также представляетъ одинъ изъ примѣровъ замѣчательной отданности своему церковно-приходскому служенію. Пишетъ объ этомъ священникъ свѣтскій человекъ, помѣщикъ одной изъ приволжскихъ губерній, впервые узнавшій его 30 лѣтъ назадъ и еще въ 1874 году сообщавшій въ «Вѣстникѣ Европы», въ статьѣ „Странствованіе по школамъ“, объ удивительной предавности этого священника, тогда еще молодого человека, церковно-учительскому дѣлу. Его трудомъ и энергіею многое въ приходѣ измѣнилось до неузнаваемости. Прежнее темное и холодное помѣщеніе школы замѣнено, при помощи мѣстнаго помѣщика,

новымъ и лучшимъ; три питейныхъ заведенія въ селеніи закрыты; коровое пѣніе въ церкви, прежде запущенное, было улучшено; прежняя бѣдная сельская церковь расширена и украшена такъ, что въ ней трудно признать прежнюю церковь. Священникъ этотъ принялъ за правило каждое воскресенье говорить поученія, прямо направленные на обычную, не всегда безупречную жизнь мѣстнаго населенія, и его слова, какъ показало время, не пропали даромъ. Прихожане, сначала недовѣрчиво слѣдившіе за дѣятельностью священника, впоследствии оцѣнили ее. Они сами, безъ посторонняго вмѣшательства, нашли неудобнымъ хожденіе пастыря по приходу для сборовъ съ пудовкой въ рукахъ, и добровольно назначили ему ежегодно по 500 пудовъ отсыпнаго хлѣба и 100 рублей жалованья, и такимъ образомъ для этого священника было устранено одно изъ самыхъ тяжелыхъ условій въ быту сельскихъ причтовъ. О томъ, какъ цѣнилъ потомъ приходъ своего священника, показали проводы послѣдняго при назначеніи его на новое высшее мѣсто. Пишущій объ этомъ говоритъ, что онъ, въ теченіе своей долгой жизни, еще никогда не видалъ такого проявленія общей любви къ человѣку и былъ этимъ пораженъ. Кругомъ только и слышалось—„больно уже сердобольный былъ: съ какой бы просьбой ты ни пришелъ,—хлѣба ли, денегъ ли попросить, за совѣтомъ ли,—всякому готовъ онъ помочь, и всѣ наши дѣла за свои считалъ“.—Есть среди духовенства люди замѣчательно цѣльные. „Это былъ“,—читаемъ въ «Калуж. Епар. Вѣд.» объ одномъ недавно умершемъ протоіерѣ,—„типичный представитель того почетнаго склада церковныхъ дѣятелей, которые усвоивъ Божественныя истины вѣроученія и нравственности, отдають своему служенію всѣ свои духовныя и физическія силы. Преданность велѣніямъ Господнимъ проникаетъ ихъ всецѣло. Оттого ихъ священнослуженіе, совершается ли оно въ храмѣ или въ домахъ, неизмѣнно благоговѣйно, отношенія къ ближнимъ проникнуты любовью и справедливостію, начальственныя отношенія мирны и скромны, личное поведеніе безукоризненно и вся жизнь назидательна. Къ сонму подобныхъ служителей церкви принадлежалъ и почившій. Службы Божія всегда совершались имъ съ неоставлявшимъ его страхомъ Божіимъ. Служитель Божій всегда и вездѣ предзрѣлъ Господа одесную себя. Онъ не зналъ дѣленія богослуженій на важныя, менѣе важныя и неважныя. Въ его сознаніи они всѣ были важны, потому что содержали въ себѣ служеніе Богу соприсутствующему. Совершая ихъ, онъ ни на минуту не забывалъ своего значенія—таинственнаго посредника между Богомъ и молящимися. Поэтому

вполнѣ естественны были отзывы прихожанъ объ его богослуженіи: „храмовой ли праздникъ, будній ли день, а у нашего отца протоіеря — все одна служба“, въ смыслѣ чинности и благоговѣйности. Возвышенное настроеніе это отражалось и на отношеніяхъ его къ ближнимъ“. — Многіе изъ такихъ добрыхъ пастырей, особенно изъ „простецовъ“, проходятъ жизнь свою, ничѣмъ особенно не выдѣлвшись и, для стоящихъ въ сторонѣ отъ нихъ почти незамѣтно; а между тѣмъ эта жизнь ихъ бываетъ въ высокой степени поучительна и плодотворна. Говоря объ одномъ изъ священниковъ этого рода, нынѣ умершемъ, органъ Полтавской епархіи замѣчаетъ: „На приходъ свой смотрѣлъ онъ какъ на иву Божію и предлагалъ къ ней все свое усердіе, дабы Божественное сѣмя ученія Христова производило обильные плоды. Своихъ поученій онъ не составлялъ, всегда читалъ проповѣди по книгѣ, выбирая самыя простыя и назидательныя поученія. Любимымъ сборникомъ и почти настольною книгою былъ у него поученія Родіона Путятина. Съ начала изданія Троицкихъ листковъ онъ сталъ ревностнѣйшимъ распространителемъ этого чтенія. Либо самъ, на свои средства, выпшетъ рублей на 15 этихъ листковъ для раздачи народу, или же пригласитъ къ пожертвованію на это когонибудь изъ прихожанъ. Въ лѣтнюю пору, въ дни богослуженія, послѣ утрени, собирается бывало прихожанъ въ церковную ограду, прочтеть имъ два—три поученія, какія почему-либо обратили на себя особенное его вниманіе, и завяжется у нихъ самая оживленная и душевная бесѣда по поводу прочтѣннаго. Желающимъ вручались при этомъ и листки. Дѣтямъ—грамотеямъ, за обдуманные отвѣты по священной исторіи, знаніе молитвъ и заповѣдей, листки раздавались щедрою рукою“.

«Цер. Вѣст.».

— Отдѣльныя лица изъ духовенства и мірянъ видимо несравненно чаще, чѣмъ прежде, объединяются нынѣ въ совмѣстномъ трудѣ для многихъ общихъ церковно-епархіальныхъ и церковно-приходскихъ дѣлъ, и въ томъ явленіи пельзи не видѣтъ многообѣщающаго признака. Однимъ изъ средствъ для такого объединенія служатъ сѣзды духовенства съ программами дѣятельности болѣе обширными, чѣмъ въ прежнее время, въ частности—благочинническіе сѣзды. Опытъ обращенія къ такимъ сѣздамъ, какъ къ средству для объединенія духовенства, и именно для миссіонерской дѣятельности, былъ сдѣланъ недавно въ вятской епархіи. Доселѣ на благочинническихъ сѣздахъ въ этой епархіи почти никогда не бывало сужденія о миссіонерскомъ служеніи, которое считалось какъ бы дѣломъ постороннимъ, не относящимся къ пред-

метамъ, обсуждаемымъ на съѣздахъ, а касающемся исключительно однихъ миссіонеровъ. Теперь положеніе дѣла въ епархіи должно измѣниться. На вятскихъ благочинническихъ съѣздахъ сдѣлано слѣдующее: въ помощь уѣзднымъ противораскольническимъ миссіонерамъ на 20 съѣздахъ пзбрапы окружныя миссіонеры, при чемъ по мѣстамъ положено имъ и небольшое вознагражденіе на прогоны и путевое содержаніе; нѣкоторыми съѣздами назначены суммы на пополненіе книгами существующихъ противораскольническихъ библіотекъ, на заведеніе новыхъ библіотекъ и на выписку книгъ; для ослабленія раскола признано желательнымъ устройство кружковъ ревнителей православія пзъ крестьянъ, найдено необходимымъ для членовъ причтовъ— всемѣрно стараться избѣгать торпливости при совершеніи богослуженій и вести жизнь трезвенную и благопристойную; намѣчены мѣстности, въ которыхъ необходимо устроить новыя церкви, новыя церковныя и братскія школы; представлены карты приходовъ, съ обозначеніемъ селъ, деревень и починокъ и съ указаніемъ, при помощи условныхъ знаковъ, населенія: русскаго, ипородческаго, раскольническаго, языческаго, а также церквей, часовень, церквей-школъ, школъ церковныхъ, мпвистерскихъ, земскихъ и братскихъ, раскольническихъ моленъ, татарскихъ мечетей, языческихъ мольбищъ; на поляхъ картъ сообщены свѣдѣнія о числѣ деревень и починокъ, о численности православныхъ, раскольниковъ, уклонившихся, язычниковъ и пр. Вообще, по отзыву вятскаго епарх. миссіонера, этотъ первый опытъ объединенія духовенства чрезъ благочинническіе съѣзды для дѣла миссіи показалъ, что благоч. съѣзды могутъ быть въ этомъ отношеніи весьма полезны.

«Цер. Вѣст.».

— Весьма часто выражаются нынѣ пожеланія дальнѣйшаго и большаго объединенія духовенства и прихожанъ въ общемъ ихъ служеніи церкви, и это явленіе также нужно признать въ высокой степени важнымъ. Живое сознаніе недостаточности существующихъ видовъ общаго труда членовъ церкви для нуждъ послѣдней служить значительной порукой въ дальнѣйшемъ усиленіи общенія членовъ церкви для общецерковнаго дѣла. Сознаніе это касается различныхъ сторонъ церковной жизни. Въ послѣднее время въ вятскомъ журналѣ было указано на необходимость того, чтобы всѣ священники и діаконы, а также и всѣ приходскія попечительства входили въ составъ постоянныхъ членовъ епархіальнаго братства. Въ ставропольскомъ епарх. органѣ напечатана однимъ священникомъ обстоятельная статья о подъемѣ братскаго союза въ духовен-

ствѣ епархіи, въ которой авторъ указываетъ на желательность уясненія духовенствомъ, въ его собраніяхъ, слѣдующихъ запросовъ, выдвигаемыхъ жизнью. Прежде чѣмъ заводить общее пѣніе въ церквахъ, какъ улучшить кляросное церковное пѣніе? Кто обязательно, безирекословно и безъ ущерба для своего дѣла можетъ замѣнить у насъ большого священника тамъ, гдѣ священникъ одинъ въ приходѣ? Чѣмъ и какъ пробудить упавшій духъ тѣхъ псаломщиковъ, которые не имѣютъ правъ на діаконо-учительство? Гдѣ духовенству искать оплота отъ новаго притока въ среду его нежелательныхъ элементовъ, каковы, напр., сбившіеся съ круга учителя минувш. школъ? Гдѣ мѣра къ предупрежденію слѣдствій по ложнымъ доносамъ на духовенство, незаслуженно и надолго унижающихъ въ приходѣ авторитетъ священства? Гдѣ способъ перевести изъ отдаленнѣйшихъ угловъ юртовыхъ владѣній частв причтовыхъ земель, для личнаго пользованія ими, необходимаго нынѣ, ближе къ церквамъ? Чѣмъ гарантировано причтовое землепользование отъ произвола приходскихъ обывателей? По мнѣнію ставропольскаго священника, эти и другіе подобныя вопросы, давно назрѣвшіе, имѣютъ несомнѣнную важность въ быту духовенства и, въ случаѣ правильнаго разрѣшенія ихъ, причтамъ жилось бы лучше; разрѣшеніе же это можетъ быть достигнуто проще всего путемъ совѣщаній на сѣздахъ «Цер. Вѣст.».

— Благочинный церковей 4 богородицкаго округа Тульской губерніи, священникъ Алексѣй Ильинскій, представилъ, по словамъ «Тул. Епарх. Вѣдом.» преосвященнѣйшему Питириму, епископу тульскому и бѣлевскому, рапортъ священника села Никольской Каменки Іоанна Кутепова и приговоръ его прихожанъ, составленный 28 августа 1899 г., объ установленіи ими ежегодно благодарнаго моленія, съ чтеніемъ акаѳиста Пресвятой Троицы, на день Св. Духа, въ присутствіи всѣхъ прихожанъ, по случаю уничтоженія у нихъ нехристіанскаго обычая проводить день Св. Троицы съ пѣснями и плясками, при завиваніи въ лугахъ и лѣсахъ вѣнковъ и винопитія. На рапортѣ о семъ благочиннаго 16 ноября того же года за № 8532 владыкой положена такая резолюція: „Благодареніе Господу Богу! Добрую мысль положила Господь на сердце добраго пастыря. Да благословитъ Господь и пастыря и пасомыхъ его, внявшихъ голосу своего пастыря. Извлеченіе изъ сего приговора въ назиданіе другимъ сообщить для напечатанія въ редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ПЛОДЫ УЧЕНІЯ ГРАФА Л. В. ТОЛСТОГО.

(Исповѣдь раскаявшагося толстовца).

М. А. С-ко. Тула. 1901 г.

Цѣна книги: съ пересылкой 45 к. за экземпляръ, безъ пересылки—40 к. При требованіи въ количествѣ не менѣе 10-ти экземпляровъ дѣлается скидка по 5 к. съ экземпляра какъ изъ той, такъ и изъ другой цѣны. Выписывать можно: 1) изъ Тульского Епархіальнаго книжнаго склада (въ Тулѣ, на Кіевской ул. и 2) отъ автора, М. А. С-ко (адресъ: Богуславъ Кіевской губ., Колескаго уѣз., Николаевскій монастырь).

НОВОЕ ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА.

СЕМЕНЪ ГРУЗЕНБЕРГЪ

„НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ ШОПЕНГАУЭРА“

Критика основныхъ началъ философіи Шопенгауэра

С.-Петербургъ, 1901 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Продолжается подписка на 1901 г. (VIII-й г. изд.)

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе П. П. Сойкина подъ редакціей д-ра философіи М. М. Филиппова.

«Научное Обозрѣніе» не специальный, но общій журналъ, имѣющій въ виду всѣхъ читателей, интересующихся успѣхами науки, а также выдающимися литературными явленіями. Вступая въ XX вѣкъ, одной изъ задачъ котораго является распространеніе научнаго образованія въ возможно широкихъ кругахъ общества, журналъ нашъ посвятитъ особое вниманіе вопросамъ самообразованія. Съ этою цѣлью редакція «Научнаго Обозрѣнія» рѣшилась присоединить къ журналу рядъ популярныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній, подъ общими заглавіемъ: **Народный университетъ**. Для напечатанія въ «Народномъ университетѣ» имѣется, между прочимъ, слѣдующее: Происхожденіе животнаго міра.—Міръ въ каплѣ воды.—Невидимые враги.—Происхожденіе и значеніе денегъ.—Чудеса электричества.—Мозгъ, какъ органъ мышленія.—Прогулки по небу.—Доисторическій человѣкъ. Текстъ поясненъ чертежами рисунками и хромофотографіями. Книга пятая журнала вышла 1 Мая. Содержаніе: I. Право и нравственность, какъ явленія всемірной культуры. Проф. П. Казапскаго. II. Возвышенное, его идеи и культурныя проявленія. Проф. Л. Саккети. III. Сельско-хозяйственныя общества на Западѣ. П. Керчикера. IV. Психологія моды. Георга Зиммеля. V. Химизмъ и біологическое значеніе секреторнаго пищеваренія. Приватъ-доцента В. Завьялова. VI. Причина тяготѣнія. (Съ рис.). К. Якубовича. VII. Историческіе очерки XIX вѣка. Проф. А. Трачевскаго. VIII. Письма о современной литературѣ. М. Филиппова. IX. Стрѣлочникъ Тиль Гергардта Гауптмана. X. Реформа гимназій и университетовъ. М. Ф. XI. Научная хроника. XII. Обзоръ журналовъ XIII Критика и библиографія. XIV. Русскій этнографическій отдѣлъ музея Императора Александра III. В. Передольскаго. XV. Письмо въ редакцію. XVI. Книги, присланныя въ редакцію для отзыва XVII. Книги, поступившія въ княж. складъ П. П. Сойкина. XVIII. Объявленія. Приложение: «Народный Университетъ»: Доисторическій человѣкъ. Подписная цѣна на годъ безъ доставки въ Слб. 6 р. 50 к. Съ доставкой и пересылкою по всей Россіи 7 р. За границу 10 р. Допускается разсрочка при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р., къ 1 іюля остальные, или по одному рублю, начиная съ декабря. Главная контора журнала: С.-Петербургъ, Стремянная ул. собственный д., № 12.

Московская Синодальная Типографія.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода на Московскую Синодальную Типографію возложена вся книжная торговля Синодальными и другими изданіями для иногороднихъ покупателей, за исключеніемъ губерній: С.-Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Псковской, Эстляндской, Курляндской, Лифляндской и Финляндіи. Вслѣдствіе сего съ требованіями на книги гг. покупатели благоволятъ обращаться въ Главный складъ Синодальныхъ изданій (Москва, Никольская улица, Московская Синодальная Типографія).

Каталоги съ подробными условіями продажи книгъ высылаются по требованію бесплатно.

Поступили въ продажу слѣдующія новыя изданія:

Собраніе акаѣистовъ въ 32 д. л.
церк. печ., безъ кинов.

Томъ 1-й, въ бум. 30 коп.

Акаѣисты: Сладчайшему Іисусу, Пресвятѣй Троицѣ, Живоносному Гробу и Воскресенію Христову, Божественнымъ Страстямъ Христовымъ.

Томъ 2-й, въ бум. 45 коп.

Акаѣисты: Пресвятѣй Богородицѣ, Успенію, Покрову, Ик. Утоли моя печали, Троиручицѣ, Толгской и Неопалимой Кузницѣ.

Томъ 3-й Книга 1-я, въ бум. 65 к.

Акаѣисты: Арх. Мнхалу, святителямъ: Николаю, Леонтію Ростов., Арсенію Тверскому, Петру Митроп., Гурію, Варсонофію Казанск. Дмитрію Ростов., Митрофану Воронежск., Феодору и Іоанну Суздальск., великом. Георгію, муч. Авраамію и великомуч. Варварѣ.

Томъ 3-й, Книга 2-я, въ бум. 80 к.

Акаѣисты: Прп. Антонію и Феодосію, Сергію, Кириллу Бѣлозерск., Меводію Пѣшношск., Александру Свирскому, Давніду Перелсл., Ефрему Новоторжск., Евѣмію Суздальск., Алексію чел. Божію, Артемію Веркол., блг. вк. Александру Невск., блг. вк. Петру и Февроніи, блг. вк. Константину, Феодору и Мнхалу.

Всѣ, входящія въ составъ „Собранія“ Акаѣисты лѣзятся въ отдѣльной продажѣ; цѣна каждому въ бум. 8 коп.

Библия гражд. крупн. печати въ 4 дол. въ бум. 3 р. 10 к., въ коленк. или кожѣ 5 р. 50 к.

Евангеліе въ лѣстѣ, новое изданіе съ заставками и украшеніями по образцу старопечатныхъ изданій, съ изображеніями Евангелистовъ, художественно исполненныхъ по образцамъ XV в. въ бум. 10 р. 15 к.; въ бархатѣ 30 коп.

Евангеліе въ 16 д. л. (молебное) въ бум. 1 р. 25 к.

Псалтирь церковной крупн. печ. съ кш. въ 4 д., въ бум. 3 р. 60 к. въ кожѣ 5 р.

Новый заветъ въ 16 д., гражд. печ., въ бум. 22 к.

Новый заветъ съ Псалтирью въ 16 д., гражд. печ., въ бум. 30 к. въ коленк. 45 к.

Псалтирь въ 8 д. цер. печ., съ

объяснительн. примѣчаніями въ бум. 40 к. въ кол. 70 к.

Избранныя молитвы и пѣснопѣнія, въ 8 д. въ бум. 50 к.

Канонъ Андрея Критскаго, напечатанный въ порядкѣ чтенія на 1-ой седмицѣ Великаго Поста церк. крупной печ. съ кнн. въ 8 д. въ бум. 45 к. въ кол. 75 к.

Правило ко Св. Причащенію въ 8 д. въ бум. 45 к. въ кол. 90 к.

Рождество Христово (служба съ приложеніемъ манейныхъ сказаній, избранныхъ статей и потныхъ пѣснопѣній) въ 8 д. церк. и гражд. печ., въ бум. 75 к.

Молитвы для церковно-приходскихъ школъ ц. крупн. печ. въ бум. 3 к.

На пути въ Іерусалимъ, гражд. печ., въ бум. 30 к.

Христіанскій мѣсяцесловъ, съ историческ. сказаніями о святыхъ, гражд. печ., въ бум. 1 р.

Поминанье церк. или гражд. печ. въ кол. 15 к. въ саф. 25 к.

Святцы лицевые на 48 таблицахъ, (каждый мѣсяць на 4 таблицахъ) напечатанные въ 12 красокъ, 14 р. 40 к.

КАРТИНЫ въ 12 красокъ на открытыхъ листахъ съ текстомъ:

1. Явленіе Пресв. Богородицы преп. Сергію.—2. Преп. Сергій благословляетъ Вел. князя Дмитрія —3. Святитель Христовъ Николай, въ скорбехъ милосердый и скорый помощникъ.—4. Святитель Христовъ Николай избавляетъ отъ меча.

Цѣна каждой картинѣ 8 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Праздники Господни (Сборникъ священныхъ изображеній Воскресенія Христова и двенадцатыхъ праздниковъ, съ текстомъ, на 14 листахъ, съ рисунк. въ 12 красокъ).

Святцы лицевые, на 48 таблицахъ, черной краской по золотому фону.

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Житія Святыхъ на русскомъ языкѣ, изложенныя по руководству Четыхъ-Мнней Св. Дмитрія Ростовскаго, съ объяснительными примѣчаніями и изображеніями праздниковъ и святыхъ, въ 12 книгахъ.

ВНОВЬ ОТПЕЧАТАНО

„Церковное Хозяйство“

ЧЕТВЕРТЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ

Прот. Іоанна Чижевскаго.

Харьковъ 1901 г. стр. XV—419, ц. 2 р., книгопродавцамъ и выписывающимъ до 10 экз. обыкновенная уступка. Получать у автора: Харьковъ, Конторская № 64.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать?“ Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“ И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Овещ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штудистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправныя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣльева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ плодохрищеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣльева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Овещ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Феофана Прокоповича о свѣд. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 гг.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли intersession, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Ляницкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, Ц. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жюлье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ КОТОМИНЪ.